

В. А. ПИРОЖКОВА

Существует ли прогресс?

Когда люди говорят о прогрессе, то ограничиваются часто общими выражениями, не задумываясь конкретно над тем, что именно прогрессирует. Если мы присмотримся внимательно к развитию, то увидим, что безусловно прогрессируют естественные науки и техника. Правда, есть в истории примеры, что и в этом прогрессе наступал провал, уже достигнутое забывалось, а потом снова открывалось. Так в древнем Египте было уже известно число Пи, которое европейцы потом заново открыли в 16-м веке. Но в европейском развитии наука и техника прогрессируют по прямой восходящей линии и притом со все ускоряющимся темпом. Вместе с прогрессом техники прогрессируют и удобства жизни. Этого тоже нельзя отрицать. Хотя уже здесь начинают сказываться обратные стороны этого прогресса: увеличивается шум, загрязнение воды и воздуха и так далее. Тем не менее в общей сложности можно сказать, что технический прогресс принес до сих пор увеличение жизненных удобств. Станным образом, он только в одном пункте не дал нам того, что мы от него ожидали: мы ожидали, что скорость передвижения сэкономит нам время, но на самом деле, чем скорее мы передвигаемся с одной точки на другой, тем меньше у нас свободного времени. С другой стороны только техника может помочь нам прокормить быстро увеличивающееся население. Та же техника, однако, дает в руки людей такие средства уничтожения, о каких раньше никто не мог и помыслить.

Но техника нейтральна в смысле добра и зла. Она дает в руки людей возможности и для улучшения жизни и для ее уничтожения. Ни естественные науки, ни техника не гарантируют улучшения форм человеческого общежития. Как же обстоит дело с этим вопросом? Улучшается ли общественное и государственное устройство людей по мере прогресса науки и техники? В 19-м веке была широко распространена уверенность, что это так. И в наше время можно встретить людей, которые оптимистически уверены в том, что человеческое общество все более совершенствуется, оно становится свободнее, гуманнее, богаче материальными и культурными благами. И в самом деле, в наше время существуют общественные формации, где свобода членов общества больше, чем она была где-либо в прошлом веке или в начале этого столетия. Мы видим также более гуманное законодательство и судопроизводство, социальное обеспечение, дающее людям хотя бы прожиточный минимум, так что в развитых цивилизованных странах никто больше не должен голодать или нищенствовать. Эти факты, как кажется, подтверждают оптимистическую надежду на то, что и отношения людей между собой, их общественное устройство прогрессируют к лучшему.

Но наряду с этими феноменами двадцатый век дал нам образцы таких тоталитарных диктатур, о которых девятнадцатый век не мог и помыслить. Здесь дело идет не только о массовом истреблении людей, неугодных властям по тем или иным соображениям. Истребления целых народностей известны нам и из прошлых веков, они только не были так совершенно организованы, как это было сделано в наши дни благодаря прогрессирующей технике. В принципе, однако, современные массовые уничтожения людей не хуже и не лучше, чем те, которые происходили в прежние века. В каком-то смысле страшнее,

чем физическое уничтожение людей, представляется современный характер диктатур, не наблюдавшийся в прошлом. Современные тоталитарные диктатуры стремятся охватить всего человека, втягивают в свой процесс и его личную жизнь. В этом им опять-таки помогает усовершенствованная техника, печать, радио, телевидение. У нас, к сожалению, нет основания думать, что возникшие в двадцатом веке в Европе тоталитарные диктатуры — явление временное и неповторимое, то есть, что после ликвидации всех этих тоталитарных диктатур не надо уже будет опасаться их возвращения. Напротив, есть основания предположить, что возникновение таких диктатур будет возможно и в других странах и у других народов.

Но и там, где люди свободны, благосостояние обеспечено, наблюдаются явления, которых не ожидали те, кто стремился к более богатому и свободному обществу. Молодежь в этих обеспеченных странах часто не находит смысла жизни. Растет бессмысленная преступность, увлечение наркотиками, даже увеличивается число самоубийств. Удобства жизни и успехи цивилизации не обеспечивают, как кажется, увеличения субъективного чувства счастья. А ведь все теории прогресса имели в виду осчастливить человека в будущем. Но можно ли вообще измерить сумму счастья? Можно ли сказать, что люди в общей сложности в такую-то эпоху были счастливее, чем в другую? Есть ли хоть какой-нибудь объективный критерий, которым можно было бы измерить величину счастья людей? Счастье — самое субъективное чувство, какое может быть. Как можно применять к нему объективные критерии и измерять его? Поэтому так проблематичны все мечты верящих в прогресс и мечтающих о будущем счастливом человечестве.

Но, может быть, независимо от критерия счастья и от субъективного ощущения людей, улучшаются отношения между людьми, их нравственность, если взять это понятие в широком смысле, охватывающем все отношения людей между собой? По этому вопросу можно иметь разные мнения. Как в прошлом, так и в настоящем можно найти немало примеров человеколюбия, бескорыстной помощи, любви к ближнему, но также и жестокости, черствости, ненависти, зависти. Человек, кажется, не изменился в этом отношении на протяжении веков. Напротив, массовый характер современного общества, скопление людей в больших городах делают отношения людей между собой все более абстрактными и холодными. Люди становятся все более одинокими, проходят мимо друг друга, не интересуясь никем и ничем, кроме собственных дел. Социальные мероприятия и организованная помощь общества нуждающимся чрезвычайно увеличилась за последние десятилетия, но зато уменьшилась непосредственная, так сказать, частная помощь человека человеку. Трудно сказать, что лучше. На этот вопрос могут быть различные взгляды. И общественная и частная помощь имеют свои светлые и свои темные стороны.

Вообще к развитию человечества можно прилагать разные критерии и в зависимости от приложенного критерия делать вывод об улучшении или ухудшении жизни людей. То же самое можно сказать и относительно проблемы культуры. Нет сомнения, что вместе с техникой

прогрессирует и цивилизация. Но не так легко утверждать то же самое относительно культуры. В романе Солженицына «В круге первом» Нержкин говорит, что он любит искусство, потому что оно не прогрессирует. Никто из художников еще не превзошел Рембрандта. О том, кто из художников выше, можно тоже иметь разные мнения, но нет сомнения, что в искусстве не наблюдается линейного прогресса, какой мы видим в технике. После сильного взлета искусства или литературы часто наблюдаются периоды глубокого падения.

Ошибочно думать, что всеобщая грамотность есть признак роста культуры. Это опять-таки только рост цивилизации. Грамотность сама по себе не делает человека ни умнее, ни, тем более, мудрее, ни лучше. Грамотность —

это тоже техническое подспорье, которое может быть употреблено на увеличение настоящих знаний и даже мудрости, или же только на поверхностное внешнее образование без стремления проникнуть в глубину и сущность мира. И в нравственном отношении грамотность точно так же, как и любое другое техническое усовершенствование, может быть употреблена и на добро и на зло.

Так что же, следует прийти к выводу, что в главных проблемах человеческого общества никакого прогресса не наблюдается? Мы не хотели бы этого категорически утверждать. Мы поставили здесь только ряд вопросов, а в другой раз попробуем рассмотреть проблему прогресса с другой стороны.

ИГУМЕН ГЕНАДИЙ (ЭЙКАЛОВИЧ)

Прометеизм

В интересной книге Вл. Крымова «Портреты необычных людей» (Париж, 1971) одна статья посвящена П. Боранецкому, современному русскому философу, автору философской системы, названной им «прометеизмом». Крымов цитирует письмо Боранецкого, в котором последний упоминает, что послал свои биографические данные Н. О. Лосскому, который намеревался написать о прометеизме во французском издании «Истории русской философии» (книга такая, насколько нам известно, не вышла в свет). В том же письме Боранецкий пишет: «Меня вообще... все считают «своим». Так, напр., мое созерцание обличали и с Федоровством, и с ницшеанством, и с Мережковским, и с Бергсоном, и с Фейербахом и со многими другими. Материалисты же считают, что я мистик и создаю новую религию, а религиозники считают, что я материалист и даже воинствующий атеист. Объясняется все это тем, что мое созерцание интегрально и универсально. Поэтому, будучи индивидуальным в целом, оно родственно в своих элементах со многими другими мирозерцаниями». Интересно было бы узнать, где находятся посланные Н. О. Лосскому материалы и что они из себя представляют. В доступных мне русских философских библиографических источниках, включая сюда и «Историю русской философии» о. В. Зеньковского, я ничего о прометеизме не нашел и поэтому ознакомился с сочинениями П. Боранецкого в подлиннике. В этой статье я изложу в общих чертах сущность этого учения. О том, в каких условиях были написаны и изданы эти тысяче-страничные описания, интересующийся читатель сможет прочитать в вышецитированной книге Вл. Крымова. Труды Боранецкого похожи друг на друга, как фотографии того же самого здания, сделанные с разных точек зрения и в разное время. Чтобы сделать возможной некую ориентацию в этом многотысячестраничном материале, я прослежу развитие мыслей автора на фоне основной его книги, которая и носит соответствующее название «*Основные начала*» (Париж, без года изд.).

*

Иногда бывает, что гроза давно прошла, а зарница нетнет да и вспыхнет. Такой запоздалой почти на столетие вспышкой гегельянства в преображенном, правда, виде, является учение П. Боранецкого, в основу которого легли две капитальные идеи: 1) учение о становящемся Абсолютном и 2) учение Н. Ф. Федорова о «Философии общего дела», завершающееся учением о воскрешении предков и преображении вселенной).

В отличие от Гегеля Боранецкий развивает свое учение вне историографического плана и оспаривает утверждение Гегеля о том, что некоторые образования человеческой культуры (напр. прусская государственность, сама гегелевская философия и т. п.) обрели уже абсолютный характер; в отличие от Федорова вся философия Боранецкого ярко атеистична вообще и враждебна христианству в частности.

ОСНОВНЫЕ ТЕЗИСЫ ПРОМЕТЕИЗМА

В критические эпохи всегда с остротой встает вопрос о том, какова причина и какова цель существования человека. Пытаться ответить, гипотетически, на этот вопрос значит составить учение о том, *из чего, как и посредством чего* все в мире образуется. Такое учение называется онтологией. И если человек принимает, что во всяком становлении имеется какая-то цель, какой-то смысл, то смыслом драмы эволюции вселенной и истории человечества является преобразование и мира и человека, т. е. претворение их из «эмпирически данного состояния в нравственно заданное». Дисциплиной, которая может охватить *целое* космических и антропических явлений, является философия, которую можно назвать *системой синтетически объединенного общего знания*. Среди отдельных философских дисциплин наиболее важные суть *онтология*, исследующая источник-глубину бытия, и *эсхатология*, исследующая цель-высоту бытия. Характерной чертой первой является *потенция*, вторая же отличается состоянием *актуальности*.

Субстанция (вначале всего существующего и могущего существовать) имеет два коррелятивных лика: бытие и достоинство бытия, т. е. реальное и идеальное начало^{*)}. Иные два аспекта субстанции в становлении суть дух и материя. Это — противоположные состояния, причем первое отождествляется со всем творческим и положительным, а второе — со всем деструктивным и отрицательным. Все положительное подлежит осуществлению, а все отрицательное — преодолению.

Человек, будучи объектом вселенной в становлении и субъектом истории вселенной, имеет три рождения: одно онтологическое (как животный организм) и два духовных. Первое духовное рождение наступает тогда, когда человек осознает свою «человечность», т. е. свое значение и свою значимость, которые проявляются в познающем разуме, в нравственной воле и в эстетическом чувстве. Второе рождение человека в духе — это обретение человеком творческого могущества. Оба духовные рождения принадлежат к сущности человека.

Среди всех живых существ человек отличается тем, что он — обладатель двух видов бытия: объективного и субъективного. Тогда как вещи и животные определяются в своем бытии *извне*, человек определяется *добавочно и изнутри*: в нем сочетается *детерминизм* (относительно тела) и свобода (относительно духа). Другие характерные черты человека суть творчество, безграничные возможности разума, духовные потребности, причастие идеальному началу мира, призвание стать бессмертным носителем Абсолютного.

Жизнь человека можно подразделить на два периода: первый — период формирования потенциальных возможностей и второй — период реализации этих возможностей.

*) Что-бытие и как-бытие.

Во втором периоде осуществляется «рождение Человека в духовной зрелости». В результате этого второго духовного рождения познающий разум Человека становится органом творчества Истины, нравственная воля — органом творения Добра, а эстетическое чувство — органом созидания Красоты. «И так как в триединстве Истины, Добра и Красоты состоит Абсолютное, то духовное существо Человека становится органом творчества Абсолютного» (31).

Духовная зрелость Человека достигается тогда, когда он из объекта мира, в частности, объекта природы и истории, превращается в субъекта их, т. е. когда он, познавая и овладевая закономерностями мира, достигает власти над судьбой мира, а тем самым также и над своей собственной судьбой (33).

Прометеизм, имеющий в качестве второго имени название «антропономизм», по мнению его творца, объединяет собой философские принципы монизма, дуализма, тринитаризма и плюрализма. Ни одна из вышеупомянутых философских установок не может быть безусловно принята, так как в каждой из них имеются свои недостатки; и в то же время ни одна из них не может быть безусловно отвергнута, так как в каждой из них имеются свои достоинства (83). Объединяющий их универсализм покоится на трех элементах: первый из них — *общий* — представляет собой «становящееся Абсолютное»; второй — *специально-основной* есть принцип творчества и становления, а третий — *специально-основной* есть принцип единства-бытия. Иными словами эту триаду элементов можно определить как *цель, средство и модус*. В этом смысле прометеизм условно тринитарен. Поскольку в основе всего имеется становящееся Абсолютное, Единое (Интеграл всейности), то прометеизм условно монистичен. Поскольку же два первых дифференцированных элемента бытия и становления (единства и творчества) гетерогенны друг другу (797), прометеизм условно дуалистичен. «Единство же относительного монизма, относительного дуализма и относительного тринитаризма образует собой синтез абсолютного универсализма» (798).

Философия имеет два аспекта: теоретический, как обладание Истиной, и практический, как жизнь в Истине. Различие между философией и остальными науками состоит в том, «что каждая отдельная наука имеет своим преимущественным предметом тот или иной элемент мира (его отдельную сторону, сферу или аспект), философия же имеет своим преимущественным предметом мир как *целое* (его основные, всеобъемлющие и всепроникающие начала, его первооснову и первоусущность) (102, 103). Если бы не было философии, то мир как целое не был бы познан. Философия объединяет научное знание: она не научна, и не вненаучна, а сверхнаучна.

Так как целое и элементы всякой системы реальности или знания соотносительно и взаимно обуславливают друг друга, то всеобъединяющая философия должна следовать этому принципу, должна иметь свою строгую архитектуру. Следуя основному триединому ритму, философия должна ответить на три вопроса: из чего все происходит, к чему все идет и что есть то, что происходит между Началом всего и Завершением всего. Эти общие вопросы решаются системой семи философских дисциплин, из которых гносеология является предварительной, онтология и эсхатология — двумя крайними, а нравственная философия (этика), эстетическая философия (эстетика), философия природы (космология) и философия истории (историческая философия) суть четыре непосредственные дисциплины.

В основе всего лежит *субстанция бытия*, из которой все происходит, и ее *онтологический субститут*, посредством чего все образуется.*) Это суть два специально-основных элемента. Три обще-специальных элемента: творчество, единство и Становящееся Абсолютное связывают онтологию с остальными философскими дисциплинами.

Субстанция бытия обладает двумя противоположными

сторонами: идеальной и реальной, и двумя противоположными состояниями: творческим и деструктивным. Первое состояние — это дух, второе — материя.

Идеальное есть внутренний аспект субстанции бытия, а реальное — внешний. Из положительного отношения этих двух сторон бытия (их единства) протекает все положительно-творческое в мире, духовное. Из отрицательного же их соотношения (разъединенности) — все отрицательное, материальное.

Идеальное начало конституирует закономерность в мире, реальное же — энергию.

В стадии бессознательной стихийности и неорганизованности мира, непросветленного светом разума, искажаются соотношения между идеальным и реальным, возникает между ними антагонизм, взаимоуничтожение. В разъединенности идеальное уходит в отрицательное состояние невыявленности и реальное — в состояние распада, разложения. Зло, в первичном порядке, рождается из конфликта положительного с положительным, из взаимоотношения и взаимовыталкивания благ разного порядка и направления. Отрицательная тенденция, рожденная таким образом, порождает, в производственном порядке, дальнейшее зло.

«В частности, как в воссоединении сознания и бытия осуществляется истина, в воссоединении сущего и должного осуществляется добро, а в воссоединении идеи и воплощения осуществляется красота, так в разъединении сознания и бытия образуется ложь, в разъединении должного и сущего образуется зло (в специальном нравственном смысле этого понятия), а в разъединении идеи и воплощения образуется уродство» (160).

Мировая закономерность в своем идеальном аспекте является композитивным началом (создает сущность, эссенцию), а в своем реальном аспекте — осуществляющим началом (существование, экзистенция).

Универсальная закономерность приносит гармонию бытия, а индивидуальное применение ее образует элементы бытия. Реальность есть синтез многообразия элементов и гармонии их отношений.

Творчество есть осуществление Закона Бытия и преодоление нарушения его. В частности, познание состоит в открытии закономерности, нравственность — в осуществлении ее, а искусство — в воплощении (172). Без закономерности мир представлял бы собой полнейший хаос. Жизнь есть утверждение закономерности бытия, болезнь — частичное нарушение, а смерть — полное ее прекращение.

Все патологические проявления бытия (аномалии, катастрофы, бедствия и несчастья) протекают из нарушения закономерности. Каждое нарушение закономерности не изолировано, наоборот, вызывает, так сказать, цепную реакцию патологических явлений.

С закономерностью связана онтологическая имманентность всего всему: «Всякий предмет бытия есть одновременно и целое и элемент: он есть целое со стороны элементов, из которых он состоит, и элемент со стороны другого, более значительного целого, к которому он принадлежит. И таковы все предметы бытия, кроме двух предельных: предельно-великого, именно мира, который есть только целое, абсолютное целое, и предельно-малого, именно того, что является исковой последней частью мира и которая будет только элементом, абсолютным элементом» (193, 194).

Идеи суть субстанциальные корни вещей, «онтологические узлы мировой закономерности, в которых творчески завязываются идеальные сущности вещей; они суть онтологические завязи предметов-элементов бытия, образуемые мировой закономерностью» (205). Чем значительнее идея и сложнее предмет, ею образуемый, тем больше видов закономерности участвует в образовании их. В Человеке, «как в венце эволюции», участвуют все виды мировой закономерности.

Мировая энергия. Современная наука, разложив атом, доказала, что так наз. «материя» есть лишь вид энергии, т. е. что материя не есть субстанция, а лишь только акция. Мировая энергия «есть онтологическая стихия

*) Нечто вроде элемента-бытия и элемента-знания у Вронского или первой материи и чистой формы у Аристотеля.

мира, наполняющая собой — в той или иной форме — все мироздание и сообщающая онтологический субстрат бытия всему сущему в мире» (229). Если закономерность является внутренним (идеальным) аспектом субстанции бытия, то энергия — ее внешним (реальным) аспектом. Энергия есть изначальная стихия мира, безграничная в своей мощи, которой все образуется. Энергия в своем положительном, творческом состоянии имеет духовную природу, а в состоянии отрицательно-деструктивном — материальную. Энергия выступает в разных видах: тепловой, механической, электрической, световой и т. д. Она может видоизменяться, но в целом — она неуничтожима.

СТАНОВЯЩЕЕСЯ АБСОЛЮТНОЕ И ЕГО НОСИТЕЛЬ — ЧЕЛОВЕК

Прометеизм, по замыслу своего автора, есть мировоззрение, которое отменяет за ненадобностью и религию и материализм, синтезируя их полные направления, идеализм и реализм, в единственно правильное: идеал-реальное (ибо идеалистическая религия нереальна, а реалистический материализм — не идеалистичен). С отвержением религии прометеизм отвергает и существование внемирного Бога и, в философском аспекте, Абсолютного, как уже существующего. Абсолютное лишь становится в лице развивающегося и совершенствующегося Человека-человечества. Когда человек станет совершенным, он станет актуальной ипостасью осуществленного Абсолютного. До времени — в Человеке абсолютность имеется, так сказать, в недовыявленном, в потенциальном состоянии. Если идти еще глубже, то можно сказать, согласно прометеизму, что бесконечное и безначальное Бытие (Интеграл мира) находится в «спиралеобразном» эволюционном процессе, этапы которого следующие периоды: 1-о) несознательное и неорганизованное становление (мир природных явлений), 2-о) возникновение микрокосмоса — человека, обладающего сознанием, 3-о) исторический период вселенной, в котором человек начинает воздействовать на природу и на самого себя, все время совершенствуясь (безгранично), 4-о) эсхатологическое свершение, как результат преобразования вселенной Человеком и переход в сверхпространственный и в сверхвременный план абсолютного бытия.

Человеку, в качестве носителя потенциально безграничной мощи, дано и задано, «в силу его светоносного разума, мироорганизующей воли и всеотзывчивого чувства», использовать мировую энергию посредством применения мировой закономерности для: 1) концентрации всего положительного в мире, 2) преодоления всего отрицательного в мире, 3) введения сознательного миропорядка во вселенную, 4) вечного сохранения человеческой жизни. Последняя задача обнимает две цели: а) воскрешение всех уже упавших умереть людей; б) научное возобладание умением бесконечно обновлять все жизненные процессы актуально живущих людей.

Это будет возможно вследствие действия «закона ретроактивности», который состоит в том, что «каждое создание есть в то же время и воссоздание, каждое рождение есть вместе с тем и возрождение» (562). Всякая причина не только создает свое следствие, но и воссоздает себя в нем, и это «продолжается во всем причинном ряду, уходя с той и другой стороны в бесконечность, так что в каждом настоящем известным образом сосуществует все прошлое и предсуществует все будущее» (564).

Ибо «если бы прошлое отнимало безвозвратно у настоящего все то, что приходит к нему из будущего, то в итоге настоящее всегда оставалось бы при нуле». «... настоящее питается одновременно из двух источников: и из будущего, и из прошлого — из будущего в порядке Мирового Становления, из прошлого в порядке мирового восстановления» (565).

Человек обладает специальным органом творческой ретроактивности — памятью, индивидуальной и родовой. В силу действия этого закона все должно быть восстановлено, ибо «если бы в Абсолютном не доставало хоть одной ценности, когда-либо бывшей в мире, то уже поэтому оно не было бы Абсолютным» (566).

Закон ретроактивности относится к тому, что было, а Закон сохранения ценностей касается того, что есть: все ценное — онтологично, а потому и пребывающее. В отношении к человечеству, первый закон представляет собой закономерное начало *воскрешения*, а второй — закономерное начало *бессмертия*. В силу сознательного использования этих законов человек должен победить смерть во-первых — в ее генетической возможности, и во-вторых — в ее эмпирической действительности.

Для этого нужно, чтобы преодоление смерти было осознано и поставлено (человечеством) как *цель*. Только тогда борьба со смертью будет вестись целесообразно. Это станет возможным лишь тогда, когда человек станет совершенным, будет жить в совершенном мире, совершенной жизнью.

В мире все имманентно всему. Мир есть шар, центр которого может находиться в любом месте, радиус которого бесконечен, шар, не имеющий поверхности. С онтологической точки зрения бессмертие есть преодоление времени и пространства, оно состоит в полной гармонии индивидуального с универсальным, реального с идеальным, в приобщенности к Бесконечному.

Прометеизм в основу своей «титанической» этики кладет убеждение в том, что человек есть реализация высшего начала, а не низшего, так как его существование является осуществлением идеи-сущности человека как цели-причины. Творческий героизм человека должен вести его от сущего к должному, от относительного к Абсолютному. Героическая этика основана на трех началах: творчестве, единстве и становящемся Абсолютном. Становящееся Абсолютное есть *цель* этой этики, творчество — ее *средство*, а взыскуемое универсальное единство (полная гармония) — ее *модус*.

Апофеоз Мирового Становления-Истории выразится осуществлением Абсолютного бытия, как абсолютной жизни Человека, наполненной высшей и вечной радостью об Абсолютном.

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

971 страница «Основных начал» представляет собой неудобочтимый материал из-за бесчисленных повторений одних и тех же предположений и мыслей. При всем уважении к героическим условиям издания этой книги должно признаться, что при чтении ее создается состояние растерянного недоумения: почему автору пожелалось затопить интересные мысли разливом такого многоречия? Если бы содержание прометеизма было изложено на 80—100 страницах, книга от этого только выиграла бы.

Относительно содержания следует с самого начала отметить, что основная идея «становящегося Абсолютного», которую П. Боранецкий кладет «во главу угла» своего трактата, отличается внутренним противоречием. О «становящемся Абсолютном» учил Гегель, но ведь с тех пор прошло уже достаточно времени для того, чтобы убедиться, изучая историю философии, в несостоятельности такой идеи. Если Абсолют становится, значит его еще нет, значит это нечто «становящееся» относительно, следовательно — не абсолютно. Выражение «становящееся абсолютное» парадоксально и внутренне противоречиво, следовало бы заменить термином «абсолютизирующееся относительное». П. Боранецкий совершенно ясно говорит, что религиозную идею об Абсолютном, как сущем, он отвергает самым решительным образом. Тем самым он становится в оппозицию не только по отношению к богословию, но и по отношению к философии, по крайней мере той философии, которая предмет своих изысканий сперва передвинула на границу мира (ср. учение об Абсолюте Фихте и Шеллинга), а затем и трансцендировала тварную область (ср. ахрематическую философию Г. Вронского). С этой стороны П. Боранецкого можно было бы сравнить с современным физиком, строящим свою гипотезу о строении материи на принципе неделимости атома!

П. Боранецкому, как и Гегелю, прежде всего следует поставить в упрек, что он ложно учит об автономности человеческого знания, думая, что в своем динамическом

диалектизме оно уже доподлинно абсолютно, само по себе, в то время, как, по существу, оно является лишь логическим бытием, а не трансцендентальным (метафизическим). Подлинное абсолютное бытие находится вне нашего знания, во внутренней сущности Абсолюта. Когда человек постигнет эту сущность, т. е. когда соединится ипостасно с Логосом в Боге, тогда и лишь тогда человеческое я станет вполне автономным. Иначе это можно выразить следующим образом. Дух человеческий потенциально абсолютно, так как создан по образу Божьему. Однако его актуальное существование еще относительно, так как оно создано не самим человеком, а Богом. Реальность человека станет абсолютной, когда он отождествит свое индивидуальное знание с универсальным знанием в Логосе, т. е. доведет его до такого совершенного творческого состояния, в котором он сам себе создаст свое собственное бытие. Но он сможет это сделать автономным актом только потому, что условия такого свершения существуют в гетерономном порядке: они созданы Творцом. П. Боранецкий в этой области недиалектичен: удерживает автономность и начисто отвергает гетерономность.

П. Боранецкий представляет свой прометеизм как синтез и преодоление религии и материализма, которые являются полюсными элементами диалектики идеализма и реализма. Противоположностью религии (теизма) принято, однако, считать атеизм, а противоположностью материализма — спиритуализм. Поразительной кажется игнорация автора относительно религии, в частности — христианской религии. Он безразборчиво употребляет выражения, являющиеся столь субъективными, что кажутся предумышленными, предвзятыми. Приведем несколько таких выражений: религия (и материализм) суть мирозерцания духовной незрелости человека и, значит, также его немощи и ничтожества (40); религия (и материализм) лишают человека его истинного достоинства и бытия (41); религия (и материализм) отрицают мир и человека; религия отрицает человека со стороны тела и косвенно со стороны души (784); религии присущ полусознательный и полубессознательный культ смерти, а не жизни (786); христианство всячески обесценивает и отрицает реальность мира и жизни (787); религия есть мзническое начало небытия (423); зло религии состоит в том, что она, представляя высший совершенный миропорядок, как и само Абсолютное, не заданным миру и человеку, а уже данным, данным в ином, сверхъестественном плане бытия, этим самым не только дезориентирует человека в мире, но и демобилизует его (59); религия есть мирозерцание, враждебное природе и истории, культуре и цивилизации, творчеству вообще (61). Такими суждениями пестрит вся книга. Неужели автору «Основных начал» неизвестна догматика и патристика православной Церкви? Ведь православие всегда занимало «синтетическую» позицию, которую, употребляя терминологию Лосского, можно было бы назвать идеал-реалистической, понимая под этим признание, что «реальное бытие, т. е. бытие временное и пространственное, существует на основе идеального бытия, т. е. бытия вневременного и внепространственного». Предельным выражением этой серединой, антиномически-диализированной установкой является халкидонская формула о двух природах Иисуса Христа. Церковь всегда боролась против тех еретических учений, которые уклонялись в ложный спиритуализм (монофизитство, докетизм, манихейство и т. п.). Архимандрит Киприан (Керн) на всем протяжении своей прекрасной книги «Антропология св. Григория Паламы» не устаёт подчеркивать факт, что «ангелоподобные пустынножители... не звали к уничтожению тела и не гнушались им, как источником зла в человеке. Именно этого-то псевдодуховного, монофизитского, а потому и сектантски-нездорового начала не было в подлинном опыте восточного аскетизма» (51). Подобных по содержанию цитат можно было бы собрать очень много. П. Боранецкий не знает православного христианства, либо сознательно искажает его. Наподобие сервантесского героя он не только сражается с ветряными мельницами, но и сам их строит для этой цели.

В авторе прометеизма горит оптимистическая вера в Человека и в его светоносный разум, мироорганизующую волю и всеотзывчивое чувство»: его оптимизм граничит с наивностью. Он совсем не замечает области иррационального и факта, что наряду с нарастанием добра нарастает и зло, как будто мимо его сознания прошли революции и мировые войны с их страшными последствиями, что в безбожных обществах намечается моральный регресс в государственных масштабах и растет «внутренний вандализм» нового образца.

Ошибочная вера в становящегося абсолютного человека, взятого вне его отношения к Богу, уже изжита в истории: она привела к дегуманизации этого человека либо в виде «белокурой бестии», либо в виде марксистского коллектива-молоха. Это хорошо показано в «Крушении кумиров» С. Л. Франка, в «Смысле истории» Н. Бердяева и в иных многочисленных произведениях этого рода. Но... прометеизм игнорирует и историю, и литературу!

Высокое призвание человека и его неограниченные возможности, о которых пишет П. Боранецкий, понятны только в рамках религиозного мировоззрения, которое он столь решительно отвергает.

Человеку действительно «дано и задано» стать абсолютным, но эти «данность и заданность» предполагают Того, Кто «дает и задает»: у каждого человека имеется возможность либо принять это призвание, либо от него отвернуться.

Силлогистика (диалектика) — это только формальные методы мышления, и они имеют лишь вспомогательное, инструментальное значение. Если, например, в большой посылке силлогизма имеется ложное по содержанию утверждение (хотя с грамматической, формальной точки зрения оно может и не вызывать возражений), то и вывод будет ложен. Так было у Гегеля, так это представляется и у Боранецкого. Искусство логомахи остается... искусственным!

Как же объяснить, что у такого определенно атеистического писателя, как П. Боранецкий, имеются интересные мысли, над которыми стоит задуматься всякому? Это можно объяснить следующим образом.

Каждый человек культурен по-своему, индивидуально, но культура его, сознательно или подсознательно, вырастает из общей культурной почвы, нечто наподобие того, как наряду с индивидуальной памятью имеется и память родовая. Если данный человек и восстает против общепринятых культурных ценностей, то делает он это не с какой-нибудь нейтральной, нулевой, позиции («табула раша»), а с позиций той культурной среды, в которой он сам находится и которую он отрицает. Он оперирует понятиями, образами, терминологией, конструкциями, которые были уже созданы вне его и помимо него христианской европейской культурой. Отсюда и получается парадокс, что отдельные темы прометеизма могут в качестве фрагментов подходить к широкой мозаике христианской философии, хотя его исходная позиция остается совершенно неприемлемой. Скажем даже больше — именно на фоне христианской философии объяснимы и оправданы некоторые его построения. Автор прометеизма подобен художнику, который, отрицая открытие Коперника, тем не менее способен хорошо написать картину «восходящего» солнца.

И, наконец, последнее замечание. Название прометеизма роковым образом обращается против основной идеи антропономизма, каким его представляет себе П. Боранецкий: ведь огонь-то Прометей похитил с неба, а не сам его создал! Не правда ли?

Мир в наши страшные дни и в тяжкую эпоху, которая так или иначе должна за ними последовать, стоит на распутье. Перед ним только две возможности: или катиться далее по пути в пропасть, или спастись от гибели героически усилием христианского возрождения. Да поможет нам Господь!

С. Л. Франк. С нами Бог. Три размышления. Париж, 1964, стр. 378.

С. Л. ФРАНК

По ту сторону „правого“ и „левого“*

Эта статья была написана С. Л. Франком в 1931 г. и первый раз опубликована в журнале «Числа», Париж. После этого прошло больше 40 лет, но эта статья не только не потеряла своего значения, но, напротив, она приобретает в наши дни жуткую актуальность. Франк пишет, что прежние наименования правого и левого устарели постольку, поскольку их крайности могут соприкасаться, или же они могут разлагаться на составные части, из которых одни легко примыкают к враждебной стороне.

Истинная противоположность — это с одной стороны «рационализм, безграничный государственный деспотизм, господство низших классов над классами культурными; на другой стороне — права традиционализма и религиозной веры, принцип права и свободы личности, защита интересов культуры и образования... Коротко говоря — борьба между нигилистически-демагогическим деспотизмом и идеей, опирающейся на духовные ценности правового порядка». Он называет это борьбой между красным и белым и указывает на то, что «красное» весьма сродни «черному», т. е. черносотенному, и весьма легко может в него обратиться. «Рационализм может легко замениться вульгарно-грубым (и потому имеющим сильно рационалистический оттенок) «традиционализмом», при сохранении двух других связанных с ним моментов: демагогии и деспотизма».

Уже после написания этой статьи мы были свидетелями таких переходов, хотя и с вариациями, и, быть может, мы скоро будем свидетелями новых переходов подобного типа.

Хотя национал-социализм в Германии нельзя назвать традиционализмом — хотя бы и вульгарного типа, — тот же Франк отметил его связь с крайне левыми, выразившуюся уже в его наименовании, и он был не столько «черным», как «коричневым», — но отказать ему в черносотенности нельзя. Но вот в коммунистической части Германии произошло то же самое, что наблюдал Франк в коммунистической России: «Административный состав большевицкой власти, преимущественно армии и полиции, был создан при существенном участии черносотенства». Так же и аппарат «государственной безопасности» в коммунистической Германии был создан не без значительного участия бывшей нацистской «службы безопасно-

сти». Но наибольшее беспокойство вызывает то, что в свободной части Германии среди молодежи распространяется тот же нацистский дух, совершенно та же варварская психология, только под другим, коммунистическим, знаком. Встает тревожный вопрос: неужели народ не сумел преодолеть своего прошлого и воскрешает его в коммунистическом обличье? Так или иначе, «коричневое» легко может переходить в «красное».

В России же среди оппозиционных течений появилось одно, относительно которого невольно напрашивается болезливый вопрос: оппозиционное ли оно? В «Вече» № 1 А. Антонов обвиняет Сталина в том, что тот поручил борьбу с «космополитизмом» интеллигенции, что, конечно, не могло повести к успеху, так как интеллигенция сама пропитана космополитизмом. Эту интеллигенцию он называет «мошечками». Его оппонент не согласен с Антоновым и спрашивает: «Интересно, а кому ее нужно поручать? Толпам разъяренных хунвейбинов, волокущим по улицам окровавленных «космополитов»? Борьба с космополитизмом — идейная борьба, и она должна вестись на должном уровне и на должной высоте. Поручена она была в свое время халтурщикам-конъюнктуращикам, из-за которых и сегодня многие шарашаются от русской идеи с воплем: «Опять Россия — родина слонов?».

Вспомнив Вл. Соловьева, хочется спросить, что авторы во сне, что ли, между собой разговаривают? Хорошо, что оппонент Антонова хоть хунвейбинов отрицает и не согласен на кровавую расправу с «космополитами», но не только в том, что с этими самymi «космополитами» надо непременно бороться, но и то, что Сталин и мел право руководить этой борьбой, в этом оба автора, очевидно, согласны. Сталин для них — положительное лицо в русской истории. И это просто страшно. Не происходит ли здесь переход «красного» в «черное»? В вульгарный «традиционализм» с сохранением деспотии и демагогии? Только вот на Хомякова Антонов ссылается напрасно. Хомяков шарашнулся бы от такого «традиционализма» и, прежде всего, от Сталина.

Статья Франка представляется нам, в самом деле, весьма актуальной.

Что такое «правое» и «левое»? И к какому из этих двух направлений надо себя причислять, какому из них надо сочувствовать?

Еще совсем недавно ответ на первый вопрос был ясен для всякого политически грамотного человека. Ответ на второй вопрос для нас, русских, тоже не возбуждал сомнений до 1917, и тем более до 1905 года. «Правое» — это реакция, угнетение народа, аракчеевщина, подавление свободы мысли и слова, произвол власти; «левое» — это освободительное движение, освященное именами декабристов, Белинского, Герцена, требования законности и уничтожения произвола, отмены цензуры и гонений на иноверцев, забота о нужде низших классов, сочувствие земству и суду присяжных, мечта о конституции. «Правое» есть жестокость, формализм, человеконенавистничество, высокомерие власти; «левое» — человеколюбие, сочувствие всем «униженным и оскорбленным», чувство достоинства человеческой личности, своей и чужой. Колебаний быть не могло; «у всякого порядочного человека сердце бьется на левой стороне», как сказал Гейне. Ибо, коротко говоря, — «правое» было зло, «левое» — добро.

Все это исчезло, провалилось в какую-то бездну небытия, испарилось, как дым. Нынешнему молодому поколению, даже «левого» направления, эта цельность чувств уже недоступна. Отчасти теперь в русской эмиграции (и,

отчасти, в самой России) «правое» и «левое» просто переименовались местами: «левое» стало синонимом произвола, деспотизма, унижения человека. «Правое» — символом стремления к достойному человеческому существованию; словом, правое стало добром, левое — злом. Но это — только отчасти. За этим поворотом скрывается другой, гораздо более значительный, хотя менее явственный: нарастает чувство непонятности, неадекватности, смутности самих определений «правого» и «левого».

Позволю себе личное признание, быть может, неинтересное читателю, но необходимое мне как отправная точка для дальнейших размышлений. В ранней молодости я был, как все русские молодые интеллигенты того времени, «крайним левым» — марксистом, социал-демократом. Потом в течение всей жизни постепенно «правел», не дойдя, впрочем, до настоящей «правизны», а тяготел скорее к «центру» между «правым» и «левым»; но всегда сознавал себя на каком-то месте линии, идущей слева направо. Революция 1917 года была для меня, как для всех других русских людей, не утерявших совести и здравого смысла, непосредственным толчком к решительному «поправению». Но по мере того, как впечатления отлагались в душе, начался и новый процесс: сами понятия «правого» и «левого» начали становиться все более случайными, шаткими, теряли свой былой однозначный смысл, становились призрачными и неактуальными. В них ощущалось даже что-то оскорбительно-неуместное: человеку, тонущему в

*) «Числа», № 4, Париж 1930—1931.

водвороте и пытающемуся спасти свою жизнь, не время думать, «правый» ли он, или «левый»; человеку, попавшему в плен к разбойникам или сумасшедшим, не до партийной политики; человек, потерявший родину, потерял всё — в том числе и ту почву, на которой он мог идти направо и налево. И когда меня — человека, хотя и не принимавшего активного участия в политике, но всю жизнь интересовавшегося политическими вопросами и достаточно образованного в них — спрашивают теперь, «правый» ли я, или «левый», то я испытываю странное чувство неловкости, недоумения и неспособности дать прямой ответ на вопрос. Поразмысливши над этим чувством, я пришел к убеждению, что повинно в нем не неопределенность моего политического мировоззрения, а неуместность самого вопроса. Теперь я предпочитаю, вместо ответа на этот вопрос, со своей стороны спрашивать вопрошающего: «А вы сами причисляете себя к какой партии — к „гвельфам“ или к „гибеллинам“?». Тогда я испытываю удовольствие привести вопрошающего в такое же замешательство, какое он причинил мне.

В самом деле, мы привыкли употреблять слова «правый» и «левый» как понятия, которые, во-первых, имеют всем известный, точно определенный смысл, и, во-вторых, в своей совокупности исчерпывают всю полноту возможных политических направлений и потому имеют всеобъемлющее значение каких-то вечных «категорий» политической мысли. Мы забываем, что эти понятия имеют лишь исторически обусловленный смысл, определенный своеобразием эпохи, в которой они возникли и действовали (или действуют), и что им рано или поздно суждено, как всем историческим течениям, исчезнуть, потерять актуальный смысл, смениться новыми группировками. И мы, отдаваясь рутине мысли, не замечаем, что в современной политической действительности есть очень существенные тенденции, которые уже не укладываются в эти старые, привычные рубрики.

Что разумеется, в конце концов, под этими понятиями «правого» и «левого»? Конечно, можно брать их в совершенно формальном и общем смысле, в котором они действительно становятся некоторыми вечными, имманентными категориями общественно-исторической жизни. А именно, можно заметить под ними «консерватизм» и «реформаторство» в общесоциологическом смысле — с одной стороны, склонность охранять, беречь уже существующее, старое, привычное, и, с другой стороны, противоположное стремление к новизне, к общественным преобразованиям, к преодолению старого новым. Но, прежде всего, при этом понимании логично было бы не двуличное, а трехличное деление. Наряду со «староверами» и «реформаторами» должны найти себе место и те, кто сочетает обе тенденции, кто стремится к обновлению именно через его реформу, через приспособление его к новым условиям и потребностям жизни. Такое не «правое» и не «левое», а как бы «центральное» направление совсем не есть, как часто у нас склонны думать, какое-то эклектическое сочетание обоих первых направлений; оно качественно отличается от них тем, что, в противоположность им, его пафос есть идея полноты, примирения. Практически крайне важно, что различие в этом смысле между «правым» и «левым» менее существенно, чем различие между умеренностью и радикализмом (все равно — «правым» или «левым»). Сохранение, наперекор жизни, во что бы то ни стало, старого и стремление во что бы то ни стало переделывать все заново сходны в том, что оба не считаются с органической непрерывностью развития, присущей всякой жизни, и потому вынуждены и хотят действовать принуждением, насильственно — все равно насильственной ли ломкой, или насильственным «замораживанием». И всяческому такому, «правому» или «левому» радикализму противостоит политическое умонастроение, которое знает, что насилие и принуждение может быть в политике только подсобным средством, но не может заменить собою естественного, органического, почвенного бытия.

Но главное в нашей связи — то, что понятия «правого» и «левого», употребляемые в этом чисто формально-общем,

универсально-социологическом смысле, очевидно, не имеют ничего общего с политическим содержанием, которое обычно вкладывается в эти понятия, и лишь в силу случайной исторической обстановки могли психологически ассоциироваться с ними. Мы привыкли, в силу еще недавнего господствовавших политических порядков, что «правые» находятся у власти и охраняют существующий порядок, а «левые» стремятся к перевороту, к установлению нового, еще не существующего порядка. Но когда этот переворот уже совершился, когда господство принадлежит «левым», то роли, очевидно, меняются: «левые» становятся охранителями существующего — а, при длительности установившегося порядка, — даже приверженцами «старого» и «традиционного», тогда как «правые» при этих условиях вынуждены взять на себя роль реформаторов и даже революционеров. Если мы будем спутывать общесоциологические понятия «охранителей» и «реформаторов» (или, еще общее: «довольных» и «недовольных») с политическими понятиями «правых» и «левых», то мы должны будем в республиканско-демократическом строе называть республиканцев и демократов «правыми», а монархистов — «левыми», или всех противников советского строя называть «левыми», а самих коммунистов — «правыми», т. е. дойти до совершенной нелепицы и полной путаницы понятий.

Итак, каково же, собственно, конкретно-политическое содержание понятий «правого» и «левого»? Но прежде чем ответить на этот вопрос, еще одно замечание общелогического порядка. Если мы отвлечемся на мгновение от этих понятий или этикеток и непредвзятым взором попытаемся обозреть все возможное многообразие политических мировоззрений, то чисто логически заранее очевидно, что оно не может быть исчерпано делением его на два противоположных типа. Политическое мировоззрение есть комплекс или система, слагающаяся из совокупности ответов на ряд существенных вопросов общественной жизни. Каждый вопрос допускает разные решения; ясно, как неисчерпаемо велико возможное многообразие политических мировоззрений. Конечно, всякое многообразие допускает классификацию по основным высшим родам, в том числе иногда и дихотомическое деление. Но для этого деление должно быть произведено по единому и притом существенному признаку, т. е. такому, видоизменение которого определит различие хотя бы основных и важнейших из остальных признаков. Удовлетворяет ли деление на «правое» и «левое» указанному требованию единства и существенности признака деления? Бесспорно, что долгое время оно практически ему удовлетворяло — иначе оно не могло бы достигнуть такого широкого распространения и всеобщего признания.

Однако для судьбы этих понятий в наше время существенно, что интуитивно-психологическое единство обоих мировоззрений не определялось логически-необходимой связью идей в них. Дело в том, что оба эти соотносительные понятия лишены внутреннего единства и не могут быть определены на основе какой-либо одной, центральной для каждого из них и объединяющей его идеи. Наоборот, вдумываясь в них, мы заключаем, что в них по историческим, с точки зрения существа дела случайным условиям скрестились три ряда духовных и политических мотивов, по существу совершенно разнородных. Прежде всего — чисто философское различие между традиционализмом и рационализмом, между стремлением жить по историческим и религиозным преданиям, по логически не проверяемой традиционной вере (по вере и обычаям отцов), и стремлением построить общественный порядок чисто рационально, умышленно-планомерно; во-вторых, чисто политическое различие между требованием государственной опеки над общественной жизнью и утверждением начала личной свободы и общественного самоопределения (в этом смысле «правый» значит государственник, этатист, сторонник сильной власти, в противоположность «левому» — либералу); и, наконец, чисто социальный признак — позиция, занимаемая в борьбе между высшими, привилегированными, богатыми классами, стремящимися сохра-

нить или утвердить свое господство в государстве и обществе, и низшими классами, стремящимися освободиться от подчиненности и занять равное или даже господствующее положение в обществе и государстве. В этом смысле «правый» значит сторонник аристократии или буржуазии, «левый» — демократ или социалист.

Некоторая связь по существу между этими тремя парами тенденций, соединяющая первые члены их в понятие «правого», а последние — в понятие «левого», бесспорно есть. Так, рационализм, выступая против традиционной веры, требует свободы «критической» мысли, и в этом смысле первый признак связан со вторым; и точно так же свобода, в качестве общественного самоопределения, требует всеобщности и в этом смысле равенства в свободе (формального равноправия всех людей, в том числе и членов низших классов), и этим соединяется с третьим признаком. Этими двумя связями определено единство либерально-демократического или радикально-демократического мирозерцания — а, тем самым, отрицательно, и единство его антипода — консервативно-аристократического умонстроения. Однако связи эти очень относительны и столь же легко — чисто логически и потому и практически — могут уступать место и отталкиваниям и взаимной борьбе. Так, чистый рационализм, требуя свободы отвлеченной, «критической» мысли и основанного на ней общественного действия, — с другой стороны, в своей враждебности к вере и традиции, может и должен стремиться к стеснению свободы религиозной веры и к подавлению свободного пользования традиционным порядком, обычаями, нравами (якобинство, «комбизм», коммунистическое преследование веры и традиций). Более того — и это здесь самое существенное: рационализм, требуя свободы для себя, в своей идее устройства жизни на основании рационального порядка, имеет сильнейшую имманентную тенденцию к началу государственного регулирования, к подавлению той иррациональности и сверхрациональности, которая образует самое существо свободы личности (просвещенный абсолютизм, якобинство, коммунизм в его теории и практике; ср. программу Шигалева в «Бесах»: «начав с провозглашения свободы, утвердим всеобщее рабство»). Еще более очевидна слабость связи между вторым и третьим признаком. Лишь в процессе борьбы низшие классы требуют для себя свободы, и идея свободы легко связывается с идеей равенства. По существу притязания низших классов на улучшение их правового и, в особенности, материального положения не имеют, очевидно, ничего общего с требованием свободы. По существу начала свободы и равенства, как известно, скорее антагонистичны, что не раз и обнаруживалось в историческом опыте; начало свободы личности предполагает, правда, всеобщность самостоятельности и в этом смысле формальное равноправие всех, но, с другой стороны, стоит в резком антагонизме к началу реального равенства: в силу фактического неравенства способностей, условий жизни, удачи между людьми, свобода должна вести к неравенству социальных положений, и, наоборот, реальное равенство осуществляется только через принуждение, через государственное регулирование и ограничение свободной самостоятельности личностей, свободного выбора жизненных возможностей. К этому присоединяется и то, что народные массы, представляя собой низший духовный уровень человека, вообще более склонны к деспотизму, легче мирятся с ним и охотнее им пользуются, чем высшие слои общества. Наконец, уже совершенно очевидно, что первая пара признаков (традиционализм и рационализм) только случайно исторически в нашу эпоху сплелась с третьей парой (господство вышних классов и восстание низших) и не имеет с последней никакой связи по существу. Радикализм и просветительство, стремление переделать жизнь по отвлеченно намеченным планам, по требованию «разума», естественно составляет особенность слоев образованных, привыкших к работе мысли, тогда как народные массы, по общему правилу, более склонны к традиционализму, к вере и жизни по примеру отцов. До совсем недавнего времени консервативная власть всегда опиралась на

народные массы против образованных классов и, напротив, власть, вступая на путь радикального и планомерного переустройства общества, наталкивалась на оппозицию народных масс (реформы Петра Великого и стрельеческие бунты). В настоящее время, начиная с середины XIX века и вплоть до современности, это соотношение, правда, радикально изменилось: рационализм, потеряв в значительной мере свой кредит у образованных, стал достоянием народных масс. И все же и теперь примитивность инстинктов низших классов, несмотря на весь их рационализм, часто приводит к утверждению или даже воскрешению старых форм быта, по крайней мере поскольку для них существенна грубость и упрощенность нравов. Этим в значительной мере определены реакционные результаты господства коммунистически настроенных масс в Советской России.

Так, эти столь разнородные, по существу между собой не связанные или лишь весьма слабо связанные три пары соотносительно противоположных тенденций в силу своеобразных исторических условий с конца XVIII века и в течение XIX века почвенно связались между собой и совместно образовали ту характерную для этой эпохи противоположность, которую мы называем борьбой между «правыми» и «левыми». Однако в настоящее время историческая ситуация уже настолько изменилась, что цельность этих понятий в значительной мере расшатана, и сами они поэтому по существу устарели, непригодны для ориентировки в содержании наиболее острых и существенных проблем современности и продолжают господствовать лишь по исторической инерции мысли, проще говоря — по недомыслию.

Начать с того, что в большинстве европейских стран цель «левых» стремлений уже осуществлена. «Левая партия» — демократы и социалисты — либо являются, по общему правилу, господствующими, как во Франции, Германии и Англии, либо уже успели сдать свое господство политическим новообразованиям, которые никак нельзя подвести под традиционное понятие «правых» (фашизм, коммунизм). Можно было подумать, что господство «левых» приводит только к перемене мест между этими двумя направлениями, не меняя их содержания и смысла — т. е., что «правые» партии из господствующих превращаются в оппозиционные (что мы фактически и видим в большинстве европейских государств). Однако эта простая видимость политической эмпирии скрывает под собой гораздо более существенное изменение духовной реальности, незамечаемое обычным недомыслием. Известно, что «левые», достигнув власти, обычно, по крайней мере отчасти, перестают быть «левыми» — «правеют». Этот общеизвестный факт имеет не только житейски-практическое, но и принципиальное значение; политический фронт меняет свое направление: «левые», стоя у власти, получают на опыте государственное воспитание, научаются понимать и ценить то, что раньше яростно отвергали; «правые», оттесненные в оппозицию, напротив, часто по крайней мере до некоторой степени приобщаются к прежней психологии «левых» и пользуются их лозунгами. Так, один из признаков, образующих понятия «правого» и «левого», меняет свое место: принцип свободы обычно мало прельщает властвующих и есть естественное достояние оппозиции. Поэтому в новой обстановке требование свободы в значительной мере характеризует политические устремления, в иных отношениях именуемые «правыми». Господствующий рационализм склонен отныне вступать в сочетание с принципом государственной опеки, традиционализм, напротив, требует свободы. И, если опыт «левого» деспотизма или увлечения государственным централизмом научает правых ценить свободу, так что консерваторы становятся либералами, не переставая быть консерваторами, то, с другой стороны, опыт анархии и смут, определенных нежеланием «крайних левых» подчиняться даже «левой» государственной власти, научает «левых», что единственная прочная основа свободы есть государственный порядок, поддерживаемый сильной властью; на этом пути либералы и демократы, не переставая быть та-

ковыми, становятся консерваторами; оба обстоятельства уже совершенно спутывают обычные понятия.

Если эта перемена касается перераспределения первой и второй пары изложенных выше признаков «правого» и «левого» (а отчасти и изменения самого смысла первой пары признаков), то столь же существенное изменение совершается и с местом *третьего* из вышеупомянутых признаков. С исчезновением прежних высших классов или с потерей ими политического и общественного влияния «правые» не только тактически-демагогически должны искать себе опоры в низших классах, но часто и принципиально становятся выразителями вождельней и интересов той части низших классов, которая еще живет в идее традиционализма. «Правые» (или, по крайней мере, известная их группа) становятся отныне вождями части народных масс, мечтают о народном восстании и в этом смысле занимают позицию «крайних левых». Несмотря на свою острую ненависть к «белым» в других отношениях они иногда солидаризируются с теми «крайними левыми», которые сами находятся в оппозиции и неудовлетворены господствующей в государстве левой властью, и эту связь выражают даже в своем имени («национал-социалисты» в Германии). Отсюда возникает многозначительный, весьма знаменательный для будущего, раскол в прежде единой «правой» партии — раскол настолько существенный, что перед его лицом старое общее обозначение обеих групп как «правых» почти теряет реальный политический смысл. А именно, прежние «правые» — раскалываются на консерваторов-либералов, отстаивающих интересы свободы и культуры, права образованного слоя на руководящую роль в государстве, и на реакционеров, опирающихся на вождельней черни и во всяком развитии свободы и культуры усматривающих зло либеральной демократии. Если обе эти группы борются с господствующей демократией и в этом смысле являются союзниками, то нельзя, за этим тактическим и полемическим единством, упускать из виду их радикальную противоположность: они нападают на демократию, находящуюся в промежутке между ними, с двух противоположных сторон — хотелось бы сказать: слева и справа, если бы эти термины не имели уже своего особого, не подходящего сюда, исторически определенного смысла.

Весьма достопримечательно, что русская политическая терминология за последнее десятилетие (со времени возникновения «белого» движения), уже фиксировала это различие и эту противоположность в терминах «белого движения» и «черносотенства». Что вернее, мудрость ли языка, которая инстинктивно фиксировала максимальную противоположность двух направлений в пределах того, что зовется обычно «правым» (что может быть большей противоположностью, чем различие между «белым» и «черным»?), или наши традиционные понятия, не усматривающие здесь никакого существенного различия? Конечно, личный состав обоих направлений часто тесно переплетается (именно ввиду невыявленности и неосознанности их идейной противоположности); вполне естественно также, что оба направления в борьбе с общим врагом — большевизмом — объединяются между собой (союз в борьбе против общего врага так же мало означает во внутренней политике сущностную солидарность союзников, как в политике внешней). Мы думаем, что язык тут вполне прав и что после ликвидации большевизма именно борьба между этими двумя направлениями (условимся их называть «белым» и «черным», пользуясь счастливым обстоятельством, что язык дает здесь меткие новые имена взамен истертых «правого» и «левого») составит центральную тему политической жизни будущего в России. Здесь на общей почве традиционализма (понимаемого, впрочем, тоже весьма различно) должно произойти решающее столкновение между поборниками свободы и культуры (и, следовательно, основанного на начале культуры, иерархического строения общества) с приверженцами принципа принуждения («палки» или «кнута») и демагогической нивелировки.

Тот же, в сущности, раскол совершается и в «левых» партиях. Мы ограничиваемся здесь русской политической

мыслью (в западноевропейской все это еще гораздо менее выявлено). Не замечателен ли факт, что, например, так называемые «левые эсеры» сотрудничали с большевиками и доселе им идейно близки, тогда как «правые эсеры», прежде в этом отношении во многом грешные, теперь являются их яростными и непримиримыми врагами? То же самое мы имеем и в лагере русских социал-демократов: не лежит ли целая бездна между мировоззрением г. Дана и г. Потресова? Не имеем ли мы право обобщить эти явления, сказавши, что в «левом» лагере тоже намечается (здесь на общей почве привычного рационализма, которая, однако, для одной группы тоже начинает сильно шататься) та же самая (в принятом нами смысле) коренная противоположность между «белым» и «черным»?

Замечательно также, что «черносотенство» (в обычном смысле), будучи доселе в каком-то отношении политическим антиподом «красного», практически весьма часто обнаруживает свое духовное сродство с последним и близость к нему (как и обратно). Административный состав большевизмской власти, преимущественно армии и полиции, был создан при существенном участии «черносотенства». Лица «черного» образа мыслей, при всей непривычности для них некоторых «красных» идей, чувствуют часто некоторое эстетическое и духовное сродство с «красным» стилем и относительно легко с ним сживаются и его усваивают (связующим звеном здесь является господство грубого насилия в управлении и момент демагогии). Прежнему типичному частному приставу и исправнику или некультурному армейскому офицеру демократического происхождения неизмеримо легче приспособиться к советским порядкам и найти применение своим старым навыкам, чем профессору-либералу и даже чем культурному революционеру. В подлинной черни различие между «черным» и «красным» вообще становится почти неуловимым. Толпа, участвовавшая в былые времена в еврейских погромах и еще в 1915 году устроившая в Москве по мнимонациональным мотивам немецкий погром, есть та самая толпа, которая совершила большевизмский переворот, громила помещиков и «буржуев». С другой стороны, антисемитизм, эта традиционная черта «правого» умонастроения, стала, по достоверным известиям, общим достоянием коммунистической среды и в особенности ее «левого» крыла. Типично «черный» национализм есть вообще характерная черта русского коммунизма, выражающаяся в его ненависти к «буржуазной» Европе.

Чтобы понять и оценить все эти явления, надо, однако, учесть одно общее обстоятельство, которое в еще неизмеримо большей мере, чем политическое торжество демократии, существенно содействует разложению традиционных понятий «правого» и «левого»: это есть торжество и практическое осуществление *социализма*.

Дело в том, что *социализм* с самого своего зарождения и по своему существу *выходит за пределы противоположности между «правым» и «левым» и образует какое-то третье, самостоятельное, неучтенное этими наименованиями направление*. Социализм возник, как известно, из сочетания двух противоположных духовных тенденций: просветительства и рационализма XVIII века (социального радикализма Руссо и Мабли и материализма Гельвеция и Гольбаха) с романтической реакцией начала XIX века против идей XVIII века (первые социалисты — сенсимонисты — ученики Сен-Симона, который в своем учении об «органической» эпохе в противоположность «критической» является последователем Жозефа де Местра). Уже с самого начала он, таким образом, не был ни «левым», ни «правым», будучи одновременно как бы «лево-правым». В дальнейшем развитии социализма второй его генетический корень сказался в характерном для социализма отрицании начала *свободы*. Таким образом, социализм, сочетая в себе первый и третий из вышеуказанных признаков «левого» направления (рационализм и борьбу низших классов против высших) и в этом отношении, продолжая традиции французской революции, резко враждебный «правому» направлению в его традиционном смысле, вместе с тем принципиально отвергает самый, быть может,

существенный признак «левого» умонастроения — начало личной свободы и прав личности, которое он заменяет началом безграничного государственного принуждения. То обстоятельство, что социализм вообще не лежит на линии между «правым» и «левым», а в каком-то совсем ином измерении, могло оставаться незамеченным лишь в эпоху, когда социализм лишь боролся за свое существование, т. е. находился в оппозиции к существующему порядку (определенному «правыми» началами) и потому в естественном союзе с «левым» направлением. «Революционность» социализма заслоняла тогда его собственное содержание как социализма. Социализм в процессе борьбы требовал для себя свободы и равноправия, вступая в союз с либерализмом и демократией, и потому естественно причислялся и причислял сам себя к «левому» направлению. С момента захвата власти социалистами перед ними — в силу коренной противоположности между либеральной демократией и социализмом — оставалось только два пути: либо отречься (фактически и на практике, если не в идеях) от социализма в пользу либерально-демократической программы, либо отказаться от всякой связи с либерально-демократическим, «левым» направлением в интересах подлинного осуществления социализма. Первый путь избрали европейские социалисты, ставшие поистине «социал-предателями» и обревшие себя на лицемерие совершенного несоответствия между их теоретической программой и практической государственной деятельностью; по второму пути пошел, как известно, русский коммунизм. Оба пути — второй, впрочем, гораздо нагляднее и убедительнее, чем первый — на опыте показали противоположность между социализмом и традиционным «левым» мировоззрением.

Надо сказать правду: сами коммунисты поняли и практически учли этот вывод гораздо более основательно и последовательно, чем многие «левые» (русские, а тем более — западноевропейские): коммунисты не стеснялись вести ожесточенную, ничем не ограничиваемую борьбу с «левыми» и открыто попирали все начала «левого» мировоззрения (равноправие, свободу и правовую защищенность личности, свободу веры и слова, демократический принцип всеобщности, участие в государственно-общественной жизни, выборное начало и пр.), тогда как многие «левые» продолжают еще по старой привычке, т. е. по недомыслию, веровать в свою духовную близость к социализму.

Но как бы велико ни было недомыслие и сила исторической инерции, — отныне, с торжеством социализма в России, имеющим по крайней мере симптоматическое значение для всего мира, силой вещей, роковым и неотменимым образом, фронт политической борьбы изменил направление. Отныне *решающей* и *основополагающей* является совсем иная группировка политических тенденций, чем та, которая выразилась в традиционной вековой противоположности между «правым» и «левым». Это инстинктивно ощущается — хотя, за отсутствием свободы слова, и не может быть отчетливо опознано — в самой России. Напряженный антагонизм между властью и населением, изнемогающим от деспотизма этой власти, не имеет ничего общего с традиционной противоположностью между «правым» и «левым»; поскольку «правые» и «левые» еще вообще существуют (за пределами самой коммунистической партии, в которой эти обозначения имеют тоже совершенно своеобразный смысл), их былой антагонизм совершенно поблек, отступил на задний план перед противоположностью между всем населением и советским деспотизмом; (подлинное историческое значение имеет та «трубка мира», которую бывший министр Макаров выкурил перед своей казнью со своим сожителем по камере Чеки, социалистом-революционером). Конечно, это не значит, что все старые проблемы, разделявшие общество на «правых» и «левых», совсем исчезли. Но отчасти они перестали быть существенными, сняты с очереди дня, отчасти же проблемы, как таковые, сохранили значение, но типические традиционные формы ответов на них, полагавшие борьбу партий, устарели и изменили свой смысл.

В чем же заключается та основная новая группировка, та борьба противоположных начал, которая призвана сменить собой старую и устаревшую противоположность между «правым» и «левым»? Пока насильнический социализм в России не свергнут, он есть общий враг для всех, кто от него страдает, и, обратно, для него все остальное, вне его стоящее, есть общий враг. Если, следуя за нашим намеченным выше анализом, разложить на составные элементы эти две враждебные силы, то мы получим следующую противоположность: на одной стороне — рационализм, безграничный государственный деспотизм, господство низших классов над классами культурными; на другой — права традиционализма и религиозной веры, принцип права и свободы личности, защита интересов культуры и образования (и, следовательно, иерархической структуры общества по признаку образования и культуры). Коротко говоря — борьба между нигилистически-демагогическим деспотизмом и идеей опирающегося на духовные ценности правового порядка; еще короче — борьба между «красным» и «белым» (в условленном выше смысле), причем предполагается, что другие группы, причислявшие себя к «левым», поскольку они действительно враждебны насильническому социализму, уже не могут в этом смысле именоваться «красными».

Но «красное» в указанном выше смысле, как мы видели, весьма сродни «черному» и весьма легко может в него обратиться. Это значит, точнее говоря: «рационализм» может легко замениться вульгарно-грубым (и потому имеющим сильно рационалистический оттенок) «традиционализмом», при сохранении двух остальных, связанных с ним моментов: демагогии и деспотизма (царство черни с помощью палки во имя извращенного национализма и извращенной религии). Тогда «левый» фронт против «красного» станет «белым» фронтом против «черного». На одной стороне будет истинный, духовно обоснованный традиционализм, неразрывно связанный со свободой и защитой интересов культуры, на другой — упрощенно-грубый и извращенный традиционализм, сочетающийся с демагогией и культом насилия.

Принятая нами терминология — замена противоположности между «правым» и «левым» противоположностью между «черно-красным» и «белым», конечно, встретит возражения, психологически вполне естественные и отчасти правомерные: ведь и эти термины отягощены историческим прошлым и в силу власти прочных ассоциаций над умами лишь с трудом поддаются употреблению в новом смысле. Но суть дела не в терминологии, конечно, а в самом существе нового, намечаемого самим ходом вещей, соотношения тенденций. Фактически для этой новой группировки еще не найдены, и тем более еще не освящены общим употреблением, соответствующие названия; а известно, что реальность, не запечатленная в слове, в имени, воспринимается лишь с трудом и только немногими, более проникательными и независимыми умами. Поэтому еще долго, вероятно, будет идти на словах и в смутных мыслях борьба между отжившими, превратившимися в призрачные тени, понятиями «правого» и «левого»; еще долго будут существовать «правые» и «левые» люди без соответствующего им реального «правого» и «левого» дела; еще долго эти призраки будут вносить бесплодную путаницу и смуту в общественную жизнь и заслонять собой суровые требования реальности. В конце концов, реальность, как всегда, одолеет отжившие идеи, и «правое» и «левое» из жизни уйдут в учебники истории, где они упокоятся, найдя себе место рядом с «гвельфами» и «гибеллинами».

Вера в Бога любви есть не только вера в ценность любви, но и во все побеждающее и могущественное любви и самоотверженного служения ей. Это есть вера именно в ту правду Христова откровения, которая, с точки зрения мирской мудрости, для детей века сего парадоксальна, кажется безумием и глупостью.

С. Л. Франк, С нами Бог. Три размышления.
Париж 1964, стр. 350.

ВЛАДИМИР САМАРИН

Идейные искания

1.

В апреле 1956 года в «Известиях» появился рассказ одного сталинца Николая Грибачева «Пена».

Один из героев рассказа, Андрей Волков, говорит прямо: «Поруководили они нами, хватит! Нынче мы сами хозяева».

Вместе с положительным, с точки зрения автора, героем рассказа, обеспокоенным начавшимся крушением основ режима, не скрывает своей тревоги и автор, когда рассказывает ему об Андрее Волкове:

«Доверительно скажу: знаете, какой у них лозунг? „Долой” и „да здравствует”. Чего „долой”, чего „да здравствует” — это неизвестно, главное, мол, долой, а потом по-кажем!»

Это действительно было время, когда в стране со всею отчетливостью звучало «долой!».

И только позже, в идейных исканиях одиночек и небольших групп, появилось «да здравствует!», то положительное или только наметки того положительного, что должно прийти на смену идейно мертвому режиму.

Это «да здравствует!» еще далеко от окончательного становления. Это только искания. Их находим и в собственно литературе Самиздата, и в его публицистике, и в программных документах.

2.

В большой историсофской работе «Молодежь в русской истории», полученной из Самиздата и опубликованной в трех номерах «Граней» (68, 80, 81), а также выпущенной отдельной книгой издательством «Посев», Иван Русланов писал:

«В своем развитии до конца шестидесятых годов коммунизм в России прошел три стадии:

а) военный коммунизм — период становления коммунизма. Открытое признание террора и открытый грабеж большинства трудящихся;

б) концлагерный коммунизм — период высшего расцвета советско-коммунистического общества. Лицемерное провозглашение демократических свобод и превращение всего населения в бесправных и нищих рабов государства;

в) танковый коммунизм — период упадка и загнивания. Ослабление власти, вынужденные уступки народу. Рост неверия в коммунистическую идею. Ставка на вооруженное подавление усилившегося сопротивления диктатуре внутри страны и вне ее (Новочеркасск, Восточная Германия, Венгрия, Чехословакия). Власть хочет, но уже не может управлять старыми методами».

В своей работе Русланов подчеркивает, что история коммунистического режима — это история борьбы его против собственного народа.

Действительно это история перманентного наступления власти на народ, массового террора и пропаганды.

Чередовались короткие периоды подъема борьбы и длительные — ее спада, но и в эти периоды не стихал глухой ропот.

Первый период — это время гражданской войны и восстаний, стихийных и организованных, однако не возглавленных общим руководством, общего центра не имевших. Если антибольшевицкие силы гражданской войны воодушевлялись чисто эмоциональной, патриотической идеей спасения России, то участники антибольшевицких восстаний знали только одно негативное «долой!».

После короткого, относительно благополучного периода жзпа наступило время страшное — эпоха концлагерного коммунизма. Массовый террор породил массовый страх, преследовалось не только дело, но и само слово, не только слово, но и сама мысль, и ни о каких идейных исканиях в эту эпоху не могло быть и речи. Началась война, за нею

голод, террор конца сороковых — начала пятидесятых годов.

Смерть Сталина — рубеж двух эпох, глубинно различных. Разброд и паника, охватившие власть, ознаменовали начало новой эпохи преодоления страха в народе. Разоблачения преступлений Сталина на XX и XXII съездах партии активизировали этот процесс, определили его необратимость.

Стадия танкового коммунизма ознаменовалась открытыми выступлениями против коммунистического режима и в самом Советском Союзе, и в странах-сателлитах, оккупированных Советской армией после второй мировой войны. Танковые дивизии подавили восстания, но начавшегося процесса сопротивления не ликвидировали — только временно задержали его. Гусеницами танков можно раздвинуть человека, но не слова его.

В начавшемся процессе освобождения от страха определилось и начало идейных исканий того положительного, что должно прийти на смену коммунизму.

3.

Один из авторов Самиздата, Григорий Померанц, в своем эссе «Человек без прилагательного» пишет о литературе Самиздата:

«Открылся „животворный родник”, из которого хлынула песня, стихи, проза, философские эссе, абстрактная и конкретная живопись... Родник бьет снизу — мимо официальных писательских организаций. Но это совсем не народные низы. Скорее это верхи в смысле образованности. Пишет очень широкий слой от шофера О. до математика В., но явно преобладают верхи».

Появилась потребность осознать себя духовно, оставаясь ученым, интеллектуалом, не бросая своего НИИ (Научно-исследовательского института. — В. С.).

Советский ученый А. П. Федосеев, перешедший в мае 1971 года на положение невозвращенца, в серии очерков «Социализм и диктатура», опубликованных в «Посеве» (№ 12 за 1971 год, №№ 1—10 за 1972 год), пишет, что «в СССР не осталось людей, которые полностью признают строй и не желают ничего лучшего».

Число активных противников режима, которые создали, в частности, и Самиздат, вряд ли, по его мнению, достигло одного процента населения Советского Союза. Активных противников режима, рискующих всем, атакующих режим, он называет «нападающими». И подтверждает выводы Померанца: «Это люди разных возрастов, разного общественного положения». «Они отчетливо представляют себе, — пишет Федосеев, — мерзость существующего строя и принципиальную невозможность его исправить. Их влияние на общество существенно, так как они «вносят ясную» в представления тех, кто ее не имеет. Это — глашатаи конца эры социализма и активные пособники этому концу. К сожалению, однако, только отдельные из них имеют определенную программу или определенное представление о том, какого же общества они хотят».

При таком состоянии умов представляются исключительно ценными именно те произведения Самиздата, в которых звучит не только всем знакомое «долой», но и чаемое «да здравствует».

В парижском «Вестнике РСХД» и мюнхенском «Зарубежье» (№ 2 за 1971 год) опубликована статья В. Горского «Русский месоанизм и новое национальное сознание» — одно из самых значительных свидетельств напряженности и глубины тех идейных поисков, которые ведутся сейчас в подпольной России.

«Духовный и экономический кризис, в котором находится сегодня советская Россия, — пишет Горский, — а также нравственное и политическое банкротство коммунистической системы в целом, заставляют многих все ча-

ще и чаще задумываться над выработкой иного идеала государственной и общественной жизни, нежели идеал коммунистический. Несомненно, что систематическая и длительная разработка этого идеала есть дело будущего, но и сегодня, тем не менее, уже можно говорить о тех общих принципах, которые должны быть положены в его основание.

Эти поиски, независимо от мировоззрения и политических взглядов, окрашиваются в традиционные для русской мысли славянофильские или западнические тона, которые означают сегодня не столько связь с общественным движением сороковых годов прошлого века, сколько психологическую ориентацию в решении принципиальных вопросов».

В поисках путей к решению принципиальных вопросов возникла уже полемика между неозападниками и неославянофилами, принимающая порой резкие формы.

В послесловии к книге «Неопубликованное», изданной недавно «Посевом», Григорий Померанц, один из авторов Самиздата, признается: «В том, что у меня накопилось, есть одна условность: все строится по оси спора с почвенниками. Запах кваса и погрома заставил меня определить себя как человека диаспоры».

Редактор неославянофильского журнала почвенников «Вече» Владимир Осипов опубликовал во втором номере специальное заявление:

«Мы решительно отвергаем определение журнала как «крайне шовинистического... Мы отнюдь не собираемся умалять достоинства других наций. Мы хотим одного — укрепления русской национальной культуры, патриотических традиций в духе славянофилов и Достоевского, утверждения самобытности и величия России».

Между тем, в «Вече» не только любовь к России, защита ее культуры. Редакция дает место материалам, которые иначе, как крайне шовинистическими, назвать нельзя.

Так в «Вече» помещена статья архитектора Антонова, названного последователем «замечательного русского ученого и общественного деятеля Фетисова». В работах Фетисова, экономиста по профессии, как отмечал «Посев», «историческое развитие человечества изображалось как борьба порядка и хаоса, причем хаос воплощался в еврейском народе, две тысячи лет наводившем в Европе беспорядок, пока на пути этого хаоса не встал германское и славянское начало: режимы Гитлера и Сталина Фетисов и его единомышленники считают исторически необходимыми, положительными явлениями». Считая Сталина положительным явлением, Фетисов вышел даже из партии в знак протеста против... десталинизации.

Известен еще один крайне шовинистический документ — «Слово нации», подписанный анонимно «Русские патриоты». Человек, известный своей терпимостью, церковный деятель А. Э Литвин-Краснов, перед арестом своим передал в Самиздат очерк «Живое слово», где называет «Слово нации» — словом мертвым, разъединяющим людей, сеющим между ними вражду. Действительно, такие документы как «Слово нации», как работы поклонника Гитлера и Сталина Фетисова, не принесут освободительному делу ничего, кроме вреда. Не принесут ничего положительного и те высказывания — с противоположной стороны, — в которых вся ответственность за преступления режима возлагается на русский народ.

Начавшаяся полемика закономерна: свобода слова полемики не исключает. Однако в полемике этой таится и опасность крайней поляризации взглядов, расходования сил на внутриопозиционную борьбу. Разжиганию полемических страстей будут способствовать и органы госбезопасности, вклиняющиеся через свою агентуру в освободительное движение.

Есть в нем, в этом движении, и некая средняя линия, указывающая на поиски идейного синтеза, на чем мне и хотелось бы сосредоточить свое внимание.

4.

Не произошло ли смещения смыслового значения терминов «правые» и «левые», «реакционеры» и «революцио-

неры», не приобрели ли они иное звучание в наше время, когда коммунистический режим не только в оболочке своей — килограммы орденов на мундирах грозных маршалов, голубые мундиры на свирепых генералах госбезопасности, — но и в глубинной сути превратился в режим закостеневшей догмы, в режим махрово-реакционный.

Условной, на мой взгляд, стала и терминология внутри самого освободительного движения.

Члены Всероссийского социал-христианского союза, по условной шкале — умеренно-правые, а в программе их была подготовка смены режима. А с какой стороны от них академик Сахаров, ни о каком революционном пути не помышляющий? Наконец, куда отнести коммунистов-ленинцев, вообще не желающих трогать основ режима? Между тем, в общем освободительном процессе они играют свою роль, может быть, и помимо своей воли участвуя в расшатывании этих основ.

Авторы Самиздата часто пользуются термином «демократическое движение», обособляя его от «правых», как крайних шовинистов, что имеет все основания, так и от умеренных. Я предпочел бы термин «освободительное движение».

Подпольный Всероссийский социал-христианский союз, в который входили умеренные правые, хотя и разгромлен органами госбезопасности, сыграл — в исторической перспективе — немалую, на мой взгляд, роль.

Спектр освободительного движения широк — от марксистов до монархистов, от либералов-реформистов до радикалов-революционеров. Здесь находят свое место и одиночки, не принадлежащие ни к каким группам и группировкам, чье высокое слово звучит во всю свою силу.

Я хочу назвать прежде всего Александра Солженицына, а вслед за ним писателя Владимира Максимова. Книги Лидии Чуковской или Надежды Мандельштам, не претендуя на идейное учительство, тоже играют свою роль в освободительном процессе, понимаемом прежде всего как процесс освобождения духа.

Поиски нового определяют отрицание старого — в полной мере или частично.

И вот тут возникает вопрос: в какой мере отрицание старого, коммунизма и его идеологии, отражает подлинные взгляды авторов Самиздата?

Не забудем, что писатель, публицист, даже поэт, передавший в Самиздат рукопись, рискует не только свободой, но самой жизнью. Нынешние психотюрьмы, где человека калечат и физически, и духовно, может быть, страшнее сталинских концлагерей. И если над Самиздатом нет государственной, партийной цензуры, то есть самоцензура самих авторов. До конца говорят только пишущие в письменный стол или выступающие под псевдонимами.

Александр Солженицын — человек жертвы и подвига, но я не знаю, как бы выглядел нравственный социализм его Шулуфина, не будь авторской самоцензуры.

Василий Гроссман писал свою книгу «Все течет...» явно в письменный стол, и передана она была в Самиздат только после его смерти. И в книге этой, спорной в иных отношениях, полное отрицание режима, образ Ленина, вполне определенный в своей отталкивающей сущности.

Четыре года писали под псевдонимами Андрей Синявский и Юлий Даниэль. Больше четырех лет писал под псевдонимами Борис Евдокимов.

«Ненависть душит, — писал Иван Русланов в очерке «Жизнь в тюрьме», — ненависть к гнусным ничтожествам, 50 лет заливающим кровью и слезами мою страну, мою Россию... Они ни на что не способны, они развалили все, поэтому они цепляются за власть... Без этой власти они ничто. 50 лет — это море, это океан крови...»

«... Месть им, месть! Беспощадная борьба на жизнь и смерть. Коммунизм — это позор человечества. Несмысленный позор. И всякий призывающий к примирению с ним — преступник и подлец, такой же преступник и подлец, как сами коммунисты...»

Под псевдонимами выступают отнюдь не из-за страха, в целях безопасности. Выступают с расчетом: написать как можно больше, сказать как можно полное, отсрочить арест.

Роман Владимира Максимова «Семь дней творения» написан и передан в Самиздат, надо полагать, в сознании неминуемости ареста. Наверно в романе своем Владимир Максимов сказал все, что хотел сказать.

«Утро высвечивало перед Петром Васильевичем втекающую в горизонт дорогу, и он шел по ней с внуком на руках. Шел и Знал. Знал и Видел». Сбросив с плеч тяжелый, мучивший его последние годы груз материализма, он шел в будущее, которое, знал, будет иным».

Это конец шестой главы. Последняя, седьмая глава романа — одна фраза: «И наступил седьмой день — день надежды и воскресения».

5.

Я вижу процесс воскресения человеческого духа в двух планах: отрицание режима и собственно идейные искания. Степень отрицания режима определяет глубину идейных исканий. Политическо-идейный спектр освободительного движения широк — от коммунистов-ленинцев до социал-христиан, от крайнего крыла неозападников до крайнего крыла неославянофилов. И где-то посредине линия синтеза, мысль, внушающая надежду, что идейные поиски не напрасны. Частичное отрицание режима с признанием его основы — марксизма, исключает, как мне кажется, необходимость поисков иной идейной основы общества, и то течение в освободительном движении, которое представлено коммунистами-ленинцами, часто пенсионного возраста, не посягает на основы режима. Оставаясь убежденными марксистами, они, образно говоря, только жалуются Ленину на Сталина, громко сетуют, говорят о возврате к ленинским нормам, закрывают глаза на тот исторический факт, что Сталина породил Ленин, что сталинизм — закономерное развитие ленинизма. Не покушаясь на основы режима, неоленинцы, между тем, основы эти расшатывают, и репрессиям со стороны власти подвергаются, особенно в тех случаях, когда, как это было в Саратове, создают полулегальные кружки и группы. Что такое ленинские нормы, они узнают на практике — в концлагерях.

Значительнее степень отрицания существующего режима в том либерально-реформистском течении научно-технической интеллигенции, которое наиболее ярко представлено академиком Андреем Дмитриевичем Сахаровым и его единомышленниками; среди них такие видные представители освободительного движения, как А. С. Есенин-Вольпин, Рой Медведев и другие. Значительнее и звучание положительных идей, содержащихся в документах, подписанных Сахаровым. Первый документ — это брошюра Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», написанная в 1968 году.

Идею сближения и сотрудничества народов, в первую очередь народов Советского Союза и Соединенных Штатов Америки, как гарантов прочного мира и устранения опасности термоядерной войны, о чем говорит Сахаров, находим еще в одном документе, написанном представителем молодежи — Юрием Галансковым, выступившим с программой и уставом «Всемирного союза сторонников всеобщего разоружения».

Академик Сахаров, родившийся в 1921 году, в 1953 году избранный в члены Академии наук, своими теоретическими работами по ядерной физике подготовивший создание водородной бомбы, принадлежит к той части нового поколения ученых, которые понимают, какая ответственность лежит на них перед страной.

В «Обращении советских ученых к партийно-правительственным руководителям СССР» (так называется этот документ), датированном мартом 1970 года и подписанном Сахаровым, Роем Медведевым и Валентином Турчиным, изложена программа реформ, обоснованных идеями свободы личности и демократии. Авторы «Обращения» говорят о демократизации управления, о гласности, о свободе информации и творчества, о праве создания свободных органов печати общественными организациями и группами, о выдвижении нескольких кандидатов на одно место при выборах, но все это в пределах существующей систе-

мы. «Не существует никакого другого выхода из стоящих перед страной трудностей, — пишут они, — кроме курса на демократизацию, осуществляемую КПСС по тщательно разработанному плану».

Значительно дальше идут в своей критике режима и в идейно-конструктивных положениях представители средней интеллигенции — ленинградцы, преподаватель Зорин и инженер Алексеев. В брошюре «Время не ждет» — в Самиздате она называлась еще «Ленинградской программой» — Зорин и Алексеев пишут: «Мы вступили в критический период. У наших верхов есть выбор — или провести действительные реформы, ослабив мертвую хватку, которой они держат страну, но выиграв в экономике и науке, либо поставить все ва-банк в глобальной ракетной игре. Они склоняются ко второму варианту — накопить сейчас достаточно сил, собрать их в кулак и рискнуть».

В брошюре есть и прямое обращение к научно-технической элите: «Страшная ответственность лежит на тех, кто своим умом, талантом, организационными способностями создает для правящей бюрократии военную мускулатуру, вкладывают ей в руки орудие массового уничтожения. Понимают ли они, на кого работают?». Надо надеяться, что понимают.

«Однопартийная система — синоним фашизма», — пишут Зорин и Алексеев о системе коммунистической и — в положительной части своей программы — говорят опять-таки об идее свободы как необходимой предпосылке развития общества, о политической демократии, об идее личной ответственности каждого «за свою страну, за судьбу своих детей».

Кажется, единственный документ, разработанный с такой тщательностью, — это «Программа Демократического движения Советского Союза», в аббревиатуре ДДСС. Имен авторов программы под него нет, сказано лишь: «Демократы России, Украины, Прибалтики», 1969 год.

Программа демократов в критической части своей не только антикоммунистическая, но и антисоциалистическая. Коммунизм определяется как страшная сила, несущая бедствия и катастрофы, однако демократы считают, что «переход от недемократического общества к демократическому лежит через медленное и массовое, но не насильственное, а мирное воздействие граждан на руководство общества».

В той же программе говорится, что революции возникают как раз в «недемократических обществах, где никакой мирный путь преобразований, диктуемый исторической необходимостью, невозможен». А в эпиграфе к программе известное высказывание Герцена, где он говорит о грядущей, неизвестной революции, которой будет победен социализм. В исторической части программы «демократы» говорят о «500-летней внешней экспансии» России, о насильственном объединении народов «вокруг великорусского ядра», а на будущее программируют «самоопределение наций» под контролем ООН. Вместе с тем, в положительной части программы указывается, что современная философия развивается под знаком идеализма, а не материализма.

В декабре 1970 года в Самиздате появился второй документ — «Меморандум Демократического движения Советского Союза Верховному Совету СССР», где демократы заявили: «Борьба за свободу и демократию будет продолжаться и расширяться в наступающем десятилетии». В числе восьми требований, которыми заканчивается «Меморандум», есть такое: «Устранить руководство КПСС от управления страной». Однако, как указывается в «Меморандуме»: «Демократы ни в коей мере не призывают к репрессиям и расправам над руководством КПСС».

6.

К прошлому России обращаются не только авторы политических программ. К нему обращен и взор писателя. В книге «Все течет...» Василий Гроссман, рассуждая о ходе русской истории, делает вывод: «... развитие Запада оплодотворялось ростом свободы, а развитие России оплодотворялось ростом рабства». И вот Россия «Великая раба

остановила свой ищущий, сомневающийся, оценивающий взгляд на Ленине. Он стал избранником ее». «Он стал избранником ее, потому что он избрал ее и потому что она избрала его».

Противопоставляется ли в литературе Самиздата что-нибудь этим взглядам, этой концепции? На противоположном фланге крайние неославянофилы, подменяющие национальное шовинистическим, не прогающие основ режима, пишут такое, что лучше б уж не писали ничего.

Умеренные славянофилы утверждают: «Мы отнюдь не собираемся умалять достоинства других наций. Мы хотим одного — укрепления русской национальной культуры, патриотических традиций в духе славянофилов и Достоевского, утверждения самобытности и величия России».

В № 2 журнала «Вече» в разделе «Мысли — прожекторы» читаем:

«Россию ненавидят. Россию обвиняют, России предсказывают гибель... Но главное все-таки, что России не понимают. Все суждения о ней — человеческие домыслы.

Россия — величайшая страдалница, оболганная, распятая. Россия воскреснет вопреки всему и всем. Должны же что-то значить страдания! Не погибнет Россия, не погибнет русская культура, не погибнет русский человек, народ-богоносец. Не погибнет, хотя бы казалось, все погибло и нет никакой надежды.

Уляжется вихрь преступлений, очистится земля от мусора, нас ожидает самое светлое будущее!».

К сожалению, в выступлениях неославянофилов изобилует декламация и недостаточно ясно звучит критика основ коммунистического режима.

К неославянофилам причисляют преуспевающего советского писателя Владимира Солоухина, автора очерков «Письма из Русского музея» и «Черные доски».

Неославянофилы много пишут о необходимости сохранения исторических и культурных памятников русского народа.

Полемизуя с неославянофилами, идейный неозападник Григорий Померанец в эссе «Человек без прилагательного» или «Человек ниоткуда» утверждает, что оппозиция почвенников-неославянофилов в той организованной части, которая возглавляется художником Ильей Глазуновым, не опасна для власти, что это единственная оппозиция, «которая не обещает никаких серьезных неприятностей» власти.

Не народ в его славянофильском толковании, а интеллигенцию считает Григорий Померанец той силой, которая способна противостоять власти в поисках новой, положительной идеи.

В эссе «Человек ниоткуда» он пишет: «Как бы ни угнетали интеллигенцию, как бы ее ни распинали, — основное ядро ее, по-моему, не должно стремиться к власти». И дальше: «... Политическая форма существования, максимум влияния интеллигенции может быть достигнут не захватом власти и даже не борьбой за власть, а диалогом с властью; диалогом, в котором интеллигенция может формулировать и высказывать принципы, определяющие деятельность власти, и время от времени оказывать ограниченную поддержку тому или иному деятелю (группе деятелей) получше других. Царство духа и царство кесаря должны перекликаться, но не соединяться под одной короной».

Роль революционной интеллигенции прошлого представляется ему трагической.

В одной из самых интересных работ Самиздата, в статье «Русский мессианизм и новое национальное сознание», автор ее, выступивший под псевдонимом В. Горский, пытается найти некий идейный синтез. «Русский человек, — пишет он, — если он только способен самостоятельно мыслить, до сих пор мучается вопросом: что такое Россия? в чем смысл ее существования? какое ее назначение и место во Всемирной истории? Не политические и правовые симпатии, а неизжитый еще в русском сознании максимализм и сегодня заставляет ставить дилемму: или все — или ничего, или Россия окончательно погибла — или ее ждет величайшее будущее. Никакой середины».

Горский ищет эту середину, он пишет, утверждая при этом духовных ценностей: «Сейчас нужны не политические программы, не отвлеченные идеологии, не слепая ненависть к большевизму, но целостное сознание, основанное на утверждении абсолютных духовных ценностей. Только такая ориентация является наиболее плодотворной в процессе зарождения здорового общественного движения и разработки основ будущего государственного устройства».

Первоочередной задачей общественной мысли Горский считает преодоление национал-мессианского соблазна: «Россия не сможет избавиться от деспотизма до тех пор, — пишет он, — пока не откажется от идеи национального величия. Поэтому не «национальное возрождение», а борьба за Свободу и духовные ценности должна стать центральной творческой идеей нашего будущего. Новое национальное сознание должно исходить не из безотчетной зависимости от природно-исторических образований или традиций, не из концепции национально-экономического возрождения, но из духовной жажды свободы, которая коренится в универсализме христианского мироощущения. Вот задача, стоящая перед нашей новой оппозиционной интеллигенцией».

Переключаясь с Померанцем, Горский избегает его полемической страстности, действительно ищет новых идейных путей. Зато убежденная страстность звучит в его отрицании коммунистической идеологии. В своей работе Горский обнаруживает огромную эрудицию, знание многих зарубежных источников, ссылается на Владимира Соловьева, Розанова, Бердяева, Флоровского, Федотова, Карташева.

Настойчивые поиски синтеза в работе Ивана Русланова «Молодежь в русской истории».

14 июля 1972 года в новостях ТАСС на английском языке было сообщено о суде над Борисом Евдокимовым и его женой Галиной. Евдокимов признан невменяемым и отправлен на принудительное лечение в психотюрьму. По сообщению ТАСС, Борис Евдокимов обвинялся в том, что он якобы связался с НТС и под псевдонимами «Русланов» и «Разумный» печатался в «Посеве» и «Гранях».

Автора историко-софской работы «Молодежь в русской истории» вряд ли стоит причислять к какому-то определенному течению общественной мысли, хотя в постулировании исторического предназначения России он близок к славянофилам.

Движущей силой освободительного процесса в Советском Союзе Иван Русланов считает молодежь, порвавшую с официальной идеологией. «Первая советская молодежь, — пишет он, — принявшая после Октябрьского переворота коммунизм и поддержавшая его, имела духовно-политическую преемственность вплоть до смерти Сталина. После 1953 года новое поколение стало отходить от «заветов отцов», превратившись к концу шестидесятых годов в силу, противостоящую режиму. Духовная связь поколений советского периода оборвалась».

Новое поколение в настоящее время есть та общественная сила в России, которая противопоставит коммунистическому режиму, свидетельствуя о том, что он безнадежно устарел и, не имея ни смены, ни будущего, исторически обречен».

Идейные поиски молодежи, по мнению Ивана Русланова, направляются к синтезу идей западных и славянофильских.

К середине 60-х годов, как пишет Русланов, молодежные «вожаки» «много повидали, поняли, пережили». «Бунтари стали революционерами. Интерес к западному искусству и литературе сменился интересом к русской философии, истории, религии, к современным западным мыслителям. Вчерашний космополитизм сменился национальным сознанием. Советская молодежь становилась снова русской».

Духовно-исторический опыт России, по мнению Ивана Русланова, — основа той Синтезной (его термин) России, которая должна прийти на смену России коммунистической.

«Россия еще не выполнила своего исторического призвания, — говорит Иван Русланов в заключительной части своей работы. — Была Византийско-Московская Русь, затем Петербургская Россия; ныне еще существует Переходная советская Россия, достигшая больших технических успехов, но утратившая свои культурные ценности. Будущее — в Синтезной России, которая, развивая и дальше свою индустриально-техническую мощь, освободит труд от эксплуатации коммунистическим государством и сумеет создать новую общественную культуру на основе богатейшего духовно-исторического опыта.

И эта синтезная культура скажет миру русское всечеловеческое слово».

В очерке «Жизнь в тюрьме», опубликованном в апрельском номере «Посева» за 1971 год, Иван Русланов говорит о русском Зарубежье, как бы протягивая нам руку:

«... Кто потерял душу, тот потерял Россию. Поэтому можно жить в Зарубежье и оставаться русским и можно жить в России, перестать быть русским, сделавшись советским».

Иван Русланов остался глубоко русским человеком.

7.

И вновь Петербург, как набат вечевой,
Звенит и гудит из тумана.

И вновь появляется Петр и она —

Моя голубая держава.

И Русь, как корабль, поднимают со дна

Подвижники чести и славы.

Автор этих строк, поэт и писатель Александр Александрович Петров-Агатов, старый член Союза писателей СССР, теперь бывший. С 1947 до 1967 года просидел в концлагерях. После освобождения только год пробыл на свободе. Снова был арестован и осужден на 7 лет. Сидел в Мордовских концлагерях. В октябре 1970 года переведен в каторжный Владимирский централ. Стихи Петрова-Агатова посвящены членам Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа, с которыми Петров-Агатов познакомился и близко сошелся в заключении. Кроме стихов он посвятил им очерки «Россия, которой не знают», о них он пишет в очерках «Арестантские встречи» («Грани», №№ 82, 83, 84).

Как пишет другой автор Самиздата, Владимир Осипов, в статье «Бердяевский кружок в Ленинграде», опубликованной за границей в № 11 «Посева» за 1972 г.:

«2 февраля 1964 года в СССР возникла новая политическая Организация. Она состояла из четырех человек. Четыре питомца Ленинградского университета — Огурцов, Садо, Вагин и Аверичкин — провозгласили создание ВСХСОН», то есть Всероссийского социал-христианского Союза освобождения народа, или просто Союз освобождения.

Пополняясь новыми членами, Союз просуществовал до 1968 года, когда был разгромлен органами госбезопасности. 5 апреля 1972 года в Ленинграде состоялся судебный процесс. 21 человек был приговорен к лишению свободы на сроки от 10 месяцев до 15 лет.

Возглавлял организацию Игорь Огурцов, по свидетельству Осипова, работавший старшим техником Центрального научно-исследовательского института информации и технико-экономических исследований, родившийся в 1937 году в Сталинграде, но все сознательные годы жизни проживший в Ленинграде. Среди осужденных руководящих деятелей Союза — все молодые, в возрасте от 27 до 30 лет: Михаил Садо, востоковед; Владимир Платонов, кандидат исторических наук; Леонид Бородин, директор средней школы в Лужском районе Ленинградской области; Николай Иванов, искусствовед, художник, и другие. На суде, кажется, впервые за много лет, прозвучала упрощающая формула обвинения: «Заговор с целью захвата власти».

О Союзе освобождения мы знаем из очерков Петрова-Агатова, из статьи Владимира Осипова, а также из документа, написанного по всей вероятности уцелевшими чле-

нами союза, датированного 1969 годом (опубликован за границей в № 1 «Посева» за 1971 год).

В этом документе (он так и называется: «Всероссийский социал-христианский Союз освобождения народа») говорится о программе, методах работы, идеологической позиции организации и причинах ее гибели.

«Структура Союза, согласно Уставу, — читаем в этом документе, — должна была соответствовать основной цели: вооруженному свержению существующего строя. Отсюда структурные единицы: боевые группы, отделения, взводы, батальоны, корпуса. Организация была разгромлена на стадии формирования взводов. Не вступила в действие и теоретически разработанная система военной подготовки членов Союза».

Устав определял задачи и конечную цель деятельности Союза следующим параграфом:

«Союз освобождения народа есть секретная надпартийная военно-политическая организация, основанная единомышленниками ради освобождения отечества от тиранического тоталитарного режима и установления социал-христианского строя».

Программа Союза, как сообщает в своей статье Владимир Осипов, была переслана за границу, но в нашей печати ее еще не было. Я знаком с программой по документу 1969 года и отдельным ее параграфам. В программе Союза, в частности, говорится: «Освобождение народов от коммунистического ига может быть достигнуто только вооруженной борьбой. Для полной победы народу необходима своя подпольная армия освобождения, которая свергнет диктатуру и разгромит охраняющие отряды олигархии».

Организованный интеллигентами, состоящий из интеллигентов, Союз освобождения в первом периоде своей деятельности занимался главным образом вопросами идейного характера.

Приобреталась и переводилась с иностранных языков политическая, философская, религиозная литература. Размножали ее машинописью, фотоспособом, перепечатывали и конспектировали. Доставали и размножали философские и религиозные работы русских эмигрантов, прежде всего книги Бердяева, поэтому Владимир Осипов и называет Союз освобождения — бердяевским кружком.

В программе Союза, как сообщается в документе 1969 года, «полный и бескомпромиссный разрыв со всеми известными и возможными вариантами коммунистических и соц-демократических идей, схем, иллюзий».

В документе этом далее говорится:

«... Понимая большевизм как явление, противоречащее нравственному принципу истории, Программа делает вывод о неизбежности краха существующего режима. Исходя из христианского понимания морали, Программа провозглашает антикоммунистическую активность человека высшим нравственным действием и не только призывает к этой активности, но и рекомендует совершенно конкретные способы ее проявления».

Программа Союза освобождения, как указано в цитируемом документе, кладет в основу нового христианского государства три принципа: христианизация политики, христианизация экономики, христианизация культуры.

Что это значит? Цитирую:

«Христианизация политики — подчинение всех социальных институтов этическим требованиям христианского вероучения, действительное отделение церковного института от государства, участие представителей Церкви в законодательных и исполнительных органах на всех уровнях с правом вето по этически спорным вопросам».

Христианизация экономики — признание человеческой личности высшей ценностью, гарантирование ее экономической независимости, в первую очередь от государства...

Христианизация культуры — возвращение народу изъятых революцией из общения духовных ценностей; переосмысление на христианской основе всех форм социальных отношений, а равно истории культуры, истории нации и самой сущности современной цивилизации; гума-

низация права; нормализация культурных связей с другими государствами; поощрение институтов христианства».

Автор или авторы цитируемого документа так говорят о значении Союза освобождения:

«Еще одна трагическая страница в истории России! Оценку ей даст время. Но если предположить, что большевизм есть этап национальной истории, то в лице Социал-христианского союза мы имеем дело с началом действительного, позитивного изживания этой идеи нацией».

Петров-Агатов пишет о членах Социал-христианского союза как о подвижниках, как о людях долга перед Россией.

«Появление Вашей организации в стране, говорит он одному из членов Союза, тоже заключенному, — событие чрезвычайное. Христианство, православие, конституционная монархия — это, на мой взгляд, единственное, на чем может стоять и быть великая Россия. То, к чему пришли вы, молодые люди, в обстановке кромешной тьмы тенденциозности и духовной кастрации, делает вам не только честь, но и свидетельствует о больших духовных и творческих возможностях каждого из вас».

Петров-Агатов, сам конституционный монархист, беседовал с членом Союза, монархистом.

Между тем, в Союзе освобождения были не только монархисты и не только верующие. По свидетельству Владимира Осипова, были и атеисты. Объединяла их, людей разных взглядов, ненависть к существующему режиму, любовь к России.

Россия для членов Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа была той высшей ценностью, когорой они служили.

Один из руководящих членов Союза, Леонид Бородин, писал в стихотворении «Россия»:

У стен оскверненного храма
Руси присягну на мече,
Но только идущего хама
Я встречу с крестом на плече.
Я грешный и виноватый,
Одни мои были мечты,
Но счастлив я буду распятым,
Лишь только б избавилась ты.

Христианство, православие — вот тот источник, что освещал путь Леонида Бородина и его единомышленников.

«Я не такой тебя хочу», — говорит он в другом стихотворении, «Русь»:

А будь я первый,
Будь я вольный,
Я предпочел бы кумачу
Печальный гомон колокольный.

8.

«Мысли о Боге, — писал еще на заре Самиздата Андрей Синявский («Мысли врасплох»), — неиссякаемы и велики, как море».

«И всегда люди были корыстны, и часто недобры, — пишет Александр Солженицын в рассказе «Путешествие вдоль Оки». — Но раздавался звон вечерний, плыл над селом, над полем, над лесом. Напоминал он, что надо покинуть мелкие земные дела, отдать час и отдать мысли вечности. Этот звон, сохранившийся нам теперь в одном только старом напеве, поднимал людей от того, чтобы не опуститься на четыре ноги».

В Нобелевской лекции своей, вышедшей за границей отдельной брошюрой, Солженицын говорит: «Нации — это богатство человечества, это обобщенные личности его. Самая малая из них несет свои особые краски, таит в себе особую грань Божьего замысла». Сам носитель этой грани, сам, по слову его, работающий «подмастерьем под небом Бога», — Солженицын видит возрождение духа в его христианском понимании.

О великой силе христианского Света и Слова говорит герой романа Владимира Максимова «Семь дней творения»: «... Потому что человека, — говорит этот герой, — воспринявшего этот Свет и Слово, уже невозможно купить или сломать».

О целостном мировоззрении, основанном на христианских началах, пишет в статье «Русский мессианизм и новое национальное сознание» Горский: «Христианство — это высшая правда о человеке, об особом божественном его призвании и предназначении».

Наконец, западник, и, казалось бы, рационалист, Григорий Померанц, обращается к тем же высшим ценностям. В послесловии к книге «Неопубликованное», вышедшей за границей, он пишет, что с приходом Христа в Римской империи «был найден ключ к превращению массы, покорившейся римскому закону, в народ, связанный не только общим страхом, но и любовью», что никакой другой нравственности, кроме христианской, «рационализм не мог придумать».

«Когда прекращается шепот неба, — восклицает Померанц, — начинает вдохновлять бес, и дьявольщина разрастается в обществе, пока не пожрет его».

Дьявольщина и пожирает сейчас коммунистическое общество.

Отсюда вывод, который делает не один Померанц: чтобы не опуститься человеку окончательно на четыре ноги, чтобы не пожрала окончательно дьявольщина общество, необходим возврат к тем ценностям, которые освещены Высшим Промыслом.

В этом я вижу принципиально новое, что характеризует сейчас идейные искания представителей разных течений освободительного движения России.

В. К. ШТРИК-ШТРИКФЕЛЬДТ

Против Сталина и Гитлера

(Воспоминания об Освободительном движении народов России)

Публикуемые ниже отрывки из воспоминаний об Освободительном движении ген. Власова взяты нами из книги, вышедшей недавно как в оригинале, на немецком языке, так и в переводах на английский и французский языки,*

* W. Strik-Strikfeldt, *Against Stalin and Hitler*. Macmillan & Co. Ltd., London 1970. 270 p.; W. Strik-Strikfeldt, *Against Stalin and Hitler*. The John Day Company Inc., New York 1970. 270 p.; W. Strik-Strikfeldt, *Gegen Stalin und Hitler*. Verlag v. Hase & Koehler, Mainz 1970. 287 S.; W. Strik-Strikfeldt, *Contre Stalin et Hitler*. Presse de la Cité, Paris 1971. 255 p.

и печатаются здесь с благосклонного разрешения автора, а также и издательства, выпускающего эту книгу на русском языке под заглавием «Против Сталина и Гитлера. Генерал Андрей Андреевич Власов и Освободительное движение народов России» («Посев», Франкфурт-на-Майне). Отрывки из этой книги, имеющей документальную ценность, дадут читателю представление о том, как автор, близко, как никто другой, знавший Власова, в результате долголетнего тесного сотрудничества с ним, рассматривает и оценивает Освободительное движение и его возглавитель. Конечно, можно иметь разные мнения о Власовском движении и Власове. Может быть, оценка, даваемая дви-

жению капитаном Штрик-Штрикфельдтом, петербургским немцем, офицером Российской императорской армии, совет возражения...

Кто же был Власов? Что его побудило на этот шаг? Какие он мог иметь виды на успех? Был ли он идеалистом-патриотом, отбросившим свою жизнь за попытку освободить русский народ, или же изменником, продавшимся нацистам? Кто были эти тысячи или, вернее, миллионы россиян, его последователей, поплатившихся жизнью, долготлетним заключением или изгнанием, не понимая ни немцами, ни западными союзниками, насильно выдававшими их на расправу советам? Почему еще сегодня, по прошествии 30 с лишним лет, имя «власовец», представляющее собой совершенно определенное понятие, вызывает горячие споры?

Перед изучающим Власовское движение неизбежно возникнут и другие вопросы, требующие от историка ответа. Как это могло случиться, что в первые месяцы войны германскую армию часто встречали с хлебом-солью, с цветами и ликованием? Почему в первые два года войны, по официальным германским данным, более трех с половиной миллионов советских воинов сдались немцам? Чем объяснить присутствие в рядах германской армии более миллиона вооруженных бойцов — бывших граждан Советского Союза? Как могло случиться, что на сторону врага переходили целые воинские подразделения в полном вооружении? Почему после капитуляции Германии так называемые «остарбейгеры» и бывшие военнопленные прятались по лесам и всячески стремились избежать возвращения на родину?

Конечно, книга В. К. Штрик-Штрикфельдта не может дать ответ на все эти вопросы. Беспристрастный и окончательный суд принадлежит истории. Но справедливо ли

считать Власова изменником по той причине, что он поднял знамя борьбы за освобождение народов России от сталинизма, из-под власти того правительства, которое иначе, как антинародным, назвать нельзя? Слишком многих — едва ли не все население — нужно было тогда причислить к изменникам. Справедливо замечание Власова, что советская власть считает своим отъявленным врагом и изменником родины всякого инакомыслящего.

Для будущего историка важно знать всю правду, необходимо всестороннее освещение событий. И воспоминания В. К. Штрик-Штрикфельдта, объективного свидетеля и участника, не заинтересованного в каких-либо искажениях, могут как нельзя лучше послужить этому.

Поднявшие оружие на борьбу с коммунизмом в его самой жестокой сталинской форме сделали это вполне сознательно и считались с бросаемым им обвинением в измене: «Меня будут считать изменником до тех пор, пока в России не настанет перелом и не пробьет час победы свободы над советским патриотизмом» (Власов). Был ли Власов наемником у нацистов? По этому поводу сам Власов ответил одному немецкому генералу: «Я никогда не был стремянным ни у вашего правительства, ни у вашего фюрера».

Воспоминания В. К. Штрик-Штрикфельдта с документальной точностью рассказывают о подлинном отношении власовцев к нацистам. «Я по отношению к Гитлеру чувствую себя совершенно свободным, о какой-либо лояльности не может быть и речи», — говорил Власов. Более того: они рассказывают о сотрудничестве руководителей Освободительного движения с участниками антинацистского заговора 20 июля. Не только исход войны — вся история могла бы пойти иначе, если бы 20 июля удалось устранить Гитлера и нацистский режим.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публикуемые в этой книге воспоминания об Освободительном движении народов России и генерале Андрее Андреевиче Власове, возглавлявшем его, написаны мною на основании личного и служебного материала, которым я располагал во время моей «ссылки» в Померании в 1944 г. Эти воспоминания отражают только те факты и события, свидетелем и участником которых я был, а также мои личные наблюдения, мысли и чувства до, во время и по окончании моей службы в качестве германского офицера связи при генерале Власове.

С тех пор прошло почти тридцать лет. Наступило время исполнить данное мною Андрею Андреевичу обещание — поведать миру правду о борьбе праждан России против обеих диктатур — коммунистической и нацистской — во время второй мировой войны. В то же время эти воспоминания посвящены ежедневной изнурительной, почти подпольной и нередко опасной борьбе многих германских военнослужащих разных воинских званий против недоброжелателей и врагов Движения и генерала Власова лично. Эта борьба началась уже вскоре после вторжения германских армий в Россию, когда многие офицеры, возмущенные преступлениями нацистов, убедились в невозможности свергнуть террористический режим Сталина без поддержки населения великой страны. Как известно, не только значительная часть офицерского состава германских вооруженных сил, но и многие политические деятели, писатели, журналисты и даже некоторые члены нацистской партии в той или иной мере поддерживали намерения и планы генерала Власова и Освободительного движения. Многие из них, во главе с полковником графом Шенком фон Штауффенбергом, были участниками заговора против Гитлера. После покушения на него 20 июля 1944 г. они отдали свою жизнь за свободу своего, немецкого, народа, а вместе с тем, и за свободу народов России. Они, как и Андрей Андреевич Власов и его сподвижники, вошли в историю своих народов, приняв мученическую смерть борцов за права человека и человеческое достоинство. Мы же, пережив трагедию обоих народов, сто шестьдесят лет

тому назад совместно разгромивших полчища Наполеона, ныне являемся свидетелями позорной клеветы: Власов и участники Освободительного движения оклеветаны как изменники и предатели своего народа. А их немецкие друзья и сподвижники, также отдавшие свою жизнь за те же идеалы, путем замалчивания их причастности к Освободительному движению, опорочиваются как «гитлеровские фашисты» только потому, что большинство их, повиновалось, как и Власов, долгу военнослужащего.

Поэтому я счел своим долгом написать свои воспоминания и таким образом выступить против позорной клеветы, возводимой и поныне на Андрея Андреевича Власова, участников Освободительного движения и их немецких друзей.

Мир, в котором мы живем, меняет свой облик. Но правда неизменна. Ей надеюсь я послужить, внеся моими воспоминаниями скромный вклад в историю возникновения и развития Освободительного движения народов России и его героического основоположника генерала Андрея Андреевича Власова.

ПРИЗЫВ В АРМИЮ

В январе 1941 г. в мое инженерное бюро в Познани явился офицер германского Генерального штаба. После краткого вступления он сказал, что ему известно то положение, которое я занимал в Российской императорской армии, и моя работа при Международном Комитете Красного Креста после 1-й мировой войны. Он знал, что в то время мы с друзьями организовали широкую кампанию помощи голодающим в России, еще до того, как этому делу посвятили себя Фритц фон Хансен и Герберт Гувер. И, наконец, он заявил мне, что фельдмаршал фон Бок хотел бы зачислить меня в свой штаб в качестве офицера-переводчика.

Я был поражен точностью сообщенных мне сведений о себе самом. Вот уж, действительно, «немецкая высококачественная работа»! — с восхищением подумал я. Но чему же удивляться? «Они» знали все. Ведь они уже захватили пол-Европы.

Федор фон Бок оказался джентльменом старой школы, таким, каким мы когда-то представляли себе хорошего прусского офицера: скромный, любезный, без монокля. Он разговаривал со мной о первой мировой войне, о русской революции, о членах семьи Боков, из прибалтийских немцев, к которым принадлежала и моя мать. Фельдмаршал рассказал мне о своем двоюродном брате, фон Боке, морском атташе императорского русского правительства в Берлине.

Вскоре после этого я должен был сдать в Берлине экзамен на звание переводчика. Когда председатель экзаменационной комиссии спросил меня, какую школу я окончил, и я назвал Реформатское училище в Санкт-Петербурге, председатель комиссии заявил: «Господа, экзамен излишен. Окончившие это училище владеют русским языком лучше, чем мы с вами».

*

Однажды, в июне 1941 г., начальник отдела разведки штаба Среднего фронта, майор барон фон Герсдорф, передал мне листовку. В ней стояло черным по белому: «Германская армия вступает в борьбу с Красной армией за освобождение народов России от большевизма». У меня захватило дух. Итак, перед нами встала новая реальность, о которой раньше не хотелось и думать: война на два фронта! Возможность такой войны всегда решительно отвергалась Гитлером. Детали этого плана мне были неизвестны, так как в то время я лишь числился при штабе, а большую часть времени все еще посвящал работе в инженерном бюро.

Листовка содержала обращение к советскому населению и к солдатам Красной армии. Она призывала их не оказывать никакого сопротивления и дружески протянуть руку германской армии, как освободительнице от большевизма. Но, одновременно, красноармейцы и население призывались восстать против своих угнетателей и убивать всех комиссаров, коммунистов, комсомольцев. Герсдорф просил меня сначала только проверить русский текст с точки зрения правильности языка и представить ему немецкий перевод. Я выполнил его просьбу, а затем, все еще под впечатлением неожиданной новости, отправился с женой в театр. Как в насмешку, в тот вечер в театре шла оперетка «Желтая кофта» Легара, по-немецки «Das Land des Lächeln» — «Страна улыбок». Я же был поглощен размышлениями о войне с Россией; об этом говорило роковое содержание листовки. Там, в Советском Союзе, люди призываются не оказывать никакого сопротивления. Но, вместе с тем, все те, кто должен был возглавить это сопротивление, обрекались на смерть. О чем думали составители этого обращения? В своем ли они уме? Ведь это было нарушение Божеских заповедей! Содержание этой листовки противоречило и здравому смыслу: обреченные на смерть будут не только сами ожесточенно сопротивляться, но и увлекут за собой множество других, подчиненных им людей... Я не видел и не слышал ничего из того, что показывали на сцене. В перерыве я сказал жене, что мне нужно еще раз зайти в штаб и что к концу представления я приду за ней.

В штабе я высказал Герсдорфу все, что было у меня на душе. Достаточно было представить себе ту же картину на нашей стороне: все члены организаций СС, СА, все члены национал-социалистической партии, Германской организации труда, гитлеровской молодежной и всех организаций вообще, как бы они ни назывались, — обречены на смерть! Это означало бы: каждый будет защищаться. Герсдорф тотчас же понял меня, и мы засели за нашу первую совместную докладную записку, которая в тот же вечер была представлена фельдмаршалу. При этом Герсдорф приказал: «Не больше полстраницы. Никаких ссылок на „Божеские заповеди“, на международное право или что-либо подобное — это не пройдет. Наоборот — упор лишь на неизбежное ожесточенное сопротивление врага, которое, без сомнения, вызовет содержание листовки».

Когда я на следующее утро явился в штаб, меня тотчас же вызвали к Боку. Он поздравил Герсдорфа и меня с успехом нашей докладной записки, переданной им за своей подписью по прямому проводу в ставку. Результат: члены партии и комсомола из листовки вычеркнуты. Но «комиссары» остались! Таким образом, одним росчерком пера были спасены жизни многих русских людей, а немецким женщинам этот же росчерк, может быть, сохранил мужа или сына, детям — их отца и кормилицу. Уже сама мысль о том, что вечерний разговор между молодым офицером германского Генерального штаба и коммерсантом из Риги мог привести к столь важному решению, заронила во мне первое сомнение в успешно до сих пор действовавшем германском военном руководстве. Неужели те, кто ответствен за ведение войны, не задумывались вообще над политическими проблемами?

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С АНДРЕЕМ АНДРЕВИЧЕМ ВЛАСОВЫМ

Стремление к освобождению от сталинской деспотии владело всеми народами России еще задолго до начала войны. По мере продвижения германских войск это стремление проявлялось стихийно, так как население быстро осознало возможность смены ненавистного ему государственного и общественного строя. В этой, по существу, революционной ситуации капитан Николай фон Гротель¹⁾, журналист из балтийских немцев, а во время войны сотрудник отдела пропаганды Верховного командования вооруженных сил, одним из первых пришел к убеждению, что только призыв популярного среди населения и в Красной армии русского человека мог бы найти в сердцах русских солдат и офицеров отклик, поднять их на борьбу против деспотизма сталинщины. Сама же мысль о возможности привлечь кого-нибудь из числа военнопленных русских генералов в качестве идейного соратника в борьбе против Сталина зародилась в штабе Главного командования сухопутных сил. После того, как зимняя кампания 1941/1942 г. показала, что германское правительство не только не намеревалось, но и не было в состоянии разработать план «военно-политической стратегии», в Генеральном штабе созрело решение взять на себя всю ответственность за проведение *политических* мероприятий с целью скорейшего окончания войны в России, прикрываясь при этом аргументами чисто военной необходимости. Особую заинтересованность в таких мероприятиях проявил генерал-майор фон Ведель, начальник вышеупомянутого отдела пропаганды Верховного командования вооруженных сил.

Взвешивая все возможности, мы исходили из сложившихся в то время «военно-иерархических взаимоотношений», которые представлялись посвященным довольно благоприятными: генерал фон Ведель был подчинен непосредственно фельдмаршалу Кейтелю, начальнику штаба Верховного командования вооруженных сил; между группой офицеров Генерального штаба и Гитлером, бывшим одновременно командующим Вермахта, Главнокомандующим сухопутными силами и Государственным канцлером, стоял начальник Генерального штаба генерал-полковник Гальдер. Поэтому нам, в Генштабе, представлялось, что было бы не слишком трудно убедить Гитлера в необходимости коренного изменения общей политики в России, обнародовав *политические цели* войны: надежда эта основывалась на расчете, что на Гитлера удастся воздействовать «на высшем уровне», используя обе упомянутые «военно-иерархические» ступени. Для достижения этой цели требовалось как можно скорее поставить ближайшее окружение Гитлера перед совершившимися *политическими фактами*, создав такие факты в пределах «военноначальнической компетенции». Таков был наш «офицерский замысел. Подробности действительных намерений Гитлера в то время еще не были известны даже верхам во-

¹⁾ Сотрудник полковника Мартина по вопросам восточной пропаганды, точнее, по вопросам психологической войны. (Здесь и в дальнейшем — примечания Редакции).

енного руководства; с другой же стороны, последствия гитлеровской политики в России были настолько очевидны, что в Генеральном штабе, а особенно среди офицеров отдела Генштаба «Иноземные войска Востока»²⁾, в то время едва ли можно было найти человека, верившего в возможность продолжения этой безумной политики.

Генерал Андрей Андреевич Власов — один из выдающихся защитников Москвы в 1941 г. — попал в немецкий плен в июле 1942 г. Сражаясь в Волховском окружении до конца, он делил со своими солдатами все лишения. Но разгром 2-й ударной армии, которой он командовал, предостеречь его не мог. И за это Власов — как и всякий советский командарм в его положении — должен был заплатить жизнью. Когда не оставалось уже больше никаких сомнений в безвыходности положения в Волховском окружении, в расположении штаба 2-й ударной армии приземлилось несколько самолетов, чтобы вывезти генерала и его штаб. Но Власов отказался от полета: он ни минуты не сомневался в том, что его долгом было оставаться с доверенными ему войсками, вместе с ними биться и погибнуть от руки врага, поскольку он не принадлежал к тем, кто по неписаному закону сталинского деспотизма, считал своим долгом при неудаче покончить с собой.

После того как почти все части его армии были уничтожены, Власов, с небольшой боевой группой, отступил в гущу лесов приволховских болот. Но вскоре погибла и эта группа, за исключением нескольких человек. До своего пленения Власов, без знаков отличия на форменной одежде, скрывался в приволховских лесах и несколько недель бродил меж деревьев, питаясь хлебом, которым иногда, по ночам, его снабжали крестьяне.

Вечером 13 июля 1942 г. Власов заснул в каком-то сарае, где и был взят в плен двумя чинами штаба одной из германских дивизий: повидимому, крестьяне донесли о нем немцам.

Во второй половине июля Власов был доставлен в лагерь военнопленных в Виннице, подчиненный Генеральному штабу. Комендантом этого лагеря был пожилой немец из США, великодушный и умный человек. И этот «американец», не говоривший ни слова по-русски, явно предназначенный для заведывания лагерем военнопленных англичан, должен был «управлять» на Украине лагерем русских военнопленных! Это характерный пример тупоумия бюрократов.

Что должен был переживать генерал Власов, когда его как пленного, вели по улицам Винницы, того города, жителям которого он был известен как крупный и талантливый военачальник? Власов был высок ростом (1,96 м). Он шел во главе колонны военнопленных, и это не было случайностью: какие-то мелкие душонки постарались унижить его.

Но при первом же представившемся ему случае Власов ответил на это сопротивление: он отказался выйти на проверку вместе с пленными солдатами и настоял на том, чтобы проверка офицеров проводилась отдельно. Советского генерала удивила эта «уравниловка» у немцев: «Если вы хотите такими методами завоевать и перестроить мир, то вы находитесь в полном заблуждении», — заметил он уже тогда. Пленный генерал сказал это «американскому» коменданту лагеря, что вызвало у того сочувственную улыбку. Комендант доложил об этом происшествии капитану Петерсону, в чьем ведении находилась особая группа военнопленных при Генштабе. Петерсон немного поворчал, но, будучи в высшей степени порядочным человеком, тотчас же согласился с Власовым. Порядок проверки был немедленно изменен.

По приказу полковника фон Рённе, я вскоре встретился в первый раз с Власовым. Пленный генерал произвел на меня неизгладимое впечатление: своим поведением — скромным и в то же время полным сознания собственного достоинства, — своим умом, спокойствием и выдержкой, но, особенно, той трудно определимой чертой характера, в

которой чувствовалась как бы скрытая сила его личности. Это впечатление еще усиливалось всей его внешностью, бросавшимся в глаза ростом худощавого, но широкоплечего мужественного человека, смотревшего внимательным, спокойным взглядом сквозь толстые стекла очков на своего собеседника. Звучным басом он излагал, не спеша, отчетливо и ясно, свои мысли. Время от времени в равномерном потоке его слов проскальзывали нотки сдержанного юмора.

Он описывал свою жизнь. Сын небогатого крестьянина Нижегородской губернии. Родился в 1900 г. Его мать была глубоко верующей женщиной, и он очень любил ее. Андрей должен был стать священником, — может быть, лишь потому, что обучение сына в духовной семинарии отцу обходилось дешевле, чем в ином учебном заведении. Немец-сыровар, живший поблизости, дал отцу Власова займы, а, может быть и просто подарил довольно крупную сумму денег на учение Андрея. «Значит, — заметил Власов, — уже тогда я рассуждал, что не все немцы — изверги, как это теперь утверждает советская пропаганда».

В первую мировую войну Власов подлежал призыву в армию, но получил отсрочку по молодости, так как сельский писарь ошибся, занося год рождения в призывные документы на основании свидетельства о крещении.

Февральская революция 1917 г. не прошла бесследно для молодого Власова, но Октябрьской революцией он был захвачен вполне: «Хлеб, мир, земля крестьянам» — под этим лозунгом Советы начали свое победное шествие. Они распустили по домам измученную войной армию и обещали раздать крестьянам земли крупных землевладельцев.

Андрей покинул духовную семинарию. Поступив затем в сельскохозяйственный институт, он попал в кружок студентов-революционеров, а потом вступил добровольцем в Красную гвардию для борьбы против «помещиков» и «эксплуататоров», за «землю» и «свободу».

Вскоре Власов стал ротным командиром. «Белогвардейцы», а с ними и «иностранцы интервенты» были изгнаны. Через очень короткое время он получил полк. Будучи военным осветником при штабе генералиссимуса Чан Кай-ши (1938—1939 гг.), молодой полковник ознакомился с древней культурой Китая, занялся изучением китайской философии и накопил богатый политический опыт, внимательно наблюдая за развитием происходившего тогда китайско-японского конфликта. Власов с уважением говорил о Чан Кай-ши, но сомневался в его успехе; точно так же считал безнадежной и тогдашнюю японскую политику. «Китай, — говорил он, — может быть завоеван, но покорится он лишь такому завоевателю, который сумеет привлечь народ на свою сторону». Высокий знак отличия, пожалованный ему Чан Кай-ши, он не имел права носить по возвращении в Советский Союз. «Такие знаки отличия не допускаются к ношению внутри страны», — заметил он, улыбаясь. Встречи с представителями западных держав заметно расширили его политический горизонт. Назначенный по возвращении в СССР командиром дивизии, известной своей недисциплинированностью, он сделал ее образцовой. За что получил личную награду от Сталина.

Власов, разумеется, был прекрасно осведомлен о всех деталях внутреннего и внешнеполитического положения России, так как он в течение многих лет общался с руководящими партийными и государственными деятелями Советского Союза. Но, как сын крестьянина, он хорошо знал и условия жизни простого народа. Восторженный приверженец советского режима, которому он был обязан своей карьерой, он научился видеть и оборотную сторону медали. Когда он, будучи уже известным военачальником, приезжал в село к своему отцу-колхознику, люди в его присутствии молчали, видя в нем одного из кремлевских фаворитов; это всегда причиняло ему душевные страдания.

Такт, проявленный немецкими офицерами в общении с побежденным противником во время и после взятия его в плен, и рыцарское к нему отношение со стороны его бывшего противника в волховских боях, генерал-полков-

²⁾ Abteilung Fremde Heere Ost — отдел Генштаба по изучению вооруженных сил Востока.

ника Линдемманна, рассеяли первоначальное недоверие Власова и подтвердили ему то, во что он, в сущности, хотел верить, — что немцы были не чудовищами, а такими же, как и все, людьми и, как настоящие воины, уважали на войне противника.

Мы разговаривали обо всем, кроме военных дел. Сблизились же мы с того момента, когда разговор зашел о бедственном положении русских людей по эту и по ту сторону фронта.

При следующем моем посещении генерала я, по его просьбе, долго рассказывал ему о Германии. Его интересовало все. Но прежде всего он хотел знать о германских целях войны больше того, что уже знал. А знал он вообще поразительно много. Несмотря на колючую проволоку и охрану, «подпольная информация» работала среди военнопленных надежно и быстро. Недостойное обращение с военнопленными способствовало распространению тайной советской пропаганды, вследствие чего они очень скоро стали отдавать себе отчет в своей судьбе, судьбе «унтерменшей». На откровенность генерала я отвечал откровенностью. За годы нашей совместной работы Власов с необычайным тактом всегда считался с связывавшими меня служебными обязательствами, так что между нами установились отношения, основанные на взаимном доверии.

Когда я задал Власову решительный вопрос — не является ли борьба против сталинщины делом не только нас, немцев, но также, и в гораздо большей степени, делом русского и других народов Советского Союза, он задумался. Он рассказал мне о длившейся уже десятилетиями борьбе, которую вели борцы за свободу, крестьяне, рабочие, офицеры и интеллигенция при полной безучастности всего мира. С Кремлем заключались договоры и союзы. «Может ли все это ободрить наш народ и заставить его взять в свои руки свою собственную судьбу?» — спросил он меня. В такие минуты генерал походил на старого мудрого китайца. Эти умные неподвижные черты не выдавали ничего. Что заставляло его говорить мне все это?

На мой вопрос он ответил уклончиво, заметив, что в Советском Союзе не только народные массы, но и многие военные, даже ответственные работники партии, настроены хотя и не против советской системы как таковой, но против Сталина. Террор подавляет всякую попытку к созданию организованного движения сопротивления. Но тут, в плену, он имел возможность разговаривать со многими высшими советскими офицерами. Только некоторые из них держатся выжидательно, большая же часть высказывает мнение, что русские сами должны начать борьбу против Сталина. Но на чьей стороне? «Англичане уже бросили нас однажды на произвол судьбы. Немцы, как мне кажется, не ждут нас в нашей помощи. А американцы заключают договоры со Сталиным. Правда, ни англичане, ни американцы не претендуют на нашу территорию». Он внимательно наблюдал, какое действие окажут на меня эти слова.

«Как же Вы представляете себе практическое участие русских в борьбе против Сталина?» — так он ответил вопросом же на мой вопрос.

И вот после этого я изложил ему, как мы сами в начале похода верили в освободительную войну, в освобождение народов России. Как мы сожалели о бедственном положении военнопленных, которое изменить не удастся; что нацистские вожди одержимы высокомерием и не склонны к разумной политической концепции и что именно этим обусловлено катастрофическое положение 50—70 миллионов людей в занятых нами областях. «Хотя большинство офицерского состава германских вооруженных сил, — добавил я, — и заняло в вопросе о целях похода и политических решений целого ряда проблем совершенно ясную позицию в пользу населения занятых нами областей России, — ничто из всех этих намерений и планов не могло быть осуществлено, так как мы сами живем и действуем в условиях диктатуры». Да, в этом он и сам мог убедиться, заметил Власов, и упомянул при этом о генерале Линдемманне и офицерах его штаба. Он также, казалось, в общих

чертах был уже осведомлен и о положении в занятых областях.

— Но что же все-таки мы можем предпринять? — спросил он вдруг.

И что думает обо всем этом ваш фюрер?

— Ну, наш фюрер, к сожалению, все еще окружен лицами, совершенно ослепленными. Но фельдмаршалы и другие военачальники, например, здесь, в Генеральном штабе, стремятся к осуществлению разных мероприятий, в особенности же к нормализации нашего отношения к русскому народу. Они склонны сотрудничать с теми русскими, которые готовы бороться против Сталина!

— Против Сталина — согласен! Но если бороться, то надо знать, за что и с каких позиций. Сотни тысяч русских помогают немцам в этой борьбе против Сталина, многие даже с оружием в руках. Но у них нет своего лица! Разрешат ли нам те немецкие офицеры, о которых Вы говорите, сформировать против Сталина русскую армию? Эта армия не должна быть армией наймитов. Подчинена эта армия должна быть только национальному правительству России и лишь от этого, своего, правительства командование армии сможет и должно будет принимать приказы для проведения военных действий какого бы то ни было рода. Поймите, что лишь более высокая по своему содержанию идея сможет снять с воинов этой армии тяжелый упрек в том, что они с оружием в руках выступили, хотя и не против своих сопратов, но как никак против еще существующего правительства своей страны. Эта более высокая идея, этот идеал — политическая свобода и права человека. При этом я вспоминаю о великих борцах за свободу в США — о Джордже Вашингтоне и Вениамине ФранкLINE. Они победили благодаря тому, что служили идее или идеалам, которые возвышались над идеями и идеалами их политических противников. Поэтому, если я в наше время и в условиях нашего политического и морального положения смогу возвестить идею служения людям на основе признания таких этических ценностей, как любовь к ближнему, духовная свобода, свобода творчества и терпимость по отношению к инакомыслящим — над идеей служения лишь узконациональным интересам государств, — то я смогу претендовать на право поднять борьбу против деспотизма Кремля с вашей помощью.

Этим Власов, в общем подтвердил заявления многих советских офицеров, с которыми я уже ранее беседовал на эти же темы в лагерях военнопленных.

Но его мировоззрение было более глубоким, так как он ставил общечеловеческие ценности свободы личности выше ценностей национально-политических. И, собственно, это было решающим. Ленин в 1917 г. объявил идеалом осуществление принципов утопического учения, Власов же в 1942 г. — свободу граждан, приоритет общечеловеческих прав и достоинства человеческой личности.

Я попросил генерала изложить эти мысли в письменной форме, к чему представилась благоприятная возможность: начальник Генерального штаба Гальдер попросил генерала Гелена представить ему возможно полную информацию о реакции военнопленных советских офицеров на только что поступившие сведения об упразднении апшарата политруков в Красной армии. Таким образом, доклад пленного генерала мог попасть кратчайшим путем в руки начальника Генерального штаба.

При разговорах с Власовым иногда присутствовал пленный русский полковник Владимир Боярский: Власов приглашал его иногда к себе, советуясь с ним по разным вопросам. Боярский — бывший командир одной из советских гвардейских дивизий — производил прекрасное впечатление. Хотя он был ярым врагом Сталина, он открыто заявил, что он отнюдь не друг немцев. Этот талантливый и политически образованный офицер внес ценный вклад в составление проекта доклада Власова генералу Гелену. Позже он часто бывал нетерпелив и склонен к резкостям. Но в это время он держал себя по-товарищески, и его сотрудничество было в высшей степени полезным.

В докладе, основанном на выводах из наших обстоятельных дискуссий и переговоров, Власов излагал чрез-

вычайно ясный и конкретный план действий. Вместе с тем, он изъявлял готовность отдать себя в распоряжение своего народа для борьбы за свободу. Проект доклада получился слишком обширным, что наши генштабисты — не без некоторой иронии — рассматривали как доказательство будто бы присущей русским симпатичной, но несколько неудобной многоречивости.

В то время я уже по опыту знал, что «пруссакам» следует все подавать в сжатой форме, излагая все мысли в «сухом» стиле. Поэтому, с согласия Рённе, я совместно с обоими русскими офицерами сократил проект доклада. Хотя Власов и отнесся насмешливо к этой нашей работе, но он тот час же уловил ее смысл и значение. И в последующие годы он оставался верен себе: он рассматривал все в целом, но готов был признать и необходимость «малых шагов», при условии полной неприкосновенности его принципиального мнения в данном деле или вопросе. Рённе утвердил сокращенный проект доклада. В то время он неоднократно беседовал с Власовым и сказал мне, что в случае сотрудничества с русскими он, не колеблясь, предпочел бы генерала Андрея Андреевича Власова всем другим возможным вождям Освободительного движения.

*

Наряду со многими другими офицерами, я в то время еще полагал, что Гитлер не останется глух к голосу благородия и что наши генералы добьются у него решения политических вопросов. На это я указал Власову, прося его никогда потом не упрекать меня, если мои предположения и надежды не оправдаются. Он тотчас же обещал мне это и сдержал данное мне слово вплоть до последнего часа нашего сотрудничества.

Мы договорились быть друг с другом совершенно откровенными и искренними, не скрывать друг от друга ничего. Но Власов все еще сомневался: действительно ли он тот, кто призван и способен возглавить Освободительное движение? Возможно ли будет вообще одной политикой «малых шагов» когда-нибудь добиться действительно решительного и крупного политического успеха в смысле наших общих чаяний? Ибо во всякой борьбе против тирании и деспотизма судья один: успех. Он выносит свой беспощадный приговор, присуждая одним лавровый венок освободителя, другим же — клеймо изменника.

Разговаривая с Власовым, я снова ощутил справедливость того принципа, которому я следовал после первой мировой войны, а особенно во время моей деятельности в организации Международного Красного Креста. И я сказал: «Не знаю, добьемся ли мы желаемого политического успеха. Но разве только политика обуславливает наши действия? Если Генеральному штабу удастся хотя бы отчасти поддержать нас, то мы, без сомнения, будем свидетелями изменения участи русских военнопленных, — ведь многие из них все еще умирают голодной смертью. Послужим людям, Андрей Андреевич, — этой цели мы достигнем во всяком случае».

— Да, Вы правы. Ради этого стоит посвятить себя борьбе, какие бы препятствия ни встали на нашем пути, — откликнулся Власов.

Честолюбец или человек, одержимый жаждой власти, меня никогда не понял бы. Но для Андрея Андреевича Власова служение, в высшем значении этого слова, было смыслом всей его жизни, и он оставался верным этому принципу на всех этапах развития событий, вплоть до трагического конца.

ЛАГЕРЬ ДАБЕНДОРФ И ОТДЕЛ ВОСТОЧНОЙ ПРОПАГАНДЫ

Прошло почти три месяца со времени моих предварительных переговоров в штабе Главного командования сухопутных сил: уже при этих переговорах намечалось организовать, в первую очередь, координационный центр, который, по нашим представлениям, в основном, должен был изучать и исследовать все вопросы, связанные с развитием Освободительного движения народов России.

Всем нам было ясно, что такой центр, то есть, по существу своему, «Русский центр генерала А. А. Власова», — в реальных условиях того времени, мог быть создан лишь под флагом «военной пропаганды». Из этого вытекало, что такой центр лучше всего было прикрепить к отделу военной пропаганды Верховного командования вооруженных сил, под начальством генерала фон Веделя; это было сделано в ноябре 1942 г. при содействии генерала Гелена и полковника графа Штауффенберга³⁾.

На основании договоренности между штабами этих офицеров генерал фон Ведель дал свое согласие на образование такого центра в виде «Лагеря для подготовки русских добровольцев». Соответственно задуманному плану решено было организовать его в виде «Отдельного батальона восточной пропаганды»; начальником его назначили меня. Мероприятия по организации этого «центра» были, конечно, связаны с различными и значительными трудностями как политического, так и административного характера. Прежде всего, необходимо было решить, где разместить «лагерь» и как обеспечить его всем необходимым, включая довольствие по фронтовой ставке и денежные средства. В конце концов, мне удалось закрепить за собой лагерь «Дабендорф», состоявший из нескольких больших барakov, в которых ранее содержались военнопленные французы, перемещенные в другие лагеря или освобожденные после капитуляции Франции, и я мог приступить к комплектованию личного состава. Моим полковым командиром стал полковник Мартин, начальник 4-й группы Отдела военной пропаганды Верховного командования. Он подписал заготовленный мною приказ о формировании моего «батальона» численностью в 1200 чел.

Этот «Учебный лагерь Дабендорф под Берлином» в его начальной стадии можно было сравнить с первым ростком идеи Освободительного движения. Почва была неблагоприятной, и нам всем пришлось приложить много упорства и труда, чтобы после его появления на свет сохранить в живых это столь слабое политическое растение. Однако Дабендорф не только выжил, но и стал духовным центром Освободительного движения генерала Власова и его единомышленников. Это политическое немецко-русское детище — Дабендорф — вошло в историю борьбы против обеих диктатур и заняло подобающее ему место в посвященной этой борьбе литературе, как русской, так и немецкой. Но при описаниях облик Дабендорфа подвергся, как это часто бывает, более или менее сильному искажению.

Дабендорф обязан был своим существованием умелому использованию многообразия взаимно пересекавшихся компетенций, охватывавших все инстанции Германского военного руководства. Так Дабендорф был подчинен в области снабжения 3-му военному округу (Берлин); по части официальных задач «пропаганды»⁴⁾ — отделу военной пропаганды Верховного командования; по линии общих военно-политических директив — Отделу Генштаба «Иноземные войска Востока» (под начальством генерала Гелена⁵⁾). Поэтому будучи командиром «батальона» Дабендорф, я числился и впредь в личном составе отдела ген. Гелена. А после образования штаба «Генерала добровольческих войск», вначале под начальством генерала Гельмиха, а затем генерала от кавалерии Кестринга, Дабендорф подчинялся в чисто организационно-регистрационном отношении еще и этой, четвертой, инстанции. Это парадоксальное положение, при котором приходилось, в зависимости от возникавших вопросов, считаться с частую противоречащими друг другу распоряжениями, приказами и соображениями различного начальства, тем

³⁾ Полковник граф Шенк фон Штауффенберг возглавил впоследствии заговор против Гитлера и совершил неудачное покушение на Гитлера 20 июля 1944 г., после чего был расстрелян. Это событие вошло в историю под названием «Заговора 20 июля».

⁴⁾ Фактически в лагере проводились политические и общеобразовательные занятия.

⁵⁾ В этом отделе Генштаба числилось большинство офицеров, сочувствовавших Власову и поддерживавших его движение.

не менее давало мне и работникам дабендорфского центра возможность при необходимости прибегать, не теряя из виду основной цели нашей деятельности, к помощи или поддержке тех высокопоставленных лиц и вышеупомянутых штабов военного руководства, которые были посвящены в наши планы. Кроме того, благодаря именно этому парадоксальному положению, в критические моменты, при появлении угрозы срыва наших начинаний или привлечения к личной ответственности, можно было рассчитывать на поддержку одного из названных штабов от преследований других.

Дабендорф, расположенный в лесу, был небольшим барачным городком. Ассигнование средств было основательно обсуждено с полковником фон Рённе. Как многие балтийские немцы, Рённе был склонен к «сверхрусской» аккуратности, тогда как генерал Гелен в вопросах управления был более гибок. Разрешение на отпуск средств было достигнуто при совместной помощи генералов и офицеров Генерального штаба Штифа, графа Штауффенберга, Альтенштадта и Кламброта — в будущем жертв гитлеровской диктатуры. Эти ассигнования предусматривали денежные оклады восьми генералов, шестидесяти штаб-офицеров и нескольких сот младших офицеров из русского личного состава. Соглашение с отделом Генштаба «Иноземные войска Востока» предусматривало причисление русского личного состава к ста фронтовым дивизиям и специальным частям, а также организацию службы связи из добровольцев при комендатурах лагерей военнопленных в прифронтовой полосе и в Германии. В целом, расписание штабов дабендорфского «батальона» предусматривало наличный состав в 3600 человек разных военных званий русской и других национальностей России.

Положение о штатах «батальона» в отношении личного состава немецкой национальности предусматривало, кроме небольшого числа старшин и рядовых, а также и военнослужащих по хозяйственной части, лишь двадцать одну офицерскую должность. При этом решающим было не военное звание данного лица, а личная характеристика и высокая квалификация кандидата на должность в Дабендорфе. Кроме того, особое внимание уделялось в каждом отдельном случае тому, как относится кандидат к русскому населению вообще и к политике на Востоке, в частности. Это было необходимо для того, чтобы предотвратить проникновение в Дабендорф элементов, могущих оказаться противниками идеи Освободительного движения. При всем том, моим твердым решением было предоставить, с самого начала нашей деятельности, как можно большую независимость русскому руководству центра для организации дела в рамках ассигнованных средств. Вмешательство немецкой стороны я считал целесообразным только в тех случаях, когда русские одни не могли выбраться из «ведомственных джунглей». Правильность этого решения подтвердилась впоследствии: избранный путь оказался единственно возможным в тогдашних условиях.

Власов и все его сотрудники, находившиеся при Отделе военной пропаганды на Викториахтрассе в Берлине на положении военнопленных, были окончательно освобождены, их перевели и зачислили в личный состав Дабендорфа. Наконец-то они были свободны!

Ясно, что все наше начинание, единственное в своем роде, нельзя было мерить обычными мерками. Поэтому понять его и судить о нем можно лишь, приняв во внимание условия и обстановку того времени. В течение нескольких недель необходимо было поставить на ноги буквально все. Приходилось импровизировать, а это я уже не раз делал в моей жизни. Импровизацией было все планирование, поиски и отбор немецких и русских сотрудников. И, несмотря на это, жизнь в Дабендорфе постепенно налаживалась и деятельность приобретала соответствующие нашей идее формы.

В мою служебную задачу входила организация с помощью немецкого и русского личного состава вербовки и обучения «пропагандистов» (в действительности же, советников и помощников) для русских добровольцев и

«хиви»⁶⁾. В то же время, русские люди всех воинских званий и специальностей обучались с целью стать такими советниками и помощниками во всех лагерях военнопленных и добровольцев, от Норвегии до Италии. В тесном сотрудничестве с немецкими комендантами лагерей они должны были заботиться, прежде всего, о создании соответствующих человеческому достоинству бытовых условий военнопленным как русской, так и других национальностей России. Параллельно с этим проводилась разъяснительная работа через органы печати движения, основы которой были уже заложены на Викториахтрассе в Берлине. Такой способ общения со многими миллионами народонаселения занятых областей России был очень важен. Необходимо было ободрить людей и внушить им новые надежды на достижение общей цели, чтобы вырвать их из апатии и сплотить на служение их собственным интересам.

В первый, организационный период (конец 1942 г.) «штаб Власова» с его сотрудниками, как уже упоминалось, находился в помещениях отдела Верховного командования на Викториахтрассе. В этом отделе Верховного командования, в 4-й группе, под начальством полковника Мартина и его заместителя капитана фон Гроте, тщательно и окончательно проверялись все ответы на запросы, касающиеся личных нужд военнопленных, а также содержание всех листовок, разбрасываемых над неприятельским фронтом, поскольку такие акции исходили от штабов сухопутных сил. В этом же отделе, как вначале, так и впоследствии, проверялись все публикации на русском языке, в том числе и содержание обоих печатных русских изданий: «Заря» — для военнопленных и «Доброволец» — для добровольческих частей и для «хиви». Регулярным выпуском этих двух газет занимались вначале на Викториахтрассе, а после основания лагеря Дабендорф — в тамошней русской редакции. Дабендорф сотрудничал с вышеупомянутым отделом Верховного командования, в общем, без особых трений, в рамках установленных Генеральным штабом.

Все это входило в мои служебные обязанности. Но свою другую, гораздо более трудную задачу я видел в том, чтобы защищать русский центр Освободительного движения (во главе с генералом Власовым) от недоброжелателей: здесь в Дабендорфе, должны были созревать и развиваться независимо от чуждых влияний идеи и мысли власовцев. Положение настоятельно требовало создания кадров, расширения связей и многого другого. К моменту, когда наступил решительный час, все должно было быть готово: руководящий штаб, офицерский состав, хозяйственная часть, пресса. Но все эти приготовления должны были проводиться незаметно, почти втайне. Гроте, Дюрксен⁷⁾ и я совместно разрабатывали планы развития того большого дела, на успех которого мы надеялись всей душой.

При осуществлении этой, так сказать, подлинной задачи мы столкнулись со многими важными проблемами. Одной из основных была проблема правильного обращения с доверенными нам и доверявшими нам людьми. Они приходили к нам из совершенно иного духовного мира и, в большинстве случаев, не могли быстро освоиться в новом окружении: несмотря на отрицание сталинской системы, сказывались двадцать четыре года вдалбливания закосного мировоззрения ленинского марксизма.

Из лагеря Вульхейде я перевел в Дабендорф руководителя тамошних курсов, барона фон дер Роппа, немецко-балтийского антрополога, владевшего русским языком как своим родным; но еще важнее для нас был богатый опыт, приобретенный им за год общения с военнопленными.

Трудности при обучении «пропагандистов», сведенных в большое число рот, возникали вследствие невозможности говорить со слушателями курсов о политических целях, преследуемых германским правительством на Востоке, и вследствие невозможности добыть необходимые материалы и найти компетентных лекторов для критики и опро-

⁶⁾ Хиви — Hilfswillige. Так называли бывших советских военнопленных, примкнувших к немецким частям.

⁷⁾ Один из сотрудников Гроте.

вержения доктрины марксизма-ленинизма. Кроме грубых, крикливых лозунгов нацистской пропаганды, мы не располагали никакими литературными источниками, так как все труды по марксизму-ленинизму были изъяты тайной политической полицией (гестапо) и нам совершенно недоступны. Тем не менее, надо отметить тут одно положительное обстоятельство (однако не следует его и переоценивать): бытовые условия в Германии, даже во время войны, производили на бывших советских граждан неизгладимое впечатление. Хотя они, конечно, отдавали себе отчет в том, что и нацистский режим стремится к осуществлению полновластия, подобного тоталитарной системе советского государственного строя, но в Германии это стремление в то время еще не достигло своего апогея; основы государственности и общественной жизни еще не были разрушены. Хотя давление режима увеличивалось все более ощутимо, но такая форма «несвободы» в Германии оценивалась подавляющим большинством бывших советских граждан с позиций сталинского режима насилия и поэтому воспринималась ими все же как «свобода».

После сталинградского поражения германской армии вера в конечную победу Германии, а также и в техническое и моральное превосходство германских вооруженных сил, была подорвана, но Власов именно в этом видел значительный шанс для выступления в роли равноправного и независимого союзника. Вера в победу нацистской Германии угасла, но вера в постепенный распад сталинского режима под давлением тягот войны не только не была подорвана, но даже возросла. Еще не все было потеряно. Германские дивизии все еще держали рубежи в глубине Советского Союза. Правда, чаша весов склонилась в пользу Сталина с тех пор, как ему удалось возродить в русских людях чувство исконного патриотизма, но не было никаких признаков перемен к лучшему условий жизни советского населения. В особенности же ничего не было слышно об отмене смертной казни, грозившей каждому, оказавшемуся в германском плену.

Я был твердо убежден в том, что мы, то есть штаб Власова и его немецкие друзья, шли правильным путем. Какие же требования я, по долгу совести, должен был в этих условиях предъявлять не только к себе самому, но и ко всем моим немецким сотрудникам в Дабендорфе при совместной деятельности с нашими русскими друзьями?

Прежде всего, никакого вмешательства в решение основных русских проблем, никакой нацистской пропаганды, никакого выпячивания германского превосходства, вместо этого — лояльность и порядочность, товарищеское отношение и, превыше всего, пример, постоянная готовность к взаимопониманию и чувство такта. С благодарностью я вспоминаю о безупречном исполнении обязанностей, возложенных на немецких сотрудников, которые до конца оставались верными своему долгу. Среди личного состава немецкого штаба в Дабендорфе было много лиц, отличавшихся не только высокой квалификацией. Большинство их в совершенстве владело русским языком, знало условия жизни в России и обладало, благодаря прирожденному чувству такта и большому личному опыту, исключительной способностью ужиться с русским населением лагеря и, что было важнее всего, с ближайшими сотрудниками Андрея Андреевича Власова. Все они оказали мне неоценимую помощь при выполнении стоявших перед нами трудных задач. Всем им я должен выразить сердечную благодарность за их самоотверженную помощь.

Поражение под Сталинградом вызвало у многих наших русских друзей чувство подавленности.

Мне запомнилось озабоченное выражение их лиц при изучении фронтовых карт. Зыков⁸⁾ опять-таки был первым, к кому вернулось самообладание. «Мы русские, а потому мы должны были бы радоваться русской победе. Но в то же время мы боремся за свободу, и потому радоваться нам не приходится: ведь каждая победа Красной армии равносильна возрастанию сталинского террора и заката-

лению нашего народа на неопределенный рок. Поэтому удар, нанесенный 6-й германской армии, косвенно нанесен и нам», — заметил он.

Но, несмотря на исход сталинградской битвы, лозунг Власова «Россия — наша» — оставался в силе и впредь. Говоря о России, Власов думал, конечно, о свободной России и представлял ее себе только такой. Поэтому наша деятельность в Дабендорфе продолжалась бесперебойно. Как и раньше приходилось бороться с запретами разного рода. Запрещено было, например, употреблять слова «Россия» и «русский». «Волга» была разрешена, но «Волга — русская река», как поется в народных песнях, — эта Волга была под запретом.

БОРЬБА ЗА ПРИЗНАНИЕ

Власов лично и все его ближайшие сотрудники оставались верными служению идее новой, свободной Европы, что видно из опубликованного Власовым в марте 1943 г. исторического документа — открытого письма под заглавием «Почему я встал на путь борьбы с большевизмом». Этот документ имеет свою историю.

Распространение воззвания Смоленского комитета⁹⁾ в занятых областях все еще было под запретом. Не только сам Власов и его окружение, но и все его друзья-немцы были горько разочарованы в своих надеждах на изменение курса «военно-политических действий». При этом общее настроение населения ухудшалось с каждым днем. Поэтому отдел военной пропаганды Верховного командования решил действовать по собственной инициативе. Я не могу сказать с точностью, был ли это Мартин или Гротте, кто первым пришел к мысли вместо Смоленского освободительного комитета выдвинуть Власова как единоличного поборника и защитника идеи освобождения народов России. Я помню, что полковник Мартин высказал следующее соображение: «Если бы Власов согласился описать свою жизнь, то есть опубликовать просто свою биографию, указав отдельные этапы развития своих политических взглядов, побудивших его поднять знамя борьбы против сталинщины и за освобождение народов своей страны, то ни один черт не смог бы придаться к такой чисто личной публикации». Снова пытливый ум полковника открыл тропу в джунглях нашей бюрократии.

Однако Власову уже надоела вся эта закулисная возня, и он заявил: «Если вы все еще не можете решиться пойти открытым политическим курсом, то я отказываюсь от всего и возвращаюсь в лагерь военнопленных. Конечно! Участвовать в этой неразберихе я больше не согласен». Но Мальшкин¹⁰⁾, Жиленков¹¹⁾ и Зыков были иного мнения: раз уж решено было бороться на два фронта — и против сталинщины и против нацизма — то это решение обязывает всех, несмотря на создавшееся положение, и поэтому борьба должна продолжаться. Аргументировали они так: в конце концов, несмотря на все поражения, немцы все еще занимают территорию России с населением в 60—70 миллионов. За право на свободное существование этого населения выступает Власов. Поэтому нужно лишить немцев власти над этими людьми. И только на основе достигнутого таким путем авторитета можно также облегчить участь военнопленных и «восточных» рабочих в Германии. «Мы, Андрей Андреевич, — единственная русская ячейка. Лишь мы имеем право и возможность поднять голос России в нашей собственной стране и распространять идеи свободы».

⁹⁾ В 1942 г. было выпущено воззвание Смоленского комитета, подписанное Власовым, бургомистром гор. Смоленска и еще двумя лицами. Это воззвание, призывавшее русское население к борьбе против коммунистической власти за свободную национальную Россию, было без разрешения германского правительства распространено во многих миллионах экземпляров на оккупированной территории СССР.

¹⁰⁾ В прошлом ген.-майор советской армии.

¹¹⁾ Бывший армейский комиссар советской армии.

⁸⁾ В прошлом один из редакторов «Известий».

ВОСПОМИНАНИЯ ВЛАСОВА

В наступившее время разочарований и томящих ожиданий образовался тесный круг людей, немцев, но большей частью русских по национальности, связанных дружественными взаимоотношениями. Доверие друг к другу возросло как раз в этот период политического бездействия.

Власов вспоминал этапы своего жизненного пути и не скупился на рассказы об атмосфере «при дворе» Сталина и об особенностях взаимоотношений кремлевских властителей. С присущим ему спокойствием он описывал нам, одного за другим, сподвижников «отца народов и учителя» и рассказывал подробно о своих личных впечатлениях о нем. Так, он вспоминал о том знаменательном для него дне в ноябре 1941 г., когда он, после продолжительного, полного напряженности ожидания в приемной диктатора, наконец, встретился с ним лицом к лицу и был назначен командиром 20-й армии, которая должна была остановить германские наступающие части на подступах к Москве. Навсегда запомнились ему заключительные слова этого короткого разговора, когда Сталин, отпуская его и пытаясь короткой трубкой, испытующе взглянул на него и сказал: «Вот что. Много солдат я вам дать не могу, но арестованных и заключенных дам вам порядочно. В остальном вы располагаете полной свободой действия. Ответственность, это вы знаете, несете вы». — И после краткой паузы добавил: «Людей жалеть нельзя, но беречь надо». Эти последние слова Сталина были, по мнению Власова, особенно характерны для отношения «хозяина» к людям вообще, и к солдатам в особенности: в них сказывались одновременно и презрение к отдельной человеческой личности, и опасения Верховного Главнокомандующего за огромные по своей численности и мощи армии, понесшие в начальных боях 1941 г. тяжелейшие потери личного состава.

Власов откровенно признавался, что в тот момент он гордился полученным от Сталина заданием: ведь враг стоял на подступах к столице России. Но, выйдя из кабинета Сталина и еще ощущая гнетущую атмосферу разговора в присутствии Маленкова — «ходячего справочника» в области оборонной промышленности — и других представителей советской верхушки, он вдруг понял, что только что заключил личный договор со Сталиным и его кликой. Уже тогда, говорил он нам, ему было ясно, что он погиб, если не будет победителем, и превратится в «предателя», как маршалы и полководцы Тухачевский, Блюхер, Якир, Эйдемманн, Корк и многие другие, погибшие в застенках Лубянки.

«Заметьте, господа, — не раз говаривал он нам, немцам, — отъявленным врагом режима и изменником родины принципиально считается всякий инакомыслящий. Поэтому каждый советский человек научился приспосабливаться. Он становится «подсоветским» человеком. Что он думает и чувствует на самом деле — скрыто в глубине его сознания. Неудивительно поэтому, что его сознание раскололось как бы надвое. И вот именно этот непоправимый удар, нанесенный каждой отдельной человеческой личности, представляет собой самое страшное преступление сталинского режима, страшнее, пожалуй, даже преступлений физического уничтожения тысяч и тысяч людей в мирное время, страшнее уничтожения культурных и материальных ценностей. Это преступление — искажение духовной жизни народа — не только содеяно, но творится постоянно режимом Сталина и его клики. Я знаю, что впоследствии наша борьба многим будет казаться двурушничеством. Мы решились на большую игру. Но кто однажды услышал зов свободы, никогда уже не сможет забыть его; а тот, кто, как я, встал на путь свободы, тот пойдет по нему до конца. Но если ваш фюрер думает, что я соглашусь с его захватническими планами, он ошибается. Я вернусь в лагерь военнопленных, к своим соотечественникам».

Власов был в высшей степени потрясен и подавлен. Мои попытки ободрить его ссылкой на слова Гелена были вначале безуспешны. Власов просил меня передать Гелену свою благодарность за оказанное доверие. Малышкин так-

же прилагал все усилия, чтобы найти слова ободрения для этого охваченного отчаянием человека; при этом он напомнил Власову изречение одного из приговоренных к смерти декабристов: «Наша вина состоит лишь в нашем стремлении к свободе». В конце концов, по предложению Деллинггаузена, было принято предварительное решение спокойно еще раз все обдумать и обсудить создавшееся положение.

ВЛАСОВ И НЕМЕЦКОЕ ДВИЖЕНИЕ
СОПРОТИВЛЕНИЯ

Несколько дней спустя мне позвонил один немецкий генерал, которого я знал лишь по имени. Он спросил меня — не мог ли бы я устроить, в секретном порядке, встречу его с Власовым. Встреча должна была состояться в служебном кабинете одного из профессоров Берлинского университета¹²). Власов согласился, и мы приехали в университет в праздничной одежде, немецкий же генерал — в форме.

После того, как генерал представился Власову, он со всей откровенностью заявил: «Я думаю, что после всего происшедшего у вас нет больше желаний служить далее стремлянным для этого правительству». На это Власов резко возразил: «Я никогда им не был, ни у вашего правительства, ни у вашего фюрера. Судьба — и интересы моего народа и его свобода — заставили меня пойти с вами, немцами, одним путем, а, кроме того, убеждение, что немецкий и русский народы преследуют общую цель: свержение Сталина и его режима насилия. При этом я пошел тем же путем, что и Черчилль с Рузвельтом, когда они стали союзниками Сталина». «Совершенно верно, — заметил немецкий генерал, — я вас вполне понимаю. И поэтому я вас прошу еще не сдаваться». Власов хотел что-то возразить, но генерал продолжал: «Оставим детали в стороне. Мне известно все. В данный момент я вынужден ограничиться сообщением, что не исключена возможность преобразования нашего правительства или образования нового кабинета. Не исключено также, что будет назначен новый главнокомандующий. В таком случае нам будет исключительно важно ваше сотрудничество, генерал. Точной даты этих возможных перемен я вам назвать не могу, но я просил бы вас ответить мне доверием на то доверие, которое вы встречаете с моей стороны. В начале нашего разговора я не ставил никаких условий, но теперь, заканчивая нашу встречу, я прошу сохранить в тайне все сказанное мною, а также и все, что вам стало известно обо мне лично. Все это должно остаться между нами».

После продолжительного молчания Власов ответил: «Внутренне я уже покончил со всем. Но мне кажется, что я понял вас. Поэтому я согласен попытаться еще раз пойти моим путем, генерал. Я благодарен вам за доверие ко мне».

Генерал, прощаясь, пожал мне руку, как бы обязывая этим и меня лично. Весь этот разговор длился едва ли более двадцати минут. Мы покинули кабинет профессора порознь.

КРИЗИС

В этот гнетущий период вынужденного бездействия, по вечерам, когда не было посетителей, Власова преследовали мысли о судьбе не только своего, но и немецкого народа. Сомнения и разочарования, с которыми он постоянно боролся, овладевали им все чаще под впечатлением все более частых бомбежек. Так как в окрестностях его резиденции не было общего бомбоубежища, Власов распорядился, чтобы соседи приходили в небольшой блиндаж, построенный по его желанию в саду, хотя посторонним доступ к этому участку был строго запрещен немецкими властями. Блиндаж поэтому во время налетов бывал часто переполнен, а генералу приносили стул, на котором он просиживал в блиндаже все время до отбоя.

¹²) Автор не называет имен генерала и профессора, согласно данному им в свое время обещанию.

Как настоящий русский, в часы сумерок, перед налетами, он был особенно склонен делиться со мной своими сокровеннейшими мыслями, постоянно вращавшимися вокруг проблем войны и мира, этики, взаимной ответственности. Так, однажды, задумчиво глядя вдаль, он вдруг сказал мне: «Эту войну, знаете, выигрывает та сторона, вообще те государственные деятели, которые возвестят человечеству идеал, стоящий выше идеалов их противников, прежде всего идеал лучшего государственного и общественного строя. Вот, возьмите нацистов: ведь как они пришли к власти? Только благодаря тому, что они пообещали народу этот лучший строй. Лишь поэтому их поддержал немецкий народ. Причем этот строй должен был быть основан, прежде всего, на признании принципа бескорыстия. Ведь именно этот принцип и составлял основу их мировоззрения. И именно эта основа разрушена теперь войной. И ими самими в этой войне. Нет, вы не бескорыстны, вы — это мне стало совершенно ясно — в высшей мере эгоистичны. И поэтому, будьте уверены, Германия проиграет войну».

В такие минуты Власов должен был усилием воли сдерживать себя, чтобы не предаться чувству отчаяния — это было видно. Перед ним вставали мрачные видения будущего не только его родины и Германии, но и всего человечества. Он предвидел и предсказывал пагубное влияние войны и ее последствий на духовное состояние людей в мире. Я до сих пор не могу забыть его пророческих слов, сказанных однажды вечером, перед особенно большим налетом авиации союзников на Берлин:

«Вот увидите, много еще будет пролито крови, так скажем, до 46-го или 47-го года. Города Германии превратятся в развалины и пепел. Вся Европа будет переживать ужас и страх. Но после войны пушек и самолетов, миллионных армий, подводных лодок и авианосцев начнется иная война — война духовных сил. Против белого человека восстанут черные и желтые, угнетенные против угнетателей, потому что вы не сумели стать для них примером и не сумели изменить жизнь с пользой для них. Жертвы, которые должна будет принести за все это Германия и ее народ, будут неисчислимы. Поверьте мне, «хозяин» (Сталин) предъявит вашему Гитлеру счет во много миллионов, но, увы, не марок, а человеческих жизней: его текущий счет ведется в этой валюте».

Не успел Власов закончить свои слова, как раздался вой сирен, возвещавший появление мстителей, как бы подтверждающая высказанные Власовым апокалиптические видения.

«НАЕМНИКИ» ВМЕСТО ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ АРМИИ

Тот период времени, от начала нашего похода в июне 1941 г. и до нашего отступления под Москвой — период «великой русской революции против сталинского режима», — давно стал политическим прошлым: осенью 1943 г. все, что было реальным и действенным тогда, уже не могло иметь никакого политического значения в ходе событий. Власов и Малышкин были того же мнения. Но, несмотря на это, они все еще были твердо убеждены в возможности добиться изменения положения Власова и Движения.

Разумеется, все еще фактически не существовавшая Освободительная армия не могла быть реальным фактором политического характера, так как она была «бумажным тигром» нашей военной пропаганды¹³⁾. Тем не менее, штаб Власова продолжал исходить из того, что все еще можно было поднять население России на революцию против Сталина. И правильность их оценки положения подтверждалась фактами: даже в 1943 г., несмотря на победоносное продвижение Красной армии и успех ее оперативных действий, многие красноармейцы все еще переходили

на сторону своих соотечественников во власовском Освободительном движении. Насколько сильна была тогда и еще долго после того тяга подъяремных людей к Власову, показывают, например, донесения штабандартенфюрера СС (полковника) Гюнтера д'Алкэна Гиммлеру в июне 1944 (!) г., согласно которым, число перебежчиков из Красной армии возросло в десять раз, после того как д'Алкэн провел от имени Власова информационную акцию вдоль фронта. А после обнародования «Пражского манифеста Власова в ноябре 1944 г. — несмотря на катастрофическое положение Германии на всех фронтах, — по сообщениям Фрелиха¹⁴⁾, ежедневно поступало по 2500—3000 заявлений о желании вступить в ряды Освободительной армии от военнопленных, «восточных рабочих» и жителей еще занятых областей России.

*

Осенью 1943 г. над нами нависла новая серьезнейшая угроза: тяжелое положение и прорывы на некоторых участках фронта были, очевидно, использованы интриганами и недругами Движения. Кейтель и Гиммлер возложили вину на «войска Востока», причем распространялись версии, будто бы эти «восточные батальоны»¹⁵⁾ в полном составе переходили к партизанам. Как только Гитлер получил эти сведения, он немедленно объявил, что пришло, наконец, время разоружить и расформировать русские и другие «иноземные» части. При этом Гитлер потребовал, чтобы весь личный состав был немедленно направлен на работы в угольные шахты или переведен в качестве «восточных рабочих» на предприятия военной промышленности.

Никто из нас, вообще ни один здравомыслящий военачальник, не мог представить себе, каким образом должны были быть расформированы боевые части в рядах нашей армии при возраставшем натиске Красной армии; причем приходилось, ведь, считаться с последствиями такого мероприятия в отношении гражданского населения занятых областей, и без того уже охваченного ужасом и отчаянием. И, в конце концов, возникал вопрос о том, кто, в этих условиях, должен был отвечать за последствия разложения армии на прорванном на некоторых участках фронте или за возможные вооруженные стычки между германскими частями и «восточными батальонами»? И как представляло себе руководство, в техническом и административном отношении, использовать рабочую силу этих необученных и непригодных для работ в угольной и военной промышленности людей, общее число которых в то время превышало 800 000 человек?

Взвесив все эти чреватые серьезными последствиями мероприятия, Генеральный штаб, на котором лежала ответственность за все оперативные действия на восточных фронтах, выдвинул ряд обоснованных возражений против этого новейшего «плана» Гитлера и его окружения.

Генералу Гелльмиху и полковнику Герре¹⁶⁾ удалось выиграть время, задержав осуществление этого «плана» указанием на катастрофические последствия, неминуемые для общего положения на фронте. Одновременно генерал Гелльмих запросил все действующие дивизии о состоянии и надежности подчиненных им «восточных батальонов», и уже спустя несколько часов смог представить начальнику Генштаба неопровержимые доказательства, что полученные ставкой фюрера донесения о ненадежности иноземных частей не соответствовали действительности и были злостным вымыслом, так как число так называемых перебежчиков или сдавшихся в плен добровольцев не давало никаких оснований к опасениям, тем более, что по-

¹⁴⁾ Переводчик и офицер связи, прикомандированный лично к Власову.

¹³⁾ При этом нельзя забывать, что и в это время в рядах германской армии все еще сражались против Сталина граждане России общей численностью от 800 000 до 1 миллиона человек.

¹⁵⁾ В то время часть добровольцев была сведена в отдельные батальоны, которые назывались «восточными батальонами». Они должны были быть включены в состав армии Власова.

¹⁶⁾ Начальник штаба у генерала Гелльмиха.

тери этих частей не превышали числа потерь германских частей в сравнимых тактических условиях.

В середине октября мы смогли вздохнуть с облегчением: фюрер издал приказ не разоружать иноземные части, или, по другой военно-бюрократической терминологии, «войска Востока», а перебросить все эти батальоны... на Запад, подчинив их по дислокации командующим германским войскам во Франции, Италии и Дании. Получив этот приказ, мы, конечно, были сильно удручены, но должны были согласиться с кратким комментарием полковника Герре: «Как-никак, а таким образом нам, по крайней мере удастся спасти живую боевую силу этих частей».

В ПОИСКАХ ВЫХОДА

Положение на фронтах, которое становилось все более угрожающим, чрезвычайно беспокоило Власова и его соратников. В их тесном кругу, к которому принадлежали Деллинггаузен¹⁷⁾, Фрелих и я, часто обсуждали вопрос о последствиях крушения Третьего рейха для Освободительного движения и о мерах, которые необходимо было бы принять в таком случае. При этом выяснилось, что в руководстве движения стала проявляться фракционность: сторонники так называемого «западного крыла» настаивали на необходимости немедленного установления связи с представителями англосаксонских держав и французского резистанса. При этом взвешивалась представлявшаяся возможность воспользоваться для этой цели содействием организации НТС, так как она уже задолго до войны располагала штатом сотрудников во многих странах — противниках Германии. Мысли такого рода были не чужды и мне, причем я питал надежду, что после окончательной гибели нацистского режима в Германии все же удастся создать союз свободных стран Европы для защиты континента от угрозы тоталитарного сталинизма, которая — это было совершенно ясно — должна была продолжаться и после разгрома вооруженных сил Германии.

Все это Власов понимал, пожалуй, еще лучше, чем его соотечественники и я сам, возможно, потому, что он приобрел во время своего пребывания в Китае более тонкое чутье в вопросах международной политики. Вероятно, поэтому он однажды сказал мне: «Видите ли, американцы и англичане видят в нас, по всей вероятности, не „унтерменшей” и не „мясников” — как меня соизволил титуловать уважаемый товарищ Гиммлер, — но как-никак они считают нас предателями. Предателями потому, что мы — говоря объективно — подняли восстание против нашего государства. Но что правительство этого государства не опирается на волю народа, что народ не давал этому правительству никаких полномочий и что, наоборот, это правительство вершит судьбы народа путем насилия — вот этого всего никто и знать не хочет. А ведь те же англичане, французы и американцы не только снабжали белых во время гражданской войны оружием, но и сражались на их стороне против большевиков. Ныне же Сталин — их союзник в борьбе против общего врага — Гитлера. Вот поэтому-то мы теперь предатели. И забыто все: забыта гарантия национальной самостоятельности и свободы Польши, балтийских республик, чехов, югославов и греков. Поэтому англосаксонцы прогонят и наших посредников, если мы предстанем перед ними с пустыми руками, просто как просители. А что касается союза или сообщества свободных стран Европы, то, ведь, такой союз неммыслим без участия в нем свободной Германии. Ну, а это уже вовсе не в нашей власти. Так вот, возникает вопрос, — что нам делать в этих условиях? Что касается меня, то я по отношению к Гитлеру чувствую себя совершенно свободным, о какой-нибудь лояльности не может быть и речи. Но в отношении тех немцев, которые за все это время видели в нас своих союзников и просто „человеков” — я, конечно, стою на другой точке зрения. Поэтому нам не остается ничего иного, как приложить все усилия, чтобы сохранить, а по возможности и увеличить „жизненную

боевую силу” Движения, прежде чем над нами разразится катастрофа. Только тогда, то есть, если мы будем представлять собой некий мощный фактор, англосаксонцы будут склонны признать нас наравне с чехами, поляками, благообразными немцами и другими нациями Европы».

Без сомнения, Власов был в принципе прав: «жизненная боевая сила» Движения должна была быть сохранена. Но идти этим путем участники Движения в создавшейся обстановке отныне должны были одни и самостоятельно.

Уже в январе 1944 года я докладывал генералу Гелену во время ночной беседы с ним, о моих соображениях, касающихся положения после окончания военных действий, причем я сообщил ему довольно подробно о взглядах Власова. При этом я предложил откомандировать меня в Португалию, чтобы установить там связь с одним из моих английских друзей по училищу в Петербурге, который состоял в то время на британской дипломатической службе, хотя прерванные войной отношения пришлось бы восстанавливать. Гелен поблагодарил меня за доверие и готовность помочь общему делу, добавил, однако, что контакты с союзными державами установлены, переговоры уже ведутся и что поэтому предпочтительно было бы обождать, пока выяснятся результаты. «В случае необходимости, — заметил он при прощании, — я воспользуюсь вашим предложением».

Этот эпизод я упоминаю лишь потому, что он служит примером того доверия и той открытости, которые характеризовали отношения между подчиненными и его непосредственным начальником даже в 1944 году, в тех случаях, когда речь шла о жизненных интересах народа.

ВСТРЕЧА ВЛАСОВА С ГИММЛЕРОМ

16 сентября 1944 года Власов и я прибыли в походную ставку Гиммлера, находившуюся в то время в окрестностях восточно-прусского города Растенбурга. После назначения его Главнокомандующим всеми войсками запаса вооруженных сил Германии, Гиммлер был тем военачальником, от воли которого зависело вооружение и снабжение техникой крупных добровольческих соединений. А это давало возможность создать значительный военный потенциал Освободительного движения народов России, т. е. фактор такой силы и независимости, который мог бы обеспечить Власову и Движению право голоса во всех вопросах политики в России и на Востоке.

По прибытии мы были встречены офицерами разных воинских званий частей СС. На первый взгляд, общая картина гиммлеровской «походной ставки» почти что не отличалась от привычной мне обстановки высших штабов армии. Пройдя приемную, мы остановились у дверей в кабинет Гиммлера. Тут ко мне обратился какой-то эсэсовец, в звании генерала и заявил, что Гиммлер намерен до начала совещания при участии других лиц переговорить с Власовым наедине. Услышав это, Власов насторожился и заявил, что без меня не переступит порога кабинета Гиммлера. При этом он, обратясь к генералу, заметил: «Если это неудобно, то я готов немедленно уехать». В ответ генерал сконфуженно рассыпался в пустых фразах вежливости.

Приблизившись к Власову, я сказал: «Андрей Андреевич, не время отступать. Идите один, если иначе нельзя, момент решительный. По-немецки вы с ним объяснитесь. Ваше дело правое и вы обойдетесь без моей помощи».

Власов улыбнулся и ответил: «Ну, немецкого языка мне хватает для Дабендорфа, а тут...» Но лед был сломан, а дверь в кабинет Гиммлера открылась как раз в этот момент. Власов, видимо, заколебался опять и как бы застыл в ожидании, так что мне пришлось осторожно взять его под локоть и чуть-чуть подтолкнуть через порог.

Я остался в приемной. Ко мне подошел полковник СС, и мы некоторое время сидели молча. Прошло десять, двадцать минут, полчаса, затем он предложил мне закусить, заметив: «Очевидно, разговор рейхсфюрера носит очень личный характер и будет продолжительным». При этом

¹⁷⁾ Заместитель Штрикфельдта в лагере Дабендорф.

он упомянул, что ему неизвестно, о чем Гиммлер намеревался говорить с Власовым, но тут же добавил, как бы между прочим, что сегодня предстоит, наконец, заключение «разумной» договоренности между Власовым и рейхсфюрером и что при разговоре будет присутствовать оберфюрер Крёгер¹⁸⁾, который — «ведь он тоже „эйн руссе“» — будет хорошим переводчиком.

Мое первоначальное беспокойство понемногу исчезло, и наш разговор несколько оживился. Мой собеседник откровенно объявил мне, что по его мнению «уже давно следовало устранить путаника Розенберга» и что «рейхсфюрер, наконец, решил сделать ставку на Власова». Тем же тоном он заметил, что меня отодвинули на задний план, но что, в конце концов, дело не в личностях, а в общем результате переговоров.

Как только Власов вышел из кабинета Гиммлера и мы остались наедине, первым, что он сообщил мне, было следующее: «Знаете, Вильфрид Карлович, в общем, все было приемлемо. Но вместе с тем все не так, как я ожидал. Прежде всего — Гиммлер — глава всего германского полицейского аппарата... рейхсфюрер... Я представлял себе его кровавым чекистом, вроде нашего Берии, или Великим Инквизитом. Ведь еще недавно я был для него „унтерменшем“... А кого я увидел перед собой? Ну, просто мещанина... Да, он даже как бы пытался извиниться передо мною за то, что его слишком долго вводили в заблуждение теорией об „унтерменшах“ и т. д. Но я не думаю, что он умен. Мне кажется, что он очень ограничен и большой педант. Он открыто признался в ошибках, допущенных правительством; должен сказать, что это по-казалось мне симпатичной чертой. Кроме того, он сообщил мне, что он докладывал лично Гитлеру и получил, якобы, от него согласие на немедленное осуществление ряда мероприятий по проведению новой политики на Востоке.

Я надеюсь, что я понял его правильно: нам дается разрешение на формирование десяти дивизий. Освободительный комитет получит возможность немедленно начать действовать как суверенный орган государственной власти. Ношение значка „остовцев“ отменяется для всех рабочих из России, им и военнопленным присваиваются одинаковые права с рабочими и военнопленными других национальностей».

«Ну вот, видите, — прервал я Власова, — хотя бы этой цели мы достигли, Андрей Андреевич, — а ведь именно она и легла в основу нашего сотрудничества!».

Глаза Власова загорелись, настроение у него было явно повышенное, и он сказал мне: «Постойте. Мне удалось достичь и многого другого... Например, нас признают союзниками... Но когда он предложил мне стать главой нашего правительства, я ответил ему, что ни я сам, ни Комитет освобождения народов России, который должен быть образован немедленно, не будут вправе взять в свои руки управление страной. Это зависит от решения, которое должны будут принять народы России путем свободного волеизъявления. Во всех этих вопросах я ни на йоту не отступил от своих основных требований и условий».

При этом я внушил ему, что режим насилия Сталина даже теперь обречен на гибель, как только народы России возьмут власть в свои руки, что при всем том основа моей политической программы — это объединение всех сил и течений в народе, направленных против Сталина, и разгром этого единственного врага. Но после его уничтожения — это я подчеркнул — каждая национальность, живущая на государственной территории России, должна будет самостоятельно и в полной независимости вынести решение о своем государственном устройстве и политической судьбе в рамках общеевропейского правового порядка.

Наконец, я попросил его вернуть из Франции и других европейских стран наши „батальоны“, пока еще не поздно, и немедленно подчинить их мне».

Говоря последние слова, Власов был возбужден, горд за достигнутое. Глядя на него и мысленно переживая вместе с ним все унижения, которым он подвергался в течение долгих лет, я спрашивал себя, — победил ли он на самом деле, заключив в служении своему народу союз с Гиммлером, как Черчилль в свое время, вступив в союз со Сталиным?

ЭПИЛОГ

Большинство переброшенных на Запад добровольческих «батальонов» были расформированы и сведены в так называемые «трудовые команды».

Время уходило, а с ним угасали и последние надежды. Нет, «перемена курса», о которой говорил Гиммлер с Власовым, не была переменной политики, не была началом нового.

«Но почему бы Господу Богу, по Его всемогущей милости, не избрать именно гонителей и врагов Своих и укрепить их в их деяниях, сделав их искуснейшими защитниками и собирателями Царства Своего?» Эти слова Кардинала Пачелли, ставшего впоследствии Папой Римским, в которых нашли свое выражение его мысли, относившиеся к чуду превращения Савла на пути в Дамаск, ободряли меня каждый раз, когда я бывал вынужден приближаться к окружению Гиммлера. Но и надежда на «гиммлеровский Дамаск» растаяла в это тяжелое для нас время.

После долгих и мучительных размышлений я пришел к убеждению, что долг повелевал мне откровенно сообщить Власову, что в создавшихся условиях я потерял почву для дальнейшего сотрудничества, а потому лишен возможности оказывать ему впредь необходимую действительную поддержку.

В продолжительных ночных беседах, после утомительных дневных совещаний с бесчисленными немецкими посетителями и «ходоками» разных национальностей России, мы прикидывали: располагаем ли мы еще достаточным временем, чтобы успеть сформировать мощные национальные соединения и создать этим фактор политической силы, способный либо изменить весь ход войны, либо сыграть роль по окончании ее. Власов, как опытный полководец, понял, что германское военное руководство уже не располагало сроком в один или полтора года, необходимым ему, Власову, для формирования численно крупной и боеспособной армии. Поэтому наши беседы все более сводились к обсуждению той военно-политической обстановки, которая должна была создаваться в результате катастрофы нацистской Германии.

«Я вижу лишь один путь, — говорил я. — Вы, Андрей Андреевич, должны отправиться в Прагу и выступить там перед мировой общественностью, опубликовать Манифест. Но затем, после того, как весь свободный мир услышит вас, когда Прага станет пройденным этапом, вы должны уйти, сославшись на то, что нацистское правительство не выполнило данных вам обещаний. Я считаю, что лишь такой шаг создал бы вам ту политическую основу, которая необходима вам для ваших действий в период после крушения Третьего рейха. Я знаю, что говорить это легко, а вот сделать — трудновато. Вероятно, вам предстоит тяжелая участь военнопленного, но Освободительное движение не погибнет!».

Власов колебался. Было видно, что в нем происходила внутренняя борьба, полная тяжелых, мучительных сомнений. Отвечая, он напомнил мне, что я всегда ободрял его, когда он сам не находил пути, вспомнил он также и о Зыкове, которого уже не было с нами¹⁹⁾, а затем сказал мне, что вот-де миллионы граждан России возлагают как раз теперь все свои надежды на него, Власова, а потому он и не имеет права бросить людей на произвол судьбы и должен идти раз избранным им путем до конца.

«Я с вами, Андрей Андреевич, — ответил я, — делил надежды, делил и разочарования. Вы почтили меня и

¹⁸⁾ Полковник войск СС, балтийский немец, назначенный позже представителем Гиммлера при штабе Власова.

¹⁹⁾ Зыков был арестован органами СД (служба безопасности СС) и, по непроверенным данным, расстрелян на основании провокационного обвинения.

ваших немецких друзей своим неограниченным доверием, их надежды были вашими надеждами. Но что я могу сделать для вас теперь? Моя роль „посредника“ кончилась. Путем тех других — путем Гиммлера — я идти не могу. Прошу вас, освободите меня от моего, данного вам в свое время, обещания».

Было уже четыре часа утра, когда этот разговор закончился и мы расстались. Прощаясь, Власов попросил меня дать ему день на размышление. Когда на следующий вечер мы снова оказались наедине, Власов сообщил мне, что он принял окончательное решение:

«Ступайте, ангел мой хранитель, — указал он полуслушливо, но продолжал уже твердо, а в глазах его показались слезы. — Я боролся с самим собой, передумал все. Вы знаете, что я действовал не из честолюбия и не по расчету. Я просто очутился в таком положении, что оно вынуждало меня действовать. Ваши и мои друзья — Штауффенберг, Рённе, Фрейтаг и все остальные — не предали своей родины. Они отдали свою жизнь за германский народ²⁰⁾. Что касается меня, моих сотрудников и друзей, то нами руководили точно такие же побуждения и надежды. Многие сотни тысяч борющихся и еще борющихся на стороне германской армии против сталинщины, как и я сам, повиновались голосу своей совести, действовали на основании всего нами осознанного и пережитого. В эти часы, истекшие после нашего вчерашнего разговора, я переборол самого себя и не могу осудить никого, ни простого «хиви», ни генерала, потому что всякое действие человека становится понятным лишь при учете собственного жизненного опыта. И вот поэтому я нахожу, что мой долг — это попытаться продолжить тот путь, на который я вступил. Я солдат и стою лицом к лицу с врагом. И как для каждого солдата, для меня нет возврата. Так что, если вы поймете меня и поймете, почему я принял именно такое решение, то я буду доволен. Освобождаю вас от данного мне обещания. Ступайте с Богом».

После этого окончательного разговора я покинул резиденцию Власова в пригороде Берлина Далеме, где я жил последние дни — после того, как моя частная квартира стала жертвой одного из воздушных налетов на Берлин. Уже в ближайших дни мне предстояло воспользоваться «отпуском», причем, однако, мне было приказано остаться в распоряжении генерала Гелена.

ПРОЩАНИЕ²¹⁾

Будучи все еще офицером германской армии, я почувствовал облегчение, получив утверждающий желание Власова приказ единственного присутствовавшего герман-

²⁰⁾ Они были казнены как участники заговора 20 июля.

²¹⁾ В последние месяцы войны Власовым и его русскими и немецкими единомышленниками были предприняты попытки связаться с командованием западных союзников. Предполагалось под командой Власова объединить ряд военно-политических формирований для дальнейшей борьбы против Сталина, в союзе с западными союзниками, после крушения гитлеров-

ского генерала, Ашенбреннера²²⁾. Предполагено было отгравиться в расположение войск США, постепенно занимавших Баварию. Для выполнения моей миссии при генерале Мальшкине мне было выдано удостоверение личности за подписью Власова на имя «полковника Добровольческой армии Комитета освобождения народов России Вережкина». При всех этих переговорах Крёгер присутствовал молча. Но тут он вдруг предложил выдать Мальшкину и мне удостоверение личности «Черного ордена»²³⁾ на право свободного передвижения, чтобы избавить нас от опасной необходимости отвечать на вопросы о цели нашего пребывания в прифронтовой полосе. Кроме того, мы должны были считаться с возможностью захвата членами партизанской организации «Вервольф», созданной по почину Геббельса в последние недели войны для борьбы не столько с противником, сколько с дезертирами и «отщепенцами», с которыми, обычно, чинилась расправа «на месте». Таким образом, даже Крёгер сослужил последнюю службу Мальшкину и мне.

Затем я провел добрый час с Власовым наедине. Он был внутренне сломлен. Это было видно, хотя в кругу своих офицеров он старался владеть собой. Но он знал, конечно, что все было кончено. Джордж Вашингтон и Бенниамин Франклин по отношению к Британской короне были изменниками. Но их борьбы за освобождение от колониальной зависимости они вышли победителями, и потому мировая общественность считает их героями и чтит их память.

А Власов? Вот его собственные слова в тот памятный день нашей последней встречи: «Моя карта бита. Поэтому меня будут считать изменником до тех пор, пока в России не наступит перелом и не пробьет час победы свободы над „советским“ патриотизмом. Вы помните, я уже говорил вам, что я не верю в американскую помощь. Вот мы теперь и попали в такое положение, что приходим к ним с пустыми руками. Мы не представляем собой фактора политической силы. Но когда-нибудь, в будущем, и американцы, и англичане, и французы, да и немцы, пожалеют о том, что из холодного расчета отказались вдуматься в чувства людей в России и постараться понять всю силу их протеста и стремления к свободе и к признанию за ними человеческих прав... Я вижу все и слышу все. Но я не хочу больше ничего знать. Эта гнусная действительность мне опротивела. От всей ответственности и от своего долга я, тем не менее, не уклоняюсь и не уклонюсь. Дай Бог, чтоб мне хватило сил выдержать все до конца. А Василию Федоровичу (Мальшкину) вы, я знаю, поможете, и когда-нибудь скажете всем, что Андрей Андреевич Власов и его друзья любили свой народ и изменниками не были. Обещайте мне это!».

ской Германии. Генерал Мальшкин и Штрикфельдт участвовали в одной из таких попыток. В этом отрывке автор передает свой последний разговор с Власовым.

²²⁾ Представитель Верховного командования при штабе Власова.

²³⁾ Ироническое наименование СС.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА*

Власов, Андрей Андреевич. Родился 1 сент. 1900 г. в семье крестьянина с. Ломакино Нижегородской губ. Окончил духовное училище и духовную семинарию. Весной 1919 г. призван в Красную армию и принимал участие в гражданской войне в составе 2-й Донской дивизии. В 1928 г. окончил Высшие стрелковые тактические курсы в Москве, переведен в штаб Ленинградского военного округа. Осенью 1938 г. назначен начальником штаба при военном советнике генерале Черепанове. По возвращении в Советский Союз в 1939 г. получил в командование 99-ю стрелковую дивизию в районе Перемышля. В январе 1941 г. командующий 4-го мотомеханизированного корпуса в Львове, где его застала война.

С остатками корпуса пробился из окружения и 17 июля назначен командующим Киевским укрепленным районом. В ноябре 1941 г. назначен командующим вновь сформированной армии для обороны Москвы. За успешное проведение операции по обороне Москвы награжден орденом Красного Знамени и званием генерал-лейтенанта. В марте 1942 г. заместитель командующего Волховским фронтом генерала армии Мерецкова. Вылетел в окруженную немцами ударную армию ген.-лейтенанта Клыкова, от которого принял командование. С остатками армии попал в плен. В декабре 1942 г. возглавил стихийно зародившееся Русское освободительное движение. В ноябре 1944 г. был создан Комитет Освобождения Народов России (КОНР) и об-

народован Пражский Манифест,** после чего В. принял на себя командование всеми Вооруженными силами КОНР и приступил к формированию частей Русской Освободительной Армии (РОА). После капитуляции Германии был захвачен частями Красной армии. 2 августа 1946 г. вместе с одиннадцатью своими сотрудниками приговорен к смертной казни.

* В. Осокин, Андрей Андреевич Власов. Краткая биография с приложением Пражского Манифеста. 2-е изд. Архив Русской Освободительной Армии в Нью-Йорке, вып. 1. Всеславянское изд-во, Нью-Йорк 1966, 31 стр.

** Текст Пражского Манифеста см. «Зарубежье» 4 (24), 1969, стр. 20—21.

ЕПИСКОП НАФАНАИЛ

О путешествиях в космосе

В наши дни первых достижений по освоению космоса нас часто спрашивают: «А как Церковь относится к проблеме межпланетных путешествий, к вступлению человека на поверхность Луны и особенно к вопросу о существовании разумных существ на других планетах?».

Голос Церкви с наивысшей бесспорностью выражается в голосе Ее святых отцов. Но святые отцы молчат об этом. И тут возникает очень распространенное недоразумение. Многие даже церковные люди думают часто, что перечисленные вопросы были совершенно неизвестны святым отцам Церкви, и их молчание по этому предмету объясняется только их незнанием.

Такое мнение по меньшей мере неточно. Да, во всей полноте вопрос космических путешествий, как и проблема разумной жизни на других планетах, пред святыми отцами не вставал. У каждой исторической эпохи есть свои, присущие ей проблемы. Если первый вопрос является задачей нашего времени, то второй и сейчас еще не поставлен на повестку дня.

И все же, в какой-то мере, гораздо большей, чем обычно представляется, святые отцы были знакомы с начатками космонавтических вопросов.

Уже во II веке по Рождестве Христове широко известный в античном мире писатель Лукиан в своей фантастической повести рассказывает, как некий корабль, подхваченный ураганом у Геркулесовых Столбов, был поднят на Луну. В X веке персидский поэт Фирдоуси описывает сходное путешествие. А о сказочных полетах на Луну говорится в каждом народном фольклоре. Во всяком случае идея лунного путешествия была святым отцам известна.

Их представления о мироздании отличались от наших главным образом тем, что, согласно господствовавшей тогда в науке геоцентрической теории Птолемея, они представляли Землю центром вселенной. Но, оставаясь в рамках этой теории, святые отцы никак не разделяли необоснованных фантазий о Земле, покоящейся на китах, слонах или черепахах. Святоотеческое воззрение на положение Земли в пространстве выражает святой Иоанн Дамаскин словами, могущими выдержать самую придирчивую критику современных астрономов: «Водрузивый на ничесомже землю повелением Твоим и повесивый неодолимо тяготеющую . . .» (3-й ирмос воскресного канона 5-го гласа).

И о размерах солнца и луны святой Василий Великий рассуждает почти современно научно. Он говорит: «Не обманывайся видимостью, и из того, что солнце кажется величиною с локоть, не решай, что такова его действительная величина. В какой бы части неба оно ни восходило или заходило, оно занимает середину неба, и отовсюду представляется равного размера. И сие есть ясное доказательство чрезмерной его величины, пред которой широта земли ничего не значит . . . Небесное светило, согласно со свидетельством Писания, велико, и до бесконечности больше, чем кажется . . . И о луне представляй также нечто подобное. И ее тело велико. Впрочем, величина ее не всегда пребывает видимою» (Шестоднев, стр. 62—63).

И св. Иоанн Златоуст говорит о множественности миров. В толковании на послание ап. Павла к Ефессянам (1, 4) на слова «Он избрал нас в Нем прежде создания мира» Иоанн Златоуст говорит: «Создание (катаволи) значит бросание вниз. От беспредельно великого Бога брошен этот мир в пространство и время . . . Рече и быша. Каждое слово, исходившее из уст Божьих, рождало миры, коих и перечсть нам не удастся».

Почему же святые отцы, имея такие данные для научных суждений о космосе, не говорят ничего о космических путешествиях?

Потому что для этого у них реальных данных не было. Настоящие нефантастические данные для этого появились лишь с пятидесятих годов нынешнего века, когда, преодолев земное тяготение, человек впервые вышел в космическое пространство.

**

Но не противоречит ли, как некоторые думают, Божественной воле этот акт — выход человека в мировое пространство?

Всякий акт наделенного свободой воли человеческого существа может противоречить Божьей воле и может ей не противоречить, в зависимости от внутреннего нравственного содержания, вложенного в этот акт. Не внешнее человеческое судит Господь, а внутреннее. Вавилонская башня, с которой часто (и часто справедливо) сравнивают современные технические достижения человека, была греховна не потому, что строилось большое здание, а потому, что оно было задумано и выполнялось с горделивой богоборческой целью.

Когда Колумб открывал Америку для того, чтобы расширить сферу христианского миссионерствования, умножить торговлю и увеличить владения королевы Кастильской, его действия не противоречили Божественной воле. Или, когда 16 января 1820 г., во исполнение приказа своего Государя, преодолевая тяжчайшие трудности, русские моряки, и среди них смиренный иеромонах валаамец, духовник этой экспедиции, первые из людей увидели ледяные берега Антарктиды, — их подвиг не противоречил Божьей воле: они выполняли свою присягу.

Но когда европейские и арабские работоторговцы проникли в недра Африки, в охоте за рабами, то их действия оказывались в противоречии с Божьей волей. Хотя они при этом тоже открывали новые страны, но воодушевлялись они не ревностью о вере, не преданностью королеве или царю, а корыстью и жадностью, связанными с причинением жестоких страданий своим собратьям, человеческим существам.

Так и в космических путешествиях. Когда американские астронавты, выполняя свою обязанность, направились в мировое пространство и при этом, созерцая Землю и Луну в их астрономическом взаимоотношении, восхваляли мудрую красоту Божьего дела и, воздавая славу Богу, читали святое повествование из слова Божия о творении мира, — их действия не противоречили воле Божьей, и наоборот, своим выражением религиозных чувств они привлекали к себе Божественное благословение.

Не вступили в противоречие с Божьей волей и те советские космонавты, которые спокойно и трезвенно выполнили данное им задание. Но, когда один из них сделал при этом очень неумное, плоское и кощунственное заявление о том, что при полете в небе он нигде не встретил там Бога, — то его действия оказались противоречащими Божьей воле вследствие богоборческого содержания, вложенного в них.

**

Но не являются ли вообще космические полеты, вне зависимости от их нравственного содержания, нарушением Божьей воли, ибо, сотворив человека, Господь, как свидетельствует Священное Писание, заповедал ему владычествовать над всей землей (Быт. 1, 28), а не над всем

космосом. А следовательно, не является ли современный выход человека за пределы земли как бы превышением Божьих полномочий?

Конечно нет! Бог, сотворив человека по образу и по подобию Своему, во исполнение этого, дал ему власть над всем внешним Своим творением.

В Библии при повествовании о творении Богом мира под словом «земля» подразумевается весь вообще видимый, т. е. постижимый физическими чувствами материальный мир, в противоположность слову «небо», под которым подразумевается духовный, непознаваемый внешними чувствами мир, мир ангельский. «В начале сотворил Бог небо и землю», это значит по учению святых отцов Церкви, что Бог сотворил мир видимый и невидимый, материальный и нематериальный. Мир нематериальный, мир ангельский Господь не подчинил человеку. Сотворенные Тем же Творцом, что и люди, ангелы не чужды людям и признают их своими братьями, но ни ангелы не подчинены людям, ни люди — ангелам. Связанные общей любовью к общему Творцу, они равно призваны служить Ему и славить Его.

Весь же видимый материальный мир потенциально подчинен человеку. И, совершая свои космические путешествия, человек не только не нарушает самым этим актом воли Божьей, но и выполняет ее, пусть и не в высоком, материальном техническом плане, как таким же выполнением Божьей воли были путешествия Колумба, Беллинсгаузена с Лазаревым, Амундсена, Пири и многих других.

То, что и космические путешествия являются таким же выполнением Божьего предначертания, как и земные экспедиции, ярко свидетельствует та цитата из 8-го псалма, которую при первом посещении Луны поместили на ее поверхности ее первые посетители, Армстронг и Олдрин: «Когда я вззираю на небеса (в данном случае на небо, простертое над землей), дело перстов Твоих, на луну и звезды, которые ты поставил, то мыслю, что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его? Не многими Ты умалил его пред ангелами, славою и честью венчал его. Поставил его владыкою над делами рук Твоих, все положил под ноги его».

На этот псалом ссылается и святой ап. Павел, утверждая, что Бог всю вселенную (а не землю только) покорил не ангелам, а человеку. «Ибо не Ангелам Бог покорил будущую вселенную... Напротив, некто негде засвидетельствовал, говоря: ... человека поставил над делами рук Твоих. Все покорил под ноги его». (Евр. 2, 5-8).

И когда человек с чувством смирения, любви и благодарности принимает всю эту безграничность Божьего дара и Божьего полномочия, — тогда низводит он Божье благословение даже на самые дерзновенные свои предприятия. Надо признаться, что во всей человеческой истории не было примера такого подлинного христианского поведения при освоении новых стран. В наибольшей степени приближался к этому образцу подвиг наших иноков и их сотрудников — осваивателей русского Севера. Но отдельные искры смирения, благоговения пред Богом и благодарности к Нему можно заметить у некоторых казаков, покорителей Сибири, у некоторых испанских конкистадоров и португальских моряков. В Америке эти качества более всех других проявили французские пионеры Канады.

В американских астронавтах мы замечаем мельчайшие, быть может последние остатки такого христианского отношения к делу освоения новых просторов вселенной.

У советских космонавтов каких-нибудь признаков религиозного отношения к этому делу видеть, конечно, нельзя. И можно только надеяться, что крупница его есть в потаенных глубинах сердец тех или иных космонавтов Советского Союза.

И Господь приемлет эти крохи, ибо Он «трости надломленной не переломит и льна курящегося не утасит», как говорит пророк Исаия.

Но если исчезнут из душ осуществителей дерзновенных человеческих предприятий последние искры смирения и благоговения, если они окажутся полны только гордости и надмения, то исполнится над ними слово того же пророка Исаии, обращенное им к гордым языческим царям древности, но Церковью смело и решительно отнесенное к первообразу и первоородителю гордости и надмения, к древнему дракону, сатане, ниспавшему с небес:

«Как упал ты с неба, денница, сын зари! Разбился о землю, попиравший народы! А говорил в сердце своем: „Взойду на небо, выше звезд Божьих вознесу престол мой, и сяду сверху, в сонме богов... Взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему“. Но ты низвержен во ад, в глубины преисподней. В преисподнюю низвержена гордыня твоя со всем шумом твоим. Под тобою подстилается червь, и черви — покров твой» (Ис. 14, 12-15, 11).

**

А как же смотрит Церковь на проблему обитания иных планет разумными существами?

На такой вопрос лучше всего ответить: никак!

Проблема эта еще не ставилась перед Церковью. В сознании человечества она все еще находится в той же стадии, в какой была проблема космических полетов во времена Лукиана и Фирдоуси, т. е. в стадии необоснованных фантазий. И так же, как в свое время святые отцы не считали нужным отвечать на эти фантазии, но хранили о том трезвенное молчание, так и современным выразителям голоса Церкви лучше всего не отвечать на этот вопрос.

Мы не можем ни в ту, ни в другую сторону предъявлять какие бы то ни было требования к Господу Богу. Мы не можем заявлять, что раз Господь сотворил много множеств планетных миров (впрочем мы достоверно знаем планеты только в солнечной системе), то Он должен был населить их разумными существами.

«Мои мысли — не ваши мысли, ни ваши пути — пути Мои. Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших», — говорит Господь (Ис. 55, 8-9).

Когда Господь совершал спасение рода человеческого, Ему не надо было посылать Сына Своего во все страны мира. Он послал Его только в малую страну Палестинскую, и дело совершилось.

Но нельзя говорить и о невозможности обитания разумных существ на других планетах потому, что Господь пришел только на землю. Во-первых мы не знаем: не приходил ли в какой-либо иной мир Господь наш, а во-вторых, если пришествие Христово в Палестину оказалось спасительным и для жителей Патагонии, которые фактически тогда были так же далеки от Вифлеема и Голгофы, как ныне иные планеты от земли, то почему не предположить, что Христово дело, совершившееся на крохотной песчинке земли, будет спасительно для всех просторов вселенной? «Пути Мои — не ваши пути» — говорит Господь.

На основании новейших научных данных мы можем только утверждать, что, кроме нас, иных разумных существ в солнечной системе нет. А как стоит это дело в других системах и галактиках, мы совершенно не знаем.

Не будем же гадать над вопросом, для решения которого у нас нет никаких данных. Церковь высоко ставит трезвенность, серьезность и реалистичность. А решать сейчас вопрос о возможности или невозможности разумных существ на планетах иных звездных миров, когда мы даже не знаем, существуют ли такие планеты, это и нетрезвенно, и несерьезно, и нереалистично.

Ту же мысль сто лет назад в шутиливой форме, а по существу серьезно, высказал наш поэт А. К. Толстой:

«Что и как творил Создатель,
Что считал Он боле кстати,
Знать не может председатель
Комитета о печати».

ВПЕЧАТЛЕНИЯ НЕКОТОРЫХ АМЕРИКАНСКИХ АСТРОНАВТОВ ОТ КОСМИЧЕСКИХ ПОЛЕТОВ

Интересны отзывы некоторых американских астронавтов о своих впечатлениях в космосе. В декабре 1972 г. известный журнал «Тайм» произвел опрос некоторых астронавтов.

Астронавт А. Ворден, побывавший на луне в июле 1971 г., до своего полета был равнодушен к духовным вопросам. Но одиночество в космическом пространстве, когда он остался один в аппарате «Эндевор» («Усилие»), произвело на него неизгладимое впечатление, и он теперь излагает это в своих стихотворениях, в которых он подвергает свою душу тщательным исследованиям.

Астронавт аппарата «Аполло» 9 Р. Швейкарт говорит: «Я не тот же человек после полета. Никто из нас не остался тем же человеком». Он был потрясен своим плаванием вне своего аппарата в космическом пространстве. «Я в эти минуты потерял свою самоуверенность». Сейчас он рабо-

тает по излечению наркоманов и дежурит на телефоне, дающем духовные советы лицам с тяжелыми душевными проблемами.

Прогулка по Луне произвела большое религиозное впечатление на астронавта «Аполло» 15 Д. Ирвина. «Я был глубоко тронут красотой лунных гор и ясно почувствовал там присутствие Божие... Я знаю, что это Господь призвал меня на мое служение». Сейчас он трудится как христианский проповедник в южных штатах Америки и называет себя «лунным миссионером».

Астронавт «Аполло» 16 Чарльз Дюк вспоминает: «Когда я смотрел на лунный пейзаж, я был преисполнен уверенности в том, что все, что я вижу, является свидетельством вездесущия Божия... Когда, обернувшись, я увидел свои следы на лунной поверхности, нетронутой в течение многомиллионного времени, это чувство охватило меня с такой силой, что я ощутил слезы в глазах. Это было самым сильным чувством в моей жизни».

Е. Н.

Е. КЛИМОВ

Александр Бенуа

1870—1960

«Память о людях, двинувших наше самосознание, — говорит Ключевский, — это остановка, чтобы осмотреться, оглянуться на пережитое. Так в пути оглядываются назад, чтобы сообразить пройденное расстояние и проверить направление».

Подобной оглядкой на пройденный путь русского искусства представляется мне знакомство с творчеством Александра Николаевича Бенуа. За 36 лет жизни в эмиграции А. Бенуа не потерял любви к взрастившей его России. Казалось бы естественным, что кровная связь с Францией (его дед при имп. Павле I, как придворный кондитер-француз, попал в Россию) могла бы его вернуть в лоно предков. Но привязанность к старой русской культуре оказалась у Бенуа намного сильнее, и порвать со всем тем, что дала ему Россия, а также забыть то, что он сам внес в русское искусство, стало для него абсолютно невозможным. И вот эту верность заветам русской культуры надо особенно ценить, ибо не слишком часто встречается она у представителей русской эмиграции. Но верность своим образам и привязанностям определяет лицо и характер всего художественного облика Бенуа.

Творчество Александра Бенуа, полное внутренней свободы и достоинства, говорит о вере художника в свой миф, в сказочную фантазию. Бенуа превращает эту фантазию в видимую реальность и силой своего искусства заставляет поверить в мир своих грез, мечтаний, воспоминаний, а подчас и грустных раздумий. Влечение Бенуа к театру обусловилось тем, что фантастическое в театре убедительно.

Все свое внутреннее богатство Бенуа отдал русской культуре, и без его деятельности расцвет русского искусства в начале XX века был бы просто невозможен. С какой бы областью русского искусства этого времени ни знакомиться, всегда встречаешь имя художника Александра Бенуа. Можно только поражаться его многосторонней деятельности. Он соединял в себе черты тонкого исследователя в области истории искусств, был прекрасным иллюстратором, чудесным театральным декоратором и режиссером; он постоянно рисовал с натуры и писал этюды. Надо прибавить к этому его общественную деятельность, заведывание картинной галлереей Эрмитажа и многочисленные статьи в журналах и газетах. Сам Бенуа считал основной своей профессией живопись, а живопись привела его к театру. Театральная же деятельность создала ему

репутацию замечательного декоратора, обладавшего тонким вкусом и неисчерпаемой фантазией.

Очень благоприятно сложились условия жизни Бенуа в детстве и юности. Он вырос в Петербурге, в культурной семье, где все родственники занимались искусством. Отец кончил Академию Художеств и как архитектор был отправлен в Италию для изучения западноевропейского искусства. В Риме он встречался с Гоголем и Александром Ивановым, о чем впоследствии неоднократно рассказывал в кругу своей семьи. Один брат стал также архитектором, а другой был прекрасным акварелистом; сестра вышла замуж за скульптора Лансере. «Я весьма многим обязан детским впечатлениям, — говорит А. Бенуа в своих воспоминаниях, — я действительно награжден наследственным предрасположением к искусству». С молодых лет открылись у Бенуа педагогические способности. Он умел воздействовать на других, открывать друзьям красоту в природе и в произведениях искусства и заражать знакомых своим восторгом «для их же пользы».

Еще в школьные годы образовался кружок друзей, куда позже вошел Сергей Дягилев. Через несколько лет они создали журнал и объединение художников под названием «Мир Искусства». Душой всего начинания были Бенуа и Дягилев. Дягилев не был художником, но он обладал даром организатора. Заслуги их перед русским искусством огромны. Возрождение русской книжной графики, блестящие постановки в театре, увлечение красотой Петербурга, изучение русского искусства XVIII и XIX веков — все это в той или иной степени связано с деятельностью круга художников «Мир Искусства» и его идейного руководителя — Александра Бенуа. У всех участников «Мира Искусства» был отличный вкус, который руководил их устремлениями.

Творчество Бенуа переплеталось всю жизнь с творчеством Пушкина, которое озарило его в молодости, давало полную радость в зрелые годы и утешало мудростью в преклонном возрасте. Кроме привязанности к Пушкину и Петербургу, другой привязанностью Бенуа был Версаль. Бенуа знал и любил Версальский парк может быть нежнее, чем живущие во Франции художники. Он был прельщен его аллеями, бассейнами, скульптурными украшениями и часто воображал в этом парке Людовика XIV.

От всех пейзажей Бенуа как бы исходит чистый поток любви к природе, свету и всему Божьему творению. Бе-

нуа покоряет свободой исполнения своих работ, он умеет «зажечь сердца людей» любовью ко всему окружающему. В скромных и незамысловатых видах природы он зовет к стойкому сопоставлению всяким измышлениям лукавого рассудка. Поэтому отвергал он абстрактное искусство. «... в художественном творчестве, — говорит Бенуа, — проходила одна живительная струя — та самая, что придает ему характер подлинности — это искренность».

Своему сыну — блестящему декоратору миланского театра Скала — Бенуа заповедует: «Ужасно важно почаще вырваться из атмосферы театра на вольный воздух. Правду театра необходимо проверять настоящей правдой. Художник не для того должен работать с натуры, чтобы запастись всякими мотивами, которые могли бы затем пригодиться в декорациях, а должен использовать свою свободу для общего своего, но непременно духовного, а не физического оздоровления... Когда работаешь на натуре, ты вкушаешь всю радость... в таком пребывании с глазу на глаз с природой душа художника расцветает, у него рождаются все новые и новые планы, задачи, и именно из всего этого и создается подлинное искусство».

В своих воспоминаниях Бенуа признается: «... в творчестве я лишен холодного расчета; я всегда нуждаюсь в некоем горении». Загорался же Бенуа не только от окружающих его видов природы, но и от заполнявших его ображение образов, которые были связаны с давно прошедшей эпохой. «Одной из особенностей моего личного творчества, — говорит художник, — является определенное тяготение к прошлому... Многие в прошлом представляются мне хорошо и давно знакомым... У меня отношение к прошлому более нежное, более любовное, нежели к настоящему».

В 1902 г. выходит первый большой исторический труд А. Бенуа — «История русской живописи в XIX веке», многие положения которого сохранили свое значение и по сегодняшнему дню. В конце книги есть пророческие слова о дальнейшем развитии русской живописи: «Вероятно будущее не за индивидуализмом, наверно за дверью стоит реакция... Историческая необходимость, историческая последовательность требуют, чтобы на смену тонкому эпикурейству нашего времени, крайней изоциренности человеческой личности, изнеженности, болезненности и одиночеству — снова наступил период поглощения человеческой личности (государством или церковью)». Как известно, русская живопись в советское время пошла по пути поглощения художника государством. Предвидение А. Бенуа оправдалось.

Из огромного количества работ А. Бенуа остановлюсь на некоторых. В журнале «Мир Искусства» в 1904 г. появилась серия рисунков А. Бенуа к «Медному Всаднику» Пушкина. Рисунки эти сделались событием в русской книжной графике. Обаяние их в удивительном соответствии с текстом, в чувстве эпохи, в естественности и совершенной свободе. Фантастика поэмы не случайно, и не только из-за петербургского окружения, привлекла внимание Бенуа. Нечто родственное душе художника, которая в своих глубинах тяготела к таинственным пластам жизни, открылось ей в стихах Пушкина. Мы чувствуем в поэме величие петровских начинаний, но вместе с Пушкиным и Бенуа нам становится жаль бедного, маленького человека, раздавленного ходом исторических событий. Такая человечность, как одно из главных свойств русского искусства, присуща всему творчеству А. Бенуа.

Через несколько лет после рисунков к «Медному Всаднику» А. Бенуа исполняет иллюстрации к «Пиковой Даме» Пушкина. Дух повести почувствовал художник прекрасно. Бенуа не дает портретов лиц повести, но показывает окружение Лизы, Германа, графини и атмосферу старого Петербурга. Как и в «Медном Всаднике», художника влекла тема, где был элемент таинственности, ибо он сам чувствовал многие тайны мироздания.

С 1912 г. начинается сотрудничество А. Бенуа с Московским Художественным Театром. При постановках Бенуа поражала зрительную цельность спектаклей, которая всегда сливалась с внутренней логикой пьесы. Бывало раньше

на русской сцене, что декорации служили лишь безучастным фоном, не имевшим согласованности с ходом действия пьесы. Историк театра француз Раймонд Конья писал о Бенуа, что «он ответствен за то важнейшее место, которое заняла живопись в театре, так как его деятельность значительно превзошла роль простого декоратора».

Станиславский пригласил А. Бенуа в МХТ не только как художника, но и как режиссера. Бенуа ставил «Мнимого больного» и «Брак поневоле» Мольера, «Хозяюку гостиницы» Гольдони, а в 1915 г. пушкинский спектакль, в котором показывались «Моцарт и Сальери», «Каменный гость» и «Пир во время чумы». Во всех спектаклях декорации участвовали в развитии самого действия, являясь не дополнением к спектаклю, а одним из основных его элементов. Большое внимание уделял Бенуа костюмам актеров и всегда согласовывал их с декорациями. Большую известность принесла А. Бенуа постановка балета «Петрушка» на музыку Стравинского. Впервые этот балет был поставлен в 1911 г. для дягилевских спектаклей в Париже. Балет ставился потом в разных странах, и в каждую следующую постановку Бенуа всегда вносил что-то новое. Либретто балета составлено самим Бенуа. «... человек-кукла сыграл во всей моей психологии известную роль, — признавался художник, — сюжет „Петрушки“ есть далекий отголосок всяких дум и настроений...». Фантастический сюжет превращения куклы в человека снова говорит о тяготении Бенуа к миру таинственного.

В театрах Западной Европы, в Северной и Южной Америке шли спектакли в декорациях А. Бенуа, вызывая всегда восхищение зрителей.

Из научных трудов А. Бенуа укажу только на «Историю живописи всех времен и народов», оставшуюся к сожалению из-за революции 1917 г. незавершенной. Широкий охват темы позволил А. Бенуа пересмотреть произведения древности, средних веков и эпохи Возрождения. Издание закончилось на 23-м выпуске разбором произведений XVIII века.

Весьма ценным был также «Путеводитель по картинной галерее Эрмитажа», где в кратких характеристиках давалось прекрасное представление о работах западноевропейских мастеров из собрания Эрмитажа.

Надо еще указать, что в течение многих лет А. Бенуа откликался в газете «Речь» на события современной художественной жизни. Будучи в эмиграции, А. Бенуа продолжал свои «Художественные письма», печатая их еженедельно в «Последних новостях» в Париже.

В 30-х и 40-х годах в СССР не упускали случая, чтобы клеймить искусство Бенуа как вредное, космополитическое, идущее помимо социалистического реализма. Только в конце 50-х годов и особенно после смерти А. Бенуа в 1960 году начали понимать все значение его необычайной деятельности. Появились статьи о нем и книги. Вышел сборник его статей под названием «Александр Бенуа размышляет...»

В своем искусстве Бенуа исходит из внутренних побуждений и из любви к миру, которой сейчас в живописи почти не видно. Поэтому понятны слова Бенуа об абстрактной живописи: «Беспредметная живопись — это нечто весьма жуткое по своей основной природе, ибо это торжество всякого любительства, невежества, бессмысленности и, разумеется, шарлатанства... надо опасаться лжи, притворства, всякого мудрствования лукавого...».

Об искусстве Пикассо Бенуа делился в 1946 г. со мною следующими мыслями: «... до какой степени признаки всеобщего огрубения и одичалости приобретают все более отчетливый характер! И несомненно, однако, что самым крупным проявлением этого духовного оскудения является продолжающийся развиваться и расплываться по миру культ Пикассо. Постепенно, благодаря ему, гнусная харя с высунутым языком» становится как бы эмблемой нашей эпохи. И к тому же — в каком планетарном масштабе! Вот где уж никак нельзя усомниться в присутствии бесовского начала — но отнюдь не в смысле чего-либо величественного и демонически прекрасного, а в смысле самой пакостной и низменной чертовщины. Вот Вы вспоминаете слова

Достоевского: „Раз Бога нет, то все позволено”. Но тут налицо уже та стадия позволенности, когда все роскошное оргиастически, пусть порочное, но все же пленительно прекрасное, исчезает, а вместо того вылезли обман и наглое издевательство, что и „плодобаёт”. Все позволено, но черт, посылая в лице Пикассо на землю одного из своих агентов, радуется, что люди, прельщенные всей дозволенностью, получают в творчестве этого художника лишь

какой-то кукиш — к тому же сложенный не из нормальных человеческих пальцев, а из чего-то корявого, обглоданного и падалью воняющего...».

В мудром взгляде на все живое, прошедшее и вновь приходящее, есть у А. Бенуа много общего с Пушкиным, и постоянное следование заветам великого поэта поддерживало в А. Бенуа веру в светлое будущее русского народа.

Педагогическое совещание в Нью-Йорке

23 сентября в зале для собраний Синода Русской Православной Церкви за рубежом состоялось совещание заведующих и преподавателей церковно-приходских школ Нью-Йорка и ближайших приходов.

Собрание открыл Архиепископ Никон, управляющий Западно-Американской епархией. На место скончавшегося С. Н. Боголюбова Владыка Никон назначил Г. В. Лукьянова, который провел всю техническую подготовку педагогического совещания и которому поручено дальнейшее ведение школьно-приходской деятельности епархии.

Одна из задач «Зарубежья» как можно шире освещать жизнь, деятельность и творчество зарубежной России в целом.

Редакция обращается поэтому ко всем читателям журнала с просьбой присылать нам информационный материал о событиях из жизни эмиграции. С этой же просьбой редакция обращается и ко всем организациям, учреждениям и издательствам нашего русского рассеяния.

Собрание под председательством Д. Ф. Левицкого, преподавателя Флашингской школы, прошло в дружеской и деловой обстановке. Присутствовало около 60 преподавательниц и преподавателей, среди которых были и молодые педагоги, окончившие эти же самые приходские школы, американские университеты и вернувшиеся в свои школы в качестве преподавательниц или преподавателей.

В районе Нью-Йорка 11 приходских школ с общим числом около 600 учащихся. Большинство школ рассчитано на десятилетнее преподавание и при большинстве школ имеются детские сады. При некоторых школах существуют специальные классы для неговорящих по-русски.

Наиболее значительными школами являются: Синодальная школа — 88 учащихся, основанная 20 лет назад, Флашингская школа, существующая 12 лет — 78 учащихся — обе в Нью-Йорке и в соседних городах — Наяке — 120 учащихся, в Лейквуде — 107 учащихся и в Патерсоне — 60. Остальные школы имеют несколько меньшее число учащихся, чем перечисленные. Это 2 школы в Си Клиф-

фе, 2 школы в Филадельфии, одна в Бруклине и одна в Ричмондхиле.

До обеда были доклады и дискуссии по вопросам программ, методики преподавания и учебных пособий.

Во всех школах преподается Закон Божий, русский язык и русская история. Во многих преподается также и география, а в некоторых фольклор, история русской литературы и история русской культуры (живопись, архитектура и музыка).

Многие выступавшие жаловались, что родители не уделяют достаточно внимания тому, как их дети выполняют домашние работы, и часто говорят с ними дома по-английски.

Обсуждался и вопрос сотрудничества приходских школ с русскими внешкольными организациями.

Будущее русской эмиграции целиком зависит от сотрудничества между собою церкви, церковных школ, внешкольных организаций и родителей.

Русская общественность Нью-Йорка и окрестностей возлагает большие надежды на состоявшееся первое, за многие годы, педагогическое совещание.

Р. Полчанинов

ХРОНИКА

ЗАРУБЕЖНОЙ ЖИЗНИ

• 4 июля в Лондоне состоялся парадный спектакль — гала-премьера фильма, посвященного искусству Рудольфа Нуреева, в пользу благотворительного фонда Королевского балетного училища. В фильме были использованы отрывки из балетов «Сильфида», «Маргарита и Арман» и «Спящая красавица». В главных ролях вместе с Нуреевым танцевали Марго Фонтейн, Карла Фраччи, Лин Сеймур и Дина Бергма.

• В Венеции предполагается открыть музей С. П. Дягилева и И. Стравинского. Здесь они похоронены на кладбищенском острове Сан Микеле.

• Издательство «Ардис» в Анн Арбор (США) переиздало фотографическим

способом следующие книги, ставшие библиографической редкостью: «Темы и вариации» Бориса Пастернака, «Четки» Анны Ахматовой, «Камень» Осипа Мандельштама, «Блуждающие звезды» Исаака Бабеля и «Версты» Марины Цветаевой. Адрес издательства: Ardis, 615 Wateredge Drive, Ann Arbor, Michigan, USA.

• В связи с выставкой картин художника Юрия Титова в Бад-Гомбурге (ФРГ), Глеб Александрович Рар прочитал 7 сентября 1972 г. доклад «Религиозные течения в литературных и художественных кругах Советского Союза».

• Русский иконописец Борис Иванович Шаповалов после войны обосновался в Базеле (Швейцария). Из его наибо-

лее известных работ необходимо отметить: восемь икон в храме св. Прокофия Устюжского в Гамбурге, иконы св. Франциска, св. Иосифа с младенцем и св. Мартина в католической церкви в Гамбурге. Много работ Бориса Ивановича находится в Музее искусства в Белграде.

• 26 ноября 1972 г. старший лектор Йельского университета В. Д. Самарин прочитал в Нью-Йорке в лекционном зале Св.-Серафимовского фонда лекцию «Идейные искания в Самиздате». Это была вторая лекция о Самиздате. Первую свою лекцию — «Литература Самиздата» — В. Д. Самарин прочитал 30 января 1972 г. в Нью-Йорке же, в Русско-Американском институте славяноведения.

• В июле с. г. Русский дом в Мельбурне (Австралия), отмечая 300-летие со дня рождения первого русского импера-

тора — Петра I, демонстрировал фильм «Петр Первый». 23 июля, в связи с петровскими торжествами там же Г. Н. Петропуло прочитал доклад о Петре Великом. Собрав большой и интересный материал об императоре, докладчик рассказал о роли Петра I в историческом развитии России. Здесь же была проведена очередная «Зеленая лампа» на тему «Юмористы XX столетия». Были прочитаны рассказы М. Зощенко, С. Черного, А. Аверченко. Читали опытные и любимые публикой Г. Н. Петропуло, Е. Т. Федорович, Ф. И. Тарлов и З. Кузьминская.

• 16 июля состоялся юбилейный (5 лет) номер «Живой газеты» в Аделаиде (Австралия). Как обычно, содержание было разнообразным, в номере приняли участие почти все сотрудники газеты. Редактор «Живой газеты» Н. Н. Лобачевский отметил непрекращающийся интерес слушателей и поблагодарил собравшихся за поддержку этого начинания. Газета выходит раз в два месяца и дает кроме статей на актуальные темы — политические, литературные, местные информации, обзор мировой и австралийской прессы с русской точки зрения, а также снимки от поездок по странам Европы, Азии, по Советскому Союзу и Австралии. Постоянные сотрудники: д-р Г. П. Калиновская, д-р П. П. Калиновский, Е. П. Виноградова, Г. С. Филатов, В. Г. Соболич, К. А. Мейсонер, И. Е. Строковский, Н. Н. Доннер, Н. Н. Лобачевский, В. Н. Резников (собственная поэзия), О. В. Козин (собственная поэзия). О. Иоанн Стукач прочитал большой доклад, иллюстрированный цветными снимками на экране, о поездке в США (Джорданвилль), Грецию, на Афон и в Святую Землю.

• 17 сентября в Русском доме в Мельбурне (Австралия) была проведена «Устная газета» с участием давно не выступавшего, в прошлом организатора этой газеты А. А. Морозова, прочитавшего доклад «Советское дипломатическое наступление на Австралию». Вторым докладчиком был Г. Н. Петропуло, давший обзор международных событий. Оба доклада содержали прекрасный материал.

• Основанный в Сан-Франциско (США) в 1968 году кружок «Литературные встречи» выпустил альманах с участием восемнадцати авторов. Помещены стихи следующих поэтов: В. Ант, И. Автономов, Н. Залесский, О. Капустина, А. Соколов, Н. Ощуркова, О. Скопиченко, М. Смирнова, О. Федд, Л. Стоцкая, А. Жернакова-Николаева и В. Дордопуло. Проза представлена авторами: О. Скопиченко, М. Имшенецкая, Г. Ишевская, Н. Пугачев, Э. Брузинская и В. Пправе.

• 4 августа в Мельбурне (Австралия) был проведен бал в память петровских ассамблей. Бал был костюмированный, в стиле начала XVIII столетия. Лучшие костюмы получили призы. Выступала группа студентов русского отделения Мельбурнского университета с пением русских песен и русскими плясками, в русских костюмах.

• 20 августа в Мельбурне (Австралия) состоялись выборы правления Русского дома. Собрание одобрило работу истекшего года по всем ее разделам и единогласно проголосовало за продолжение срока членам правления старого состава с довыборами выбывших.

• В Нью-Йорке ежегодно устраиваются Ассоциацией св. Георгия митинги непримиримости к коммунистическому режиму в России, к коммунизму вообще. В 1972 г. на митинге 7 ноября обращало на себя внимание присутствие молодежи. В президиуме митинга были представлены три поколения эмиграции: князь С. С. Белосельский и Архиепископ Никон, заместитель председателя Синода Русской Зарубежной Церкви; И. Д. Корниенко и В. Д. Самарин; Андрей Ильинский и Михаил Полчанинов (скаутская организация ОРЮР). Доклад «Основа нашей непримиримости к коммунизму» прочитал Андрей Ильинский. После митинга состоялся концерт с богатой программой, в которой приняли участие известные в Нью-Йорке артисты Константин Москаленко (баритон) и Вера Кузьмина (сопрано). Русский хор Йельского университета, состоящий из студентов-американцев, исполнил русские церковные песнопения и народные песни.

• В Париже создан Международный комитет за освобождение Владимира Буковского. Комитет создан по инициативе организаций: Движение французских солидаристов, Движение «Еуропа цивильта» в Италии, Юные солидаристы — Дания, Комитеты СМОГ в Норвегии, Швеции и Дании и «Фламандский комитет солидарности с Восточной Европой» — Бельгия. В своем обращении к общечеловечности Международный комитет призывает всех, кто отдает себе отчет в незаконности вынесенного Буковскому приговора, подписать петиции и требовать пересмотра дела Буковского с открытым делопроизводством, с привлечением свидетелей защиты и в присутствии наблюдателей и журналистов, равно как и закрытия специальных психиатрических больниц. Адрес Международного комитета за освобождение Буковского: Comité International pour la Libération de Vladimir Boukovski, 22 rue des Martyrs, Paris 9e. Tel. 5 26 12 36.

• 6 сентября 1972 г. в Бад-Гомбурге (ФРГ) было отпраздновано 15-летие «Немецко-русского общества». Главный доклад «Современная молодежь о германо-советских отношениях» прочитал депутат Бундестага Герхард Кунц. В концертном отделении были исполнены произведения русских и немецких классиков.

• В. Кобылин, Император Николай II и ген.-ад. М. В. Алексеев, Всеславянское издательство, США. 448 стр. 8 долларов. Slavonic Bazaar. 31 Middle st. Bridgeport, Conn., 06603. В этой книге использован чрезвычайно обширный материал для освещения всех событий, которые привели к трагическим дням февраля-марта 1917 г. Сопоставляя Государя Императора Николая II с ген.-ад. М. В. Алексеевым, автор с предельной точностью показы-

вает мировоззрение этих двух людей и все вытекающее из этого последствия, приведшие к роковой развязке.

• Издательство «Фонд свободной России» выпустило долгоиграющие пластинки коротких рассказов А. Солженицына, записанные с самиздатовской ленты. Читает сам автор. К пластинке прилагается брошюра с русским текстом этих рассказов. Цена 20.80 нем. марок. Пересылка за счет заказчика. Заказы следует направлять по адресу: M. Zalesky, D-6 Frankfurt/M. Postfach 180 408.

• 17 ноября в зале заседаний Нью-монт майнинг корпорейшн на Парк-авеню в Нью-Йорке состоялось годовое собрание Совета директоров Толстовского фонда, на котором присутствовало 16 членов Совета: В. Вашбэрн, Э. Н. Вест, С. С. Гагарин, Р. Х. Джордж, проф. Э. Дэль, А. С. Кочубей, П. А. Малоземов, Т. Мильбанк, кн. С. П. Оболенский, О. О. Пантюхов, О. Р. Перцова, А. К. Сидамон-Эристов, А. Л. Толстая, О. М. Толстая, В. В. Хвоцинский и Т. А. Шауфус, а от администрации фонда Генеральный секретарь Т. К. Бапратин-Мухранский и Администратор Нэрсинг-хом'а Толстовского центра Декурс Лаверинг. Председательница Толстовского фонда Александра Львовна Толстая отметила в своем вступительном слове тяжелую утрату, понесенную Толстовским фондом в лице скончавшегося 26 октября Игоря Ивановича Сикорского, бывшего долготлетним Председателем Совета директоров фонда, а также помянула Бориса Васильевича Сергиевского, скончавшегося 24 ноября через несколько дней после годового собрания 1971 г. Александра Львовна внесла предложение выбрать новым Председателем Совета директоров Платона Александровича Малоземова, что было единодушно поддержано всем Правлением.

• В 1947 г. в Бельгии Г. Е. Чаплин и А. В. Байкалов основали Объединение Российского Зарубежья, которое в следующем году получило название «Российское национальное объединение» (РНО), годовым праздником которого был отмечен в Брюсселе 6 августа 1972 г.

• Филателистический журнал «Marken-Mauritius», выходящий в Мурнау (ФРГ), опубликовал в № 3 за 1972 год заметку «Армия повешенного генерала имела свои особые почтовые марки». В этой заметке утверждается, что армия генерала Власова, состоявшая из двух дивизий, формировалась в Чехословакии с штабом, расположенным в городе Слобода. Имелось право печатания своих почтовых марок, которые, наверно, предполагалось в дальнейшем использовать в России. Из авторитетных кругов, имевших в свое время прямое отношение к Освободительному Движению генерала Власова, нам было подтверждено, что вышеприведенная заметка является в лучшем случае глупой шуткой, на которую попалась доверчивая редакция журнала. Ни Освободительное Движение, ни военное командование Власовской армии почтовых марок не печатали. Города или

местечка Слобода в Чехословакии никто не знает. Армия Власова никогда не формировалась или дислоцировалась в Чехословакии. Печать, которой погашены марки, воспроизведенные в приведенной заметке, снабжена числом 20 сентября 1943 года. В это время еще никаких формирований армии Власова не существовало. Можно привести еще много других доказательств тому, что журнал «*Magken-Mauritius*» и филателисты, на авторитет которых журнал ссылается, стали жертвой шутника или...

• 22 и 23 июня 1972 г. в Сан-Франциско (США) состоялся съезд православных студентов Северной Америки, организованный специальным комитетом при «Постоянном совете православных канонических епископов в Америке». Первую лекцию на съезде прочитал греческий епископ Димитрий об укладе жизни в православной исторической традиции. Протоиерей Сергий Глаголов в докладе, проведенном в форме диалога, говорил об основах Православия, о Таинствах Церкви, приводя примеры из жизни православных подвижников.

• 20 августа 1972 г. в зале Украинского дома молодежи в Сиднее (Австралия) состоялся концерт и смотр молодых сил. Участниками были скауты-разведчики объединения «Дружба» и учащиеся русских школ Сиднея.

• Объединение молодежи витязей (О.М.В.) провело 28—29 октября 1972 г. вблизи Парижа съезд-конференцию под лозунгом «Православие в русской истории». На съезде были прочитаны следующие доклады: Г. А. Рар, Влияние православия на русскую культуру; Ю. А. Залеский, Тезисы А. В. Карташева о воссоздании Святой Руси; Архиепископ Женевский и Западноевропейский Антоний, Влияние православия на психологию русского человека.

• Лагерь Восточного района Северо-Американского отдела ОЮОР ежегодно устраиваются на собственном участке земли с 120 акрами леса с небольшим озером и часовенкой в честь св. Георгия, небесного покровителя скаутов-разведчиков. В июле 1972 г. было устроено четыре отдельных лагеря под общим руководством А. Ильинского, А. Захарьина и М. Козлова с общим числом 95 лагерников. В память 160-летия Бородинской битвы лагерь разведчиков был назван «Бородино», а в память 730-летия Ледового побоища лагерь разведчиц был назван «Чудское озеро». Лагерь волчат (мальчиков до 12 лет) назывался «Страна Муравия», а лагерь девочек-белочек (до 12 лет) назывался «Теремок». Ежедневно проводились занятия по Закону Божию, родиноведению и скаутской практике, а также костры, спевки, чтения, игры, походы, купанье и спорт. 20 июля состоялось традиционное паломничество в Свято-Троицкий монастырь в Джорданвилле. 15—16 июля было совещание руководителей Восточного района, на которое прибыл скм. И. Шмитов из Аргентины и рассказал собравшимся о деятельности Аргентинского отдела

ОЮОР. С каждым годом лагерь все больше и больше благоустраивается. Закончена постройка каменного дома-склада и большой деревянной беседки для лагерных костров в дождливую погоду на 150 чел. Из Восточного района было послано 12 молодых людей и девушек на руководительские курсы в Германию. Курсы продолжались с 22 июля по 5 августа. Начальником курсов был скм. И. Чекач из Парижа, а начальником курсантского лагеря скм. С. Тарасов из Франкфурта. В программу курсов входило 15 предметов с чтением от 5 до 7 лекций каждый день. После окончания курсов курсанты из Америки совершили двухнедельную поездку по Европе с посещением Мюнхена, Гармиш-Партенкирхена, Чертова Моста в Швейцарии, Рима, Парижа и Люксембурга.

• Культурно-просветительный отдел Парижского округа Национальной организации витязей (НОВ) развивает активную деятельность. На январь—май 1973 г. намечена следующая программа: 10. 1.: М. Ягелло, Чехов и МХТ; М. Малько, Краткий обзор современной русской литературы; 24. 1.: В. Н. Ильин, Чайковский; 7. 2.: И. Орлов, Искусство XX в.; К. Фурье, Русский балет; В. Гурко, Россия и вторая мировая война; 28. 2.: П. Е. Ковалевский, Обзор XX века; 2. 3.: Дружеский ужин членов О.М.В.; 14. 3.: Вечер под голубой лампой — чтение стихов; 28. 3.: Доклад (тема будет сообщена впоследствии); 2. 5.: Разговоры членов О.М.В.; 16. 5.: Доклад на религиозную тему; 30. 5.: Заключительное собрание. В начале каждого собрания — краткий обзор русской прессы. Обычные, кроме вышеуказанных, собрания состоятся по средам в 20 час. 30 мин. на рю Мериме, 5, Париж 16, Метро — Помп, Трокадеро или Виктор Гюго. Правление группы: Председатель — инструктор НОВ Н. Иванов — 79, б-р Вольтер, Париж 11, тел. 355-57-71; Секретарь — В. Гурко — 32, б-р Марбо, Париж 16; казначей — Е. Оболенская — 10, скв. Шатийон, Париж 14. Руководитель О.М.В. — ст. руков. НОВ А. Н. Федоров.

• Французский отдел Национальной организации русских скаутов (НОРС) устроил летний лагерь под деревушкой Шароссин (бл. г. Руайан). Все бывшие руководители, скауты и герл-гайды были приглашены навестить лагерь.

• В русском детском доме в Монжероне (Франция), одном из самых светлых начинаний нашей эмигрантской жизни, в данное время находится 50 детей от трех до семнадцати лет. Ввиду явного уменьшения числа нуждающихся русских детей и постоянно возрастающих трудностей по сбору средств было решено не принимать новых детей. Но в силу обстоятельств в 1971 году было принято четверо детей из Китая. Покойная София Михайловна Зернова создала этот дом любовью, надеждой и верой. До сих пор жили в нем дети, часто братья и сестры, до окончания школы, учились русскому языку, ходили в православную церковь; многие просили и получили крещение.

• В 1972 г. уже в четвертый раз было совершено православное паломничество в Италию, организованное русским православным приходом в Каннах (Южн. Фрайндия). Автобус с паломниками отшел 5 сентября в 13 часов 45 минут от русской церкви св. Архангела Михаила в Каннах. Паломники посетили православные святыни гор. Рима, поклонились мощам святителя Николая Чудотворца в Бари и приняли участие в богослужении на горе Чуда Архистратига Божия Михаила (Монте-Сант-Анджело).

• Епископ Мефодий передал во время паломничества в Святую Землю в 1972 г. следующие пожертвования, собранные русскими людьми: Елеонскому монастырю 2 500 дол., Гецсиманскому монастырю и школе 2 500 дол., Храму Гроба Господня 1 800 дол., отдельным лицам (25 чел.) 748 дол., православным арабам 542 дол., разным храмам (19 храмов) 167 дол., игумену Игнатию 160 дол. и архимандриту Феодосию 150 дол. Всего было передано 8 567 долларов.

• Часовня, построенная в 1868 году в строго византийском стиле на месте дома, в котором в 1865 году в Ницце (Франция) скончался наследник цесаревича Николай Александрович, старший сын императора Александра II, сильно обветшала и нуждается в капитальном ремонте. Многие иконы и фрески необходимо реставрировать. Русская церковь в Ницце начала сбор средств. Образован специальный строительный комитет под председательством епископа Романа. Пожертвования просят направлять по адресу: Eglise russe. Fonds de la Chapelle, 6. Rue Longchamp — 06 — Nice — France.

• Храм Св. Николая в Аделаиде (Австралия) обогатился стеной запрестольной росписью. Это — икона «Деисус» работы художника Василия Николаевича Резникова. Икона написана в стиле XIV—XV веков. Размеры 3 на 2,7 м. В центре на светлом троне изображен благословляющий Спаситель, окруженный серафимами. Справа Пресвятая Богородица. Слева Иоанн Креститель. Икона — дар художника храму. Художественное образование он получил в Москве. В эмиграции проживал в Югославии, где изучал старинные фрески сербских монастырей.

• В марте с. г. исполнилось 40 лет со дня основания Скита Всех Святых в Земле Российской просиявших. Скит был основан архимандритом Алексеем Киреевским, купившим на свои средства небольшой участок земли на месте бывших окопов русской дивизии на французском фронте первой мировой войны.

• Сохранение русского монашества на Афоне, столь важного для св. православия и русского народа, теперь зависит от пополнения русского афонского монашества, оскудевшего в своем числе. Русские люди, желающие вступить в иноческую жизнь на Св. Афоне, могут получить необходимые справки и содействие в Архиерейском Синоде Русской Православной Церкви за границей в г. Нью-Йорке: 75 East 93 St., New York, 10038, U.S.A.

• По случаю 20-летнего юбилея церкви преподобного Серафима Саровского в Нью-Йорке издана книга «Преподобный Серафим Саровский», 200 стр., ценные иллюстрации. Цена 4 доллара 50 центов.

• При посещении Митрополитом Филаретом Западной Германии 1 июля владыка Митрополит служил всенощную в св.-Николаевском кафедральном соборе гор. Мюнхена. 2 июля Митрополит в том же храме отслужил Божественную Литургию. У входа в собор он был встречен старостой храма с хлебом-солью. С Митрополитом сослужили Архиепископ Филофей, епископ Павел, епископ Нафанаил и духовенство гор. Мюнхена при четырех диаконах и десяти прислужниках. Прекрасно пел церковный хор под управлением регента Виктора Дрезинга.

• Бывший начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Димитрий, в течение двадцати лет стоявший на этом посту, и игуменья Спасо-Вознесенского женского монастыря мать Тамара награждены знаком-орденом первой степени Православного Палестинского Общества в Иерусалиме.

• 25 июня в большом зале синодального дома в Нью-Йорке состоялся розыгрыш лотереи в пользу Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Первый приз — бесплатный полет на две персоны в Святую Землю получил Матфей Кряж из Нью-Йорка; второй приз (История Зарубежной Церкви в двух томах) — сестра Лидия Пустовалова, Австралия, Б. Романцева, Калифорния, прот. Иоанн Легкий, Нью-Джерси, К. Мадден, Коннектикут, А. Абрамов, Калифорния, Таисия Банденикс, Канада, А. Филатов, Флорида; третий приз (Пластинка хора Гефсиманских монахинь) — В. Самарин, Коннектикут, Лидия Трель, Норт Каролайн, Георгий Тяжелов, Флорида, Василий Филин.

• К Рождеству Христову 1972 г. Обитель преподобного Иова Почаевского в Мюнхене (ФРГ) разослала своим прихожанам и друзьям следующее поздравление: «Обитель преп. Иова в Мюнхене сердечно поздравляет Вас со святым праздником Рождества Христова и с Новолетием, молитвенно желая Вам от Господа всего наилучшего. Чтоб вывести нас из царства лжи и грязи, каким был языческий мир, Сын Божий сходит в этот мир, обрекает Себя на гонение с первых же дней Своего воплощения, потом на страдание и смерть, и тем дает людям свет и радость, чистоту и правду христианства. Этой чистотой и правдой наслаждался христианский мир в течение ряда веков. Не все было хорошо да-

же и тогда: много зла и греха оставалось в людях. Но чистота и правда христианская доминировали, люди стыдились грязи и лжи, исповедывали себя последователями правды и чистоты христианской, и если святые, подлинные носители света Христова, появлялись в их среде, то пред ними преклонялись, их почитали. Не то теперь. Снова, как в древнем язычестве, прязь и ложь торжествуют. Но, быть может, поэтому мы лучше предыдущих поколений можем понять, что именно принес в мир ныне нас ради родившийся в Вифлеемской пещере Богомладенец Христос. Духовно задыхаясь от смрада в современном мире, потянемся к свету нашего Господа, и Он, как и две тысячи лет тому назад, снова протянет к нам Свои спасительные руки и, утешая и ободряя нас, даст нам Свою ничем не победимую силу. Только бы нам остаться верными Ему до конца. О сем молимся мы, дорогие, и за себя, и за Вас, и за близких Ваших. Христос с Вами!».

• Один из новых проектов Толстовского фонда, осуществление которого предполагается в 1973 г., — постройка нового дома для престарелых на 40 кроватей на территории фермы фонда, ныне переименованной в Толстовский центр. Две трети средств, использованных в 1971 году на деятельность Толстовского фонда, были получены как частные пожертвования, а приблизительно одна треть была финансирована по контрактам, заключенным с Верховным Комиссаром Организации Объединенных Наций по делам беженцев, с Отделом по делам беженцев Государственного департамента США, а также с Правительствами Германии и Бельгии. Ревизия отчетности, произведенная фирмой контролеров Государственного контроля, показала, что административные расходы составили в 1971 г. лишь 5,2% общего оборота сумм. Общее число лиц, зарегистрированных в 16 отделах фонда в США и за границей для оказания разных видов помощи, составляло в том же году (когда был произведен последний статистический подсчет) 21 209 чел.

• Находившийся на Карельском перешейке (Финляндия) русский старческий дом «Аурилко», основанный в 1923 г., был после войны эвакуирован в Борго. Старческий дом находился в ведении Особого комитета по делам русских в Финляндии. Во главе этого комитета стоял 34 года ныне скончавшийся барон Борис Николаевич Гревениц.

• В Нью-Йорке скончался после тяжелой болезни Николай Зотикович Кадес-

ников, автор учебника русской истории. Часть этого труда под заглавием «История России XX века» уже издана и принята как учебник в Св. Сергиевской гимназии в Нью-Йорке. Первая часть «От начала Государства Российского» будет издана в ближайшем будущем. Работа «История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме», которую покойный заканчивал уже в больнице, будет издана Миссией и будет ему памятником от Святой Земли.

• 17 августа 1972 г. в Лос-Анджелесе скоропостижно скончался скаутмастер Виктор Викторович Розенберг, член Совета ОРЮР и крупный специалист в области внешкольного воспитания. В 1920 г. в 15-летнем возрасте он вступил в скаутскую организацию и с тех пор отдавал все свои силы работе с русской молодежью.

• В Нью-Йорке скончался 16 октября 1972 г. в канун своего 92-летия старейший русский журналист Александр Абрамович Поляков. Он отдал журнализму 65 лет своей жизни. Эту деятельность он начал в «Одесских новостях», потом работал в Петербурге в «Биржевых ведомостях», позднее в московском «Русском слове». В 1919—20 гг. в Севастополе он редактировал газету «Юг России», одну из последних свободных газет нашей родины. В эмиграции он работал в Париже в милюковских «Последних новостях», а последние 28 лет в нью-йоркском «Новом русском слове».

Редактирует коллегия

Редактор В. Сорокин

Секретарь редакции А. Желнин

Перепечатка разрешается,
но с указанием источника

Адрес редакции:

SARUBESCHIE

8 München 86

Postfach 860327

Bundesrepublik Deutschland

Банковский счет № 90 246

Банк: Reuschel & Co.

8 München 80, Ismaningerstr. 98

Verantwortlich für den Inhalt

V. Sorokin

Druck: „Logos“, München 19, Bothmerstr. 14